

Они прорвались
в сегодняшний день
из тысяч веков.
Они боят утас и смерть,
и все это ради одной
бессонной для них монеты

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

ЗОНА РИСКА

**талер
чернокнижника**

ЦЕНТРОБЛГРАФ

Виталий Дмитриевич Гладкий

Талер чернокнижника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156445

Талер чернокнижника: Издательство: Центрполиграф, 2006 г.;

Москва; 2006

ISBN 5-9524-2397-3

Аннотация

В руки заядлого нумизмата Никиты Бояринова попала редчайшая монета, рудничный талер, – вещь редкая, с древней мистической историей. Узнавая все больше подробностей о судьбе талера. Ник начинает анализировать цепь трагических происшествий, потрясших жителей его дома. Атмосфера вокруг монеты и ее владельца сгущается, пропадает любимая девушка Лиза. Молодого человека от таинственных пришельцев из прошлого спасают только астральная защита, которую создал дед Бояринова, brave омовцы и майор угрозыска Ляхов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	47
Глава 4	60
Глава 5	78
Глава 6	99
Глава 7	116
Глава 8	130
Глава 9	152
Глава 10	170
Глава 11	187
Глава 12	212
Глава 13	234
Глава 14	255
Глава 15	271
Глава 16	289
Глава 17	300
Глава 18	319
Глава 19	331
Глава 20	342
Глава 21	363

Виталий Гладкий

Талер чернокнижника

Глава 1

Сначала был убит мой сосед снизу.

Я слышал какой-то шум и возню в квартире этажом ниже, но не придал этому никакого значения. Почему? Да все очень просто. Во-первых, сосед с нижнего этажа, который купил квартиру в нашем подъезде года два назад, обладал буйным характером. Как только подопьет, так сразу же спайсается, кто может. А пил он регулярно, почти каждый день. Работа у него была нервная.

Хам Хамыч (так моего соседа прозвала очень образованная тетка с верхним образованием, которая убирала в нашем подъезде) возглавлял какой-то очень солидный банк. И, судя по машинам самых дорогих иностранных марок, которые он менял, словно перчатки, имел весьма приличный доход, притом явно с «левых» операций.

Ну, это к слову. Теперь, во-вторых: последние два или три месяца сосед-банкир жил один. От него ушли и жена, и даже домработница.

Дело в том, что он не только ронял мебель и бил посуду, но еще и поколачивал своих домочадцев. А так как женщины

у нас нынче стали сверхэмансипированными (к свободе ведь идем, в светлое царство абсолютной демократии), то терпеть подобное обращение даже за большие деньги никто не желает.

После такого семейного фиаско Хам Хамыч начал буйствовать пуще прежнего. Только теперь он разбойничал в присутствии проституток, а также своих подчиненных женского пола, которые были не в силах устоять перед невероятным мужским обаянием начальника, в основном заключавшемся в его пухлом от кредиток портмоне.

Видимо, слух о разводе босса дошел до коллектива, возглавляемого Хам Хамычем, очень быстро, и юные прелестницы гурьбой ринулись занимать очередь за заветной отметкой в паспорте. Я их не осуждал – найти богатого жениха в наше время это все равно, что поймать дырчавым неводом золотую рыбку в море-океане. Они ведь косяками не ходят.

И последнее – в этот момент я был очень занят. Как раз тогда, когда внизу начался уже привычный тарарам, я услышал нечто такое, от чего мое лазурное игривое настроение улетучилось, словно сигаретный дым на сильном ветру.

– Ник, я беременна...

Это было сказано тонким, нежным голоском и очень тихо – мне на ухо. Но я вдруг услышал грозовой раскат, который потряс все мое естество до основания.

Беременна! Это когда же?... Убей Бог, не помню. Не было печали... От мысли, что через несколько месяцев я стану

папашей и буду стирать в тазике изгвазданные детским поносом пеленки, у меня едва не помутилось сознание.

В общем, в этот момент я просто оцепенел. Наверное, раздайся за окном взрыв артиллерийского фугаса, я на него не среагировал бы.

– Почему молчишь? Ты не рад?

О, эта женская непосредственность! Она может любого мужика свести с ума. Что значит – не рад? Это не то слово. Да я просто счастлив... бля! Это же надо, такая потрясающая и главное уникальная история приключилась – забеременела очередная девица. Как мне повезло, как повезло... У-у-у!...

Едва сдерживая стон отчаяния, который так и рвался из моей груди, я ответил:

– Рад... – И уточнил: – За тебя рад.

– Это как понимать? – насторожилась моя пассия.

– Ну, ты же ведь хотела ребеночка...

– Да, хотела.

– Тогда все нормально. Ты получила его. Можешь теперь бить во все колокола.

Мою подружку будто шилом ткнули в заднее место. Она мгновенно заледенела и рывком приняла сидячее положение. Ее взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Договаривай! – сказала она требовательно.

– Мне сразу выкладывать все свои мысли по этому поводу или по частям?

– Ник, не темни. Я уже знаю, что ты лис в человеческом об-

личье, но со мной такие штуки не проходят.

– Ты считаешь меня большим хитрецом? Дорогая, это заблуждение. Я наивен и недалек. Будь я хоть немного умней и предусмотрительней, этого разговора у нас не случилось бы.

– Та-ак... Значит, тебе наплевать на мое положение...

В голосе подружки прозвучали раскаты грома. Правда, пока еще дальние.

– Ну что ты, конечно, нет. Я всегда относился к беременным женщинам с повышенным пиететом.

– Но я не просто женщина! Я твоя женщина. И внутри у меня находится твой ребенок.

– Да, это меняет ситуацию...

Я допил рюмку коньяка, которая стояла на прикроватной тумбочке, и закурил. Моя подружка смотрела на меня, прищурившись – словно снайпер перед выстрелом по живой мишени.

Она ждала, что я расколуюсь, как гнилой орех; то есть, пущу слезу умиления, сознаюсь, что я гад, редиска, и вообще нехороший человек, потом заключу ее в объятия, горячо и искренне облобызаю, и, как истинный мужчина, не оставлю ее в беде, предложив руку и сердце.

Размечталась... Я нервно хихикнул; где-то в глубине души. Но на моем лице не дрогнул ни единый мускул.

– Однако, все дело в том, – сказал я, приняв приличествующий моменту скорбный вид, – что я пока не готов стать отцом. Знаешь, старые холостяки все со сдвигом по фазе...

– Это ты старый!?! – негодуяще фыркнула подружка. – Да на тебе можно с утра до вечера воду возить.

– Можно, – согласился я с легкостью. – Воду можно. Но что касается семейного воза – увы... – Я картинно развел руками. – Не сдюжу.

– И что мне теперь делать?

– Вопрос, конечно, серьезный. И однозначно ответить на него я не могу.

– Значит, все твои разговорчики о любви ко мне и прочая – это всего лишь пустая болтовня? Значит, ты вешал мне лапшу на уши...

– Остынь, дорогая, не заводись... – Я предусмотрительно принял более удобную позу – чтобы вовремя соскочить с кровати, если вдруг моя подружка надумает поточить свои коготки о мою физиономию. – Никакой лапши я не вешал, все это время я был с тобой искренен, но не думал, что все случится так быстро.

Тут я натянул не себя маску недоверия и продолжил многозначительно, заглядывая ей в глаза:

– Подозрительно быстро...

– На что ты намекаешь!?! – взвилась моя подружка.

– Напекаю? Тебе почудилось...

Мой голос был фальшив дальше некуда.

– Нет, не почудилось! Запомни и заруби себе на носу: никого, кроме тебя, у меня нет, и не было. И вообще – как ты смеешь так думать обо мне!?!

– Перестань, не заводишься. Мои мысли о тебе легки и прозрачны, милая. Момент...

Я встал и направился в ванную. Мне хотелось побыть наедине с самим собой минуту-другую, чтобы упорядочить мятущиеся мысли.

Закрывшись на задвижку, я оперся руками о раковину умывальника и посмотрел на себя в зеркало. Да, брат Никита, кажется, на этот раз ты влип по самое некуда... И что теперь делать? Изобразить благородного рыцаря и повести девицу под венец?

Оно, конечно, можно... но за какие шиши? Всего лишь два дня назад мне пришлось отвалить такие бабки за несколько старинных монет, что на них я мог бы гужевать полгода даже за бугром. А снимать деньги со счета прежде времени не хочется – потеряю большие проценты.

В принципе, мне кое-какие денежки должны отдать в течение месяца. А если плюс к этому толкнуть еще и две-три серьезные монеты из моей коллекции, то на торжество нам вполне хватит. И даже на свадебное путешествие кое-что останется... куда-нибудь в эмираты.

Тьху, тьху, изыди, нечистый! Что за дурацкая идея!?! На такой шаг я могу решиться только под дулом пистолета.

Продать монеты из коллекции! Ни в коем случае. Для меня коллекционирование старинных монет это хобби, превратившееся в образ жизни. И менять его я не намерен.

Основная часть моей коллекции перешла ко мне в наслед-

ство от деда (который при советской власти был большим ученым, академиком). А сам я уже почти двадцать лет занимаюсь собирательством металлических денег различных эпох и государств. Короче говоря, в этом деле я, как говорится, собаку съел – стал общепризнанным докой...

Ход моих мыслей нарушил грохот снизу. Мне показалось, что сосед расколотил унитаза. Это было что-то новое. Я с интересом прислушался. Но шум спустя две-три минуты прекратился, словно Хам Хамыч понял, что мешает мне сосредоточиться, и устыдился своего нехорошего поведения.

Должен сказать, что ванно-туалетные комнаты в нашем доме (а он был еще сталинской постройки) представляли собой великолепную акустическую систему. Как это могло так получиться, я не могу даже представить, но слово, сказанное шепотом в ванной первого этажа, можно было услышать на пятом.

Возможно, это было сделано с умыслом. НКВД хотело знать, что говорят ученые даже в туалете. Почему я так думаю? А все очень просто.

После смерти деда, когда я остался единственным его наследником и владельцем просторной академической квартиры в центре города (он как-то умудрился прописать меня на свою жилплощадь, что в те времена было архисложно), мои предки затеяли в дедовой квартире капитальный ремонт.

Вот тогда и вскрылось, что все комнаты были опутаны, как паутиной, тонкими проводками от подслушивающих

устройств. Нашли мы и микрофоны советской поры. Они, как и провода, скрывались под слоем штукатурки.

Должен заметить, что микрофоны были выполнены на очень высоком технологическом уровне. Так сказал мой батя, который работал в каком-то засекреченном НИИ. Он в этих делах собаку съел.

Подслушивающих устройств не оказалось только в ванной и туалете. Но там они и не были нужны. Акустика комнат житейской надобности была и так совершенна. Некоторые наши соседи иногда устраивали в ванной целые концерты. Это когда нужно было высказать кому-нибудь все, что наболело, притом оставаясь инкогнито.

Представляете картину: утром ты моешься в душе или бреешься, а чей-то измененный акустикой до неузнаваемости голос кроет тебя как распоследнюю сволочь разными нехорошими словами.

Мало того, что это слышишь ты (естественно, такая «критика» не добавляет тебе настроения перед началом рабочего дня), так еще и все жильцы подъезда жадно поглощают «информацию к размышлению», чтобы потом на скамейке перед домом перемыслить все твои косточки.

У баб из нашего подъезда уже выработался условный рефлекс – едва начинает бормотать ванная или туалет, как они тут же бросаются к этим «репродукторам», даже не досмотрев очередную серию какого-нибудь тупого телесериала.

Ну, ладно, это небольшое отступление. Думай, Никита,

думай! Что делать? Этот извечный русский вопрос предстал передо мной во всей своей неприглядной наготе. Жениться мне не хочется – это факт. Но факт и то, что моя подружка беременна.

(А может, она берет меня на понт? Чтобы проверить мои чувства к ней. Ах, как это было бы здорово... Увы, увы... Внутри уже угнездилась гаденькая уверенность, что она сегодня откровенна со мной как никогда прежде).

Карету мне, карету!... – сказал бы известный литературный персонаж, но как можно сбежать от приватизированной недвижимости, от престарелых родителей, друзей и от своей любимой коллекции?

Человек привязан к месту проживания сотнями невидимых уз. Редко кто соглашается на добровольной основе порвать их и начать писать продолжение своей жизни с чистого листа.

Но все равно какое-то решение принимать нужно. Нужно! Плеснув в лицо холодной водой, я вышел из ванной... и увидел, что моя подружка уже стоит одетая.

– Ты куда? – спросил я удивленно.

(А внутри у меня все запело – нелегкий разговор откладывается! Завтра или послезавтра – это не сегодня и не сейчас).

– Домой, – отрезала она, подкрашивая губы перед зеркалом в прихожей.

– Не понял... Уже поздно, на дворе полночь.

– Не переживай, провожать тебе не придется... – Она оки-

нула меня с головы до ног уничижающим взглядом. – Я звала такси.

– Ну, если так... Тогда это меняет дело. – Я заботливо снял пушинку с ее плеча. – Мне тоже не мешает хорошо выспаться.

– И это все, что ты хочешь сказать мне на прощанье?

– Нет, не все. Я хочу пожелать тебе доброго пути и спокойной ночи.

– Ник, какой же ты негодяй... Ну почему, почему я не раскусила тебя раньше!?

– Да, вот такое я... В общем, понятно. Я пересмотрю свои жизненные принципы, обещаю. Дай мне только срок.

– Ты снова ерничаешь. Я уже устала от твоих дурацких шуток и розыгрышей.

– Не бери в голову. Это у меня наследственное. Я весь пошел в деда. Мой дед-академик из-за одной невинной шутки по поводу советской власти торчал три года на Колыме; между прочим, вместе со знаменитым конструктором космической техники Королевым. Как это не грустно, но его спасла война. Деда изъяли из лагеря в сорок первом, и он до сорок четвертого года пахал в «шарашке» – что-то там изобретал.

– Не обольщайся. Ты не такой везучий, как твой дед. Тебя ничто не спасет от женитьбы на мне. Понял?

– Во гневе ты еще красивее, моя дорогая. Кстати, тебе эта помада идет. Цвет то, что надо. Освежающий.

– Не нужно кидать мне леща и переводить разговор в иное

русло. Может, я и дурочка, но не до такой степени, чтобы не понять, куда ты гнешь. Даю тебе сутки на размышление. И ответ должен быть только положительным. Понял, негодяй ты эдакий?

– Понял, любовь моя, понял.

Я изобразил покорного ягненка, который стоял перед голодной волчицей на задних копытцах.

– Все, я убегаю – время. Целуй меня... не в губы, в щеку! Помаду размажешь. Я же сказала – провожать меня не нужно! Такси уже стоит у подъезда, а ты будешь одеваться полчаса...

Она ушла. Вскоре я услышал звук автомобильного мотора, который тут же растворился в ночной тишине.

Мне попались на глаза старинные настенные часы. Они показывали половина второго. Хорошо, что стоянка такси почти рядом с моим домом, подумал я с облегчением. Этот факт меня здорово выручил. В нашем городе вызвать ночью таксомотор – большая проблема.

Теперь у меня есть время подумать. Нет, не о предстоящей свадьбе. А о том, как сорваться с крючка. Хотя, если посмотреть на ситуацию с другой стороны, то мне уже давно пора жениться. Как-никак, стукнуло тридцать три годочка. Временной порог, от которого обычно начинаются большие свершения. Правда, у больших людей.

Я же всего лишь простой обыватель. Бог не дал мне никаких особых талантов. За исключением потрясающей лени.

По-моему, Обломов – это мой прапрадед. Я просто обожаю валяться на диване и предаваться фантастическим мечтаниям. Иногда мне лень даже лишний раз сходить в магазин за продуктами.

Бездумно послонявшись по комнатам минуту-другую, я пошел в ванную, принял душ, а затем направился на кухню, выпил стакан томатного сока, и лег спать. Мне совсем не хотелось думать о своих любовных коллизиях. Смутное предчувствие какой-то большой беды вдруг овладело мною всецело, и я едва заставил себя уснуть.

Правда, мне пришлось ворочаться не менее часа, пока, наконец, сон не смежил мои веки.

Всю ночь мне снились кошмарные сны. Я не запомнил их, но утром проснулся в холодном поту. Меня разбудило настойчивое камлание дверного звонка. Похоже, он оказался моим спасителем, потому как в этот момент в моих мозгах разыгрывалось кошмарное представление со мной в качестве главного действующего лица.

Мне снилась безбрежная равнина, усеянная обломками камней. Над горизонтом висел алый солнечный шар, который окрасил равнину в мрачный коричневато-красный цвет. Я в диком ужасе стоял на небольшой возвышенности и глядел на окружающий меня каменный лабиринт. Там – и внизу, между булыгами, и на поверхности каменных обломков – копошились разные ползучие гады.

Я стоял и мысленно молился, чтобы они меня не замети-

ли. Но самое интересное: я знал, что это сон, однако почему-то был уверен, что в любой момент он может стать явью. «Лишь бы среди этих тварей не нашлось своего всеведущего Вия, – подранком билась в моей голове испуганная мысль. – Лишь бы не нашлось...»

Не знаю, что было бы дальше, но тут над равниной раздался звон церковного колокола – ясный и чистый, как слеза младенца. Змеи и другие уродливые пресмыкающиеся начали рассыпаться в прах; лишь некоторым удалось ускользнуть в глубокие норы и забиться под камни.

Звук колокольного боя нарастал; он вытеснил из головы все мои дурные мысли и страхи. Я наконец обрел способность двигаться. Взмахнув руками, как крыльями, я оттолкнулся от возвышенности и – взлетел!

Полет мой был недолог, но захватывающ. Мне казалось, что я вернулся в детство. Это было непередаваемо прекрасное ощущение. Я купался в воздушном эфире, сплошь состоявшем из молекул счастья и радости.

И тут – какая жалость! – я проснулся.

Глава 2

«Какая сволочь будит меня ни свет ни заря!?» Я готов был убить идиота, который трезвонил, словно на пожар. Однако, посмотрев на часы, я понял, что ранним утром пятнадцать минут десятого назвать никак нельзя. Но делать было нечего – я поднялся, и как был в одних плавках, так и пошлепал босыми ногами к входной двери.

– Кто там? – спросил я недовольно, не соизволив даже посмотреть в дверной глазок.

Мне почему-то подумалось, что с другой стороны двери находится моя ненаглядная подружка. Наверное, не выдержала столь длительной разлуки и примелась с утра пораньше, чтобы ковать железо, пока оно горячо.

Мудрое решение – я так ничего толкового и не придумал. А значит, мог поддаться ее нажиму. И тогда прости-прощай вольная волюшка...

Но я ошибся. Голос, который раздался из-за двери, был мужским и очень официальным:

– Открывайте, милиция.

Ни фиги себе! Остатки сонного настроения улетучились в один миг.

К правоохранительным органам я отношусь как к спящей змее – стараюсь обойти их стороной, не делая резких движений и даже не дыша, чтобы не привлечь внимание. Навер-

ное, это у меня наследственное. От деда, который после отсидки едва не шарахался в сторону при виде любого человека в милицейских погонах.

А дед был уважаемым человеком, директором засекреченного НИИ, депутатом и носил на лацкане пиджака звезду Героя Соцтруда.

– Одну минуту! – продолжал тем временем молотить мой язык, действуя совершенно автономно от мыслительного процесса. – Я оденусь...

Быстро натягивая на себя спортивный костюм, я лихорадочно вспоминал все свои грехи. Их насчитывалось не так уж и много, но ведь были, были... Особенно по части реализации раритетных монет.

Совсем недавно я втюкал какому-то шведу (или скандинаву – хрен их разберет; для меня они все на одно лицо, как китайцы; в общем, не наши люди) подделку, которая потянула на «штуку» зеленую. На самом деле эта монета-новодел стоила максимум сотню баксов. (Правда, сделана она была с потрясающим мастерством).

Но я ведь не виноват, что кругом столько лохов. Хочешь заниматься нумизматикой – почитай умные книжки для начала. И посоветуйся со специалистами, если приобретаешь дорогой раритет.

Нет, конечно же, я не виноват! По крайней мере, в этом случае...

С этой успокоительной мыслью я и открыл входную дверь.

Передо мной стоял представитель закона, худощавый мент в гражданской одежде с предусмотрительно раскрытой служебной ксивой, которую он спрятал в карман, едва я на нее взглянул.

Я успел прочитать только его звание и фамилию: «Майор Ляхов...» А дальше то ли Олег Петрович, то ли Орест Павлович... в общем ОПа, приехали. Увидеть мента с утра пораньше, да еще на пороге собственной квартиры, это явно не к добру. И к бабке-ворожее не нужно ходить, все и так понятно.

– Вы Никита Бояринов? – вежливо спросил мент, изобразив глубокое уважение к свободе личности.

– Заходите, – сказал я, стараясь улыбаться как можно приветливей. – Вам можно было свое удостоверение и не показывать. Что вы опер, видно за версту.

– Да ну? – удивился мент. – И как это можно определить?

– По взгляду. Он у вас как у инспектора Мэгре, знаменитого персонажа французских детективов, – острый и пронизательный. Насквозь протыкает.

Это я бросил ему леща. На всякий случай. С милицией надо быть вежливым, приветливым и стоять перед представителем закона нужно на полусогнутых лапках. Впрочем, это относится и к зарубежной полиции. Законники любят, когда перед ними трепещут и заискивают.

– Не знал... – Опер невольно улыбнулся, хотя было видно, что ему не до смеха.

– Теперь будете знать. Так что вас привело ко мне в такую рань?

– Рань? – Он невольно посмотрел на свои наручные часы. – По-моему...

– Ах, да-да-да... – Я не дал ему договорить. – Совсем из головы вылетело... Сегодня я маленько пережал. Выходные...

Про выходные я сказал для понта. Пусть думает, что я серьезный, занятой человек, который сильно умаялся после рабочей недели. На самом деле я был безработным – в общепринятом смысле этого слова. То есть, не числился ни на госслужбе, ни в какой-либо частной конторе.

– Проходите, – сказал я любезно и провел опера на кухню. Это было мое любимое место в квартире. Своими размерами и обстановкой кухня потрясала воображение любого гостя.

Она была похожа на салон какой-нибудь мадам из Парижа девятнадцатого столетия: резные диванчики и креслица, фантастически красивый обеденный стол с инкрустированной столешницей, лепнина с позолотой на потолке, кухонные шкафы из ценных пород деревьев... В общем, шик и блеск.

Такой чудо сотворила моя бабуля. Она была из дворян, любила старину, и жестко соблюдала этикет. Ох, мне от нее доставалось... Бабуля строила меня, как армейские «деды» новобранца. В то время я готов был расстрелять ее из рогатки.

Но сейчас... Вернись то время, я бы стал перед ней навтыжку и исполнял бы не только все правила хорошего тона, но даже ее мысленные пожелания. Увы, я понял, как сильно любил свою бабулю только тогда, когда она умерла...

– Да-а... – только и сказал мент, окинув взглядом все это великолепие.

– Кофе, чай?... – приветливо спросил я будничным тоном, будто мы были с ним знакомы сто лет, и он пришел ко мне не по делу, а просто в гости.

Опер на мгновение замялся, но все-таки не устоял перед соблазном.

– Если можно, кофе.

– Нет проблем...

Я сразу сообразил, что он спешит, что, похоже, дело у него ко мне серьезное, но какое именно – это вопрос. Нехорошие подозрения уже копошились в моей душе, вызывая непреодолимое желание спросить, с какой стати он ко мне приперся. Но я мужественно преодолел искуc и изображал благодушие и гостеприимство.

Кофе я сварил с потрясающей быстротой. Холостяки это умеют.

Для большинства из них приготовить себе что-нибудь нестандартное и вкусное – кара небесная. Поэтому главный козырь их поварского искусства – скорость приготовления пищи. То, что женщина растягивает на полдня (наверное, чтобы насладиться всеми фазами процесса), холостой муж-

чина варганит за считанные минуты.

Как это у него получается, трудно сказать. Видимо, бедного страдальца жалеет даже железная, и вроде бы бездушная, электропечка – начинает варить быстрее.

– Блеск, – сказал майор, отхлебнув пару глотков.

Кофе на этот раз и впрямь получился у меня отменным. Наверное, с испугу.

Обычно я мало обращаю на вкусовые качества этого энергетического напитка, хотя компоненты для него покупаю совсем не дешевые – так было издавна заведено в нашей интеллигентной семье. Лучше меньше, да лучше – был когда-то такой коммунистический лозунг.

Но для меня главное, чтобы кофе бодрил, а не бросал в сон, как тот кофейный суррогат, который именуются «растворимым». После чашки растворимого кофе я нередко засыпаю, что называется, на ходу.

– Ваш сосед убит, – заявил опер буднично – будто сказал о прогнозе погоды на завтра.

Я едва не поперхнулся и резко поставил чашку на стол. Ничего себе новость! Подняв голову, я встретил острый, испытующий взгляд майора. Неужто он подозревает меня в том, что я замочил соседа!? Мать моя женщина... Кстати, кого именно завалили?

Мент будто подслушал мои мысли. Он продолжил:

– Хамович Геннадий Михайлович...

– Простите... кто это?

– Как, вы не знаете своих соседей? – с фальшивым удивлением спросил майор.

– Раньше знал. А теперь нет.

– Почему?

– Дом, знаете ли, элитный, потому почти все квартиры выкуплены «олигархами» местного разлива. Это сейчас в порядке вещей. А они не имеют привычки являться ни свет ни заря с бутылкой в одном кармане и ливерной колбасой в другом для налаживания соседских контактов.

– Вы тоже принадлежите к олигархам? – не без иронии поинтересовался мент.

Сукин сын! Теперь я почти не сомневался, что, прежде чем прийти ко мне, он перелопатил всю мою подноготную. Нынче это просто: ткнул в нужную кнопочку на компьютере – и на экране монитора появляется досье практически на любого человека. Век электроники... чтоб ей...

– Скорее, к богачам, – ответил я дерзко. – Я богат своим внутренним содержанием. Можно сказать, гигант мысли.

– Понятно... – Мент скупно улыбнулся и одним глотком допил свой кофе. – Благодарю, – сказал он с несколько наигранной вежливостью; и добавил извиняющимся тоном: – Я сегодня с шести утра на ногах. То одно, то другое... Так вот, Хамович – это ваш сосед с третьего этажа.

Хам Хамыч! Вот это новость... С ума сойти. Впрочем, по здравому размышлению, ничего в этом происшествии необычного нет.

Давно закончились перестроечные времена, когда бандитов и крутых бизнесменов отстреливали пачками, на дворе двадцать первый век, но все равно то там, то там еще постреливают. Но теперь уже на мелюзгу не размениваются, мочат фигуры крупные. А Хам Ха... пардон, Геннадий Михайлович был не из последнего десятка. Его банк считался в городе одним из самых крупных и процветающих, если судить по местной прессе.

– Я так понимаю, вы пришли, чтобы узнать от меня какие-нибудь подробности из его жизни, – сказал я с уверенностью.

– Это верно.

– Так вот, заявляю вам официально: ни хрена о Хамовиче я не знаю. Мы никогда не общались, даже не были знакомы, а в круг его приятелей меня не подпустили бы и на пушечный выстрел. Он был крутым – и этим все сказано. А я простой обыватель, к тому же безработный.

– А почему вы не спрашиваете, где его убили и как?

– Насчет «как» у меня вопросов нет. Скорее всего, снайпер поработал. Или машину взорвали. Но это, как по нынешним временам, проза. А что касается вопроса, где это случилось, то мне он малоинтересен. Наверное, где-нибудь возле банка.

– Вы ошиблись дважды. Во-первых, он погиб не от пули и не от взрывного устройства – его зарезали, а во-вторых, эта трагедия случилась ночью, где-то в районе полуночи, и в его

собственной квартире.

– В собств... – Меня вдруг переключило.

– Да, это так. И судя по тому, что мы увидели в апартаментах Хамовича, там шло настоящее сражение. Вы не могли этого не слышать.

– Сражение... – Я начал постепенно приходить в себя. – В общем, да... кое-что слышал... кажись, в полночь.

– А если слышали, то почему не поинтересовались, что там происходит? Или, все-таки, интересовались? Дверь квартиры Хамовича была не заперта. Вот ваша уборщица, например, оказалась более любопытной. Это она нам рано утром позвонила.

Опять этот ментовский взгляд – острый и беспощадный... Уж не меня ли он подозревает в убийстве? А что, версия вполне подходящая. Повздорил с соседом и разобрался с ним по полной программе. Такие вещи случаются.

– Чужая жизнь – потемки, – буркнул я хмуро. – Это женщины любят совать свой нос во все щели. Лично мне претят такие вещи. А если более конкретно, то к тарараму в его квартире я уже привык. Он часто устраивал там «концерты» с битьем посуды, крушением мебели и мордобоем – то с женой, то со своими девками. Да и вообще сейчас не принято соваться, как раньше, к соседям, чтобы помочь в выяснении супружеских отношений. Люди замкнулись в своем маленьком мирке и не желают вывешивать грязное белье всем на показ. Это в советские времена для таких случаев были и

общественные суды, и профком, и партком.

– Были... – Майор нахмурился; наверное, вспомнилось что-то свое из этой серии.

– Вот и я об этом. Так что помочь ничем не могу.

– А криков о помощи вы не слышали?

– Криков не слышал. Хамович не впадал в истерику. Он всегда крушил молча. Наверное, наслаждался своей властью над бездушными предметами. Есть такой тип людей. Это те, которые переворачивают мусорные баки, ломают скамейки в скверах, пишут всякие гадости в подъездах и мочатся в лифтах. Вандалы. Для таких индивидов ушлые япошки устанавливают в отдельных комнатах резиновые изображения начальников в одежде и оставляют там кучу палок, чтобы подчиненные с психикой варваров отводили душу, мочалая статистику дубинками.

– У него были какие-нибудь стычки с соседями?

– Не знаю. Я уже говорил, что в моем подъезде живет сплошная крутизна. Богатые люди. А откуда у большинства наших нуворишей богатство, надеюсь, вам рассказывать не нужно. Вполне возможно, что он с кем-то из них повздорил, а у этих толстолобиков разговор короткий – пуля в затылок, и все дела. И больше никаких проблем.

– Значит, ничего вы не слышали, ничего не знаете, знакомства с Хамовичем не водили и в его квартире никогда не были...

– Абсолютно точно.

– А что если мы случайно... – Тут взгляд опера потяжелел, налился свинцом. – Что если мы случайно найдем в его квартире ваши пальчики?

– Исключено.

– И все-таки?...

– Тогда я сам себе отрублю руку – чтобы не бегала самовольно там, где не нужно.

– Серьезная заявка... – Мент хмуро ослабился. – Что ж, тогда у меня есть предложение спуститься этажом ниже. Посмотрите, как живут ваши богатые соседи...

Что-то уж больно загадочно он выглядит, мелькнула в моей голове беспокойная мыслишка. Похоже, опер приготовил мне какой-то сюрприз. Но что именно? В квартиру к Хам Хамычу я точно не заходил. Разве что...

Тут я невольно похолодел. Был я в квартире, Хам Хамыча, был! Перед его заселением, где-то чуть больше года назад. Правда, тогда она стояла без мебели: строители как раз заканчивали капитальный ремонт – отделявали плиткой ванную и туалет.

Меня позвал их бугор, Васька Штык, с которым я знался еще со школы. Он был на год старше меня, но в свое время мы с ним немало провели времени в дружеских компаниях, когда на столах стояли не только бутылки с минералкой.

«Никита, ты, кажется, собираешь старинные монеты...», – сказал он, дохнув на меня вчерашним перегаром.

«Ну...», – ответил я осторожно.

«Надо бы упохмелиться... да вот беда – филок нету...» – продолжал Васька.

«Пойдем ко мне, налью тебе стопарь», – предложил я великодушно, пока не понимая, к чему он клонит.

«Не, мне одному не надо. У меня бригада...» – Он кивком головы указал на мужиков, которые усиленно делали вид, что не заинтересованы в нашем разговоре.

«Тогда что ты хочешь?»

«У меня есть для тебя товар, – ответил Штык. – Мы тут нашли несколько старинных монет... когда снимали старую напольную плитку в ванной. Там было что-то вроде тайника. Возьмешь? Отдам недорого, не сумлевайся. Ты ведь свой...».

«Покажь», – сказал я, чувствуя, как в душе разыграло ретивое – а вдруг? Что если эти мужики нечаянно откопали раритет? Такие вещи случаются.

Васька достал из кармана носовой платок, развернул его, и я увидел с десяток серебряных монет – в основном полтинники и рубли Николая II, притом неважной сохранности. Увидел – и не смог удержать вздох разочарования. Все это для меня проза. Такого добра, притом в свободной продаже, – завались.

Штык уловил мое настроение и скис. «Да сам знаю, что здесь дешевняк, – сказал он виноватым тоном. – Грамотный... Но куда я сейчас с ними пойду? Это тебе известно, где можно их толкнуть. Никита, я много не прошу... Нам

надо полечиться...»

А я в это момент не мог вымолвить ни слова – смотрел на находку Васьки, как завороченный.

Так, наверное, бывает с золотоискателем, когда среди шлиха на дне промывочного лотка вдруг появляется большой красавец-самородок. У меня, например, при виде монеты, которую скрывали николаевские полтинники и рубли, даже дыхание перехватило от дикого восторга.

Она тоже была серебряная, но несколько крупнее царских полтинников и рублей. Почерневшая от грязи и патины, монета имела совсем непрезентабельный вид. Наверное, потому хитрый, но наивный Штык запрятал ее под низ кучки, а сверху положил рубль более-менее приличной сохранности.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять – передо мною настоящее нумизматическое сокровище. Но я все-таки сумел сдержать свои эмоции и, скорчив кислую мину, ответил:

«Лады... Заберу эту дешевую хрень. Но делаю это только по старой дружбе!»

«Дак и я об этом... – Не веря в свою удачу, расплылся в широкой улыбке Штык. – Школьная дружба, она завсегда...»

Он не нашел в своем скудном словарном запасе нужных слов, чтобы закончить мысль и досказал все языком жестов – как глухонемой.

«О чем базар, – кивнул я согласно и назвал цену. – Это чтобы вам хватило и на вечерний сабантуй».

«Братан! – возопил Васька. – Век не забуду! Ну выручил,

ну выручил... Забирай...»

И высыпал монеты прямо мне в карман, дубина. К сожалению, он не знал одного из главных правил нумизматов: с монетами нужно обращаться как с малыми детьми – бережно, осторожно, не бить, не швырять, и лучше всего прикасаться к ним в мягких хлопчатобумажных перчатках.

Я действительно заплатил больше, чем получил бы Штык, просто сдав монеты в пункт приема драгметаллов. Похоже, в этом вопросе Васька ориентировался неплохо. Грамотный, повторил я его слова не без иронии.

Но что касается других – нумизматических – аспектов его находки, то здесь он был полным лохом. Нет, даже не так – ушастым лохом.

Дома я первым делом бросился к своему рабочему (если его можно так назвать) столу. Он у меня был особенный.

Стол находился в кабинете деда и поначалу казался мне уродцем. Его смастерил еще дореволюционный столяр неизвестно для какого заказчика и непонятно для каких целей. Скорее всего, это был не стол, а секретер. Но он сильно смахивал на рабочее место современного слесаря-лекальщика.

Стол был массивным, двухтумбовым. Сделали его из украшенного резьбой дуба, а столешницу инкрустировали ценными породами деревьев. На столешнице высилась надстройка с многочисленными выдвижными ящичками и ячейками с дверками. И вся эта «мечта слесаря» была оклеена бронзовыми бляшками, изображавшими львиные мор-

ды и каких-то мифических животных и птиц.

В общем, этот древний уродец никак не вписывался в современный интерьер.

Поначалу я хотел его продать. Но знаток мебельного антиквариата Изя Шнобельман (или Изя Шнобель; так его прозвали из-за потрясающе большого носа, нависающего над верхней губой; настоящую фамилию Изя мало кто знал), осмотрев мой «раритет», сказал: «Никита, за этот хлам никто не даст тебе больше десяти шекелей. И то если потенциального покупателя напоить до положения риз. А это тоже нынче денег стоит».

Изя меня убедил. Он был докой в таких вопросах. Тогда я решил это дедово «наследство» выбросить к чертям собачьим.

Но не тут-то было. Оказалось, что стол не проходит ни в дверь, ни в окно. Интересно, как его затащили в квартиру!? Неужели стол определили на полагающееся ему место еще во время строительства?

Это было большой загадкой. Я ломал над ней голову целую неделю. Но так ничего путного и не придумал.

Оставалось последнее – разломать стол и вынести его из квартиры по частям. Мне казалось, что это потрясающе верное решение.

Боже мой, как я был наивен! Я забыл, что в старину мебель делали не абы кто, как сейчас, а настоящие мастера своего дела, опытные столяры-краснодеревщики.

Нонешние мебели, сварганенные на живую нитку, да еще с деревостружечных плит, разваливаются сразу же после первой пьянки. На такие шаткие столы не то что облокотиться, полный стакан поставить боязно.

А я решил разобрать дубового монстра, как детский конструктор – без кувалды, топора и лома. (Да и где их было взять?) Интеллигент хренов...

Короче говоря, когда я наконец понял, что этот стол может выдержать даже наезд танка и что мне с моими хилыми силенками здесь вообще делать нечего, мой запал новоявленного спеца по интерьерам сразу испарился. Я плюнул на свой план, который предусматривал обновление мебели, и решил оставить все, как было.

По натуре я не только лентяй, но еще и потрясающий бездельник. Моим жизненным кредо были три постулата из бездонной копилки народной мудрости: «Мы работы не боимся, пусть она боится нас», «Пусть работает трактор, он железный» и «От себя гребет только курица и бульдозер».

Все, точка. Емко и всеобъемлюще. Лучше не придумаешь. Чтобы там ни говорили разные зарубежные злопыхатели, а наш народ действительно велик.

Пусть скажут спасибо всякие там Джоны и Гарри, что русскому Ивану лень на них даже плюнуть. Иначе они так не вышивали бы по всему миру на танках и самолетах, размахивая своими поганками направо и налево.

Не буди лихо, пока оно спит тихо...

В общем, представив на миг, что мне придется куда-то плестись, кого-то искать (чтобы разломали и вынесли стол), а затем каким-то хмырям еще и денежку платить за это, я ужаснулся своей невиданно активной жизненной позиции и быстренько улегся на любимый диван – чтобы поразмышлять в спокойной обстановке о политических проблемах современности.

И как же я оказался прав в своей неизбывной лени! Есть такое выражение – «спеши помаленьку». Как часто мы по своей глупости и наивности бежим впереди паровоза, а затем удивляемся, почему по нам проехали его колеса.

Дубовый монстр стал моим рабочим столом. Столешница освещалась мощной электролампой, а в ящичках и ячейках хранились различные инструменты и химикалии для реставрации монет.

Чего там только не было: различные кислоты и щелочи в стеклянных пузырьках, аммиак, едкий натр, углекислый аммоний, спирт, ацетон, парафин и синтетические смолы для консервации монет, щеточки – щетинные, из тонкой латунной проволоки и со стекловолокна, скальпели, зубоврачебные боры, пасты, порошки... В общем, целая химическая мини-лаборатория.

На обширной столешнице (которую я, из несколько запоздалой жалости к старинному раритету, накрыл большим листом толстого стекла) стояли термостат, миниатюрная бор-машина, микроскоп (как и стол, он был в годах; тоже наслед-

ство от деда), большая сильная лупа на фигурной подставке, а также вполне современная аппаратура для электрохимического восстановления поверхности монет; много места она не занимала.

Что касается самой коллекции монет, то я держал ее в массивном швейцарском сейфе, который сделали в 1939 году, как гласила табличка на его задней стенке. В нем когда-то лежали чертежи и записи деда.

Это был сверхнадежный несгораемый бокс. Открыть его, не имея ключа и не зная цифрового кода замка, не смог бы никто. По крайней мере, в нынешние времена.

Когда дед умер, за содержимым сейфа пришли товарищи из Лубянки. Этот момент я хорошо запомнил. Но сколько спецы КГБ не бились, поделаться с замками ничего не смогли.

Дело было в том, что дед никому не открывал тайну кода. Ключ нашли, он был в кармане его пиджака, а вот данных по швейцарскому кодовому замку – увы...

Промучившись с сейфом целый день, гэбисты начали кумекать. И додумались вызвать из зоны совершенно гениального вора-«медвежатника» по кличке Шнып. Он был таким старым, что, казалось, вот-вот рассыплется на ходу. Брехали, что Шнып успешно бомбил сейфы еще при царе-батюшке.

Ему пообещали свободу, если он справится с кодовым замком сейфа. Весь этот разговор происходил в присутствии всей нашей семьи, которая тоже была заинтересована в скорейшем решении проблемы с сейфом – там лежали денежки

деда. (Между прочим, немалые – у деда почти каждый месяц были какие-то премии). Поэтому я все слышал.

«Э-эх, касатики, – снисходительно ответил Шнып. – Зачем мне ваша свобода? Сами судите: у меня ни кола, ни двора, ни родных, ни близких, а в зоне все свои, там я авторитет, большой человек. Чифирок – пожалте, сдобную булочку – сей момент... Постель у меня мягкая, возле окна, простынки чистые, я накормлен, напоен, присмотрен... хе-хе... Что еще надо старому человеку? Ваша свобода для меня – смерть под забором. Так что спасибо за предложение. Но на замок посмотрю... Чего ж не уважить людей, коли просят».

Но едва Шныпа подвели к сейфу, как он тут же характерным жестом поднял руки к лицу – словно защищаясь от сильного света. «Век свободы не видать! Начальник, я пас. Этот шнифер* мне не по зубам. Я на таком сгорел в пятьдесят восьмом. Тут нужен хороший слух, а мне ваши вертухай*... извиняюсь... в сорок девятом так дали по лопухам*, что я наполовину оглох. Нет, не смогу. Ежели бы здеси нужна была тока отмычка...»

*Шнифер, медвежий шнифер – сейф (жарг.)

*Вертухай – надзиратель, контролер ИТК (жарг.)

*Лопухи – уши (жарг.)

Тогда решили вскрывать сейф с помощью газового резака. Для этого нужно было сначала вытащить его наружу и отвезти в какое-нибудь удобное место.

Перспектива потерять столь надежное хранилище семей-

ных ценностей моих стариков явно не воодушевила. Но и воспрепятствовать всесильной «конторе» они не могли.

Глядя на их унылые лица, я не сдержался и воскликнул «Эврика!» – как великий Архимед, который, сидя в ванной, сделал какое-то важное открытие. (Какое именно – убей Бог, не помню; в школе я звезд с неба не хватал).

Мне было стыдно признаться, что я давно узнал код замка и частенько нырял в темное нутро сейфа, чтобы стащить сотню-другую рубликов из дедовой записки. Мне пришлось здорово потрудиться, дабы подсмотреть тот момент, когда дед начнет вращать диск с цифирью; а ключ от сейфа дедуля и не прятал, он лежал в письменном столе.

Для этого я соорудил целую систему из маленьких зеркал – почти что перископ; или стробоскоп – не суть важно, как ее можно было назвать. При этом я сильно удивился, обнаружив у себя столь выдающиеся способности к рационализаторскому творчеству.

На какие только жертвы не пойдешь ради женщин... К тому моменту я был влюблен по уши в Мими – Милочку Чердынцеву, которая училась в параллельном классе и которая обожала болтаться по разным значным местам.

Эта маленькая слабость, увы, требует больших денег, а мне выдавали лишь несчастные гроши на завтраки и на кино. Не скажу, что мы были бедными, но в семье существовал железный принцип: ребенка баловать нельзя.

В этом вопросе и дед мне не сочувствовал, хотя очень лю-

бил меня, и все же баловал; правда, не деньгами. Наступая на горло собственному принципу, дедуля привозил дорогому внучку из своих загранкомандировок такие классные шмотки, что народ в школе на уши становился.

В общем, я был клевым, хорошо упакованным фраером, но без лишней копейки в кармане. Что, конечно же, не могло не смущать мою неокрепшую, юную душу...

Короче говоря, я раскололся и назвал код замка. Но при этом сделал вид, будто только сейчас его вспомнил.

Не думаю, что товарищи в штатском мне поверили, но дальше муссировать эту тему они не стали. Тем более, что все документы и бумаги деда были в целости и сохранности.

Но предки потом долго меня терзали, выспрашивая подробности моей странной «забывчивости». Я изворачивался, как только мог. Они успокоились только тогда, когда я с проникновенным и скорбным видом сказал, что дед поведал мне эту большую тайну едва не на смертном одре.

Действительно, я заходил к нему в кабинет вечером – как раз перед тем, как его на следующий день нашли мертвым в своей лаборатории.

Наверное, он уже что-то предчувствовал, потому как крепко обнял меня, поцеловал в лоб и сказал: «Никушка! Запомни мои слова. Есть две самые прекрасные вещи в этом мире – молодость и любимые женщины. Самое паршивое, что они заканчиваются практически одновременно. Ты уже достаточно взрослый парень, поэтому я могу тебе это ска-

зять. Торопись жить, Никушка, пока молод. И люби женщин. Многих женщин. Потому что в старости они будут твоим самым светлым воспоминанием».

Заветы деда были для меня святыми...

Однако, вернемся к нашим баранам, как сказал какой-то старинный бумагомарака. То бишь, к монете, которую добыл Васька Штык. Я включил настольную лампу и начал рассматривать ее через чудо-лупу, которую выцыганил у своего знакомого, Мишки Завгороднего.

Где он взял ее, я спрашивать не стал. Скорее всего, где-то стибрил. Этот сукин сын тащил все подряд (потому я никогда не приглашал его к себе домой, хотя он и набивался прийти в гости много раз). То есть, тащил все, что плохо лежало.

А в нашей стране все плохо лежит. Некоторые особо шустрые сограждане ухитрились под шумок приватизации стибрить и нефтяные месторождения, и рудники, и целые заводы. И ничего. Миллиардерами стали, уважаемыми людьми. В министерских креслах сидят, ордена им дают. Чем больше стырил, тем круче орден и тем больше к тебе уважение.

Так что происхождение Мишкиной лупы мне было по барабану. По идее, он был клептоманом. А это такая болезнь, которую может вылечить только виселица или топор палача.

Я держал в руках так называемую «рудничную» монету. Такие металлические деньги начали чеканить в шестнадцатом-семнадцатом веках в Германии из серебра определен-

ных рудников, которые обязательно указывались в надписи или изображении.

Существует немало монет из серебряных рудников Мансфельда, Гарца, Штольберга, Ильменау, Рудных гор и так далее. Правда, датированы они в основном восемнадцатым и девятнадцатым веками. Самыми последними рудничными монетами считались мансфельдские талеры, чеканенные в 1862 году.

Я имел несколько рудничных монет, в том числе два рейхсталера и гульден. Мне удалось прикупить их по случаю. При всем том, стоили они совсем не дешево.

Но эта была какая-то особенная монета, непохожая на остальные. Она здорово смахивала на довольно редкий брауншвейгский рудничный талер 1601 года. Только на первый взгляд. А на второй имела массу различий, которые у нумизматов ценятся больше всего.

Во-первых, увенчанный нимбом святой на реверсе монеты, который опирался руками на «андреевский» крест в виде буквы «X» размером с его рост, был одет не в монашескую хламиду, как обычно, а в тулуп с высоким стоячим воротником. На голове у него была странная шапочка, похожая на те, что носят пловцы, но с каким-то шишаком сверху.

Под ногами святого (уж не святого ли Якоба? – подумал я) виднелось изображение инструментов, которыми пользовались в то время горнорабочие, и двух тележек для вывозки руды на поверхность.

Во-вторых, легенда. Или проще – для непосвященных – круговая надпись на монете. Буквы легенды были латинскими, но когда я попытался ее прочесть, то у меня получилась сплошная абракадабра.

Неужто передо мной варварское подражание немецкому талеру? Тот, кто подделывал монеты, попросту не знал латыни и лепил, что ему в голову взбредет, пользуясь безграмотностью соотечественников. Но такие монеты имели хождение среди германцев в основном в эпоху великого переселения народов.

А это было... это было... дай Бог памяти, в седьмом веке. Слишком рано для этой монеты. Чересчур хорошо она сделана. Будто вышла из-под современного пресса. А потом ее весьма искусно покрыли патиной.

Новодел?... Нет, трижды нет! То, что монета старинная, я мог бы дать любые гарантии. Я действительно в нумизматике разбирался очень даже неплохо. А еще я обладал потрясающей интуицией на подделки. Провести меня было очень трудно.

Практически любая монета до сих пор была для меня как открытая книга. Я мог «прочитать» ее историю так, будто видел фильм или, на худой конец, комикс; у меня богатое воображение, но оно всегда конкретное и точное.

Ладно, подумал я, взглянем на аверс. Там точно что-нибудь раскопаю...

На аверсе был помещен графский герб. Это я определил

по венчающей его короне. А вот дальше мне стало совсем интересно.

По углам гербового щита, за его пределами, были отчеканены два корабля. Один из них был драккар* викингов – не узнать его было просто невозможно. Он шел под парусом. А во втором я признал норманнский средневековый кнорр*. Значит, монета может быть датирована никак не раньше тринадцатого века.

Но вот парус... Паруса, как такового, у кнорра не было. А мачта была, только очень низкая. Она стояла, как и положено, посередине корабля, а от утолщения сверху, похожего на котелок, исходили лучи. Они создавали, судя по рисунку, колебания, направленные вниз и в стороны.

Судя по тому, что под драккаром были изображены волны, он шел по морю. А вот кнорр скользил по облакам; их нельзя было спутать с волнами, древний гравёр постарался на совесть.

Что это? Фантазия какого-нибудь свободолюбца? Как известно, и в древние времена мыслителей и изобретателей, далеко опередивших в своих мыслях время, хватало. Вспомним хотя бы миф об Икаре.

Но на монетах, да еще средневековых, никаких фантазий мне встречать не доводилось. За этим строго следила католическая церковь и ее передовой отряд – можно сказать, «ум, честь и совесть» эпохи средневековья – святая инквизиция, прообраз большевистского ГПУ или более позднего КГБ.

Такого гравера с избытком фантазии в лучшем случае ждала дыба, а в худшем – огонь. Между прочим, глядя на наши современные дела, я иногда ловлю себя на мысли: а так ли уж был неправ Торквемада*, когда отправлял на костер всяких умников и ведьм вместе с колдунами?

Останься все по-прежнему, гляди, жили бы мы сейчас тихо-мирно, не зная ужасов Освенцима и Хиросимы, не было бы атомных бомб в арсеналах, а газеты не пестрели бы объявлениями шарлатанов-экстрасенсов и прочей братии, наживающейся на чужом горе.

Если бы... Это «бы» преследует человечество всю его не так уж и длинную историю. Естественно, по сравнению с той далекой эпохой, когда на Земле зародилась жизнь.

Герб... Чей он, навскидку не скажешь. Но этот герб мне тоже незнаком. Нужно будет, подумал я, поискать в справочниках по западноевропейской геральдике. Что касается надписей, то и здесь латынь, и опять бессмыслица.

*Драккар – боевая парусно-весельная ладья морских разбойников-викингов, на форштевне которой было установлено резное изображение дракона.

*Кнорр – грузовое парусное судно норвежских викингов с высокими надводными бортами.

*Торквемада (1420—1498 гг.) – монах-доминиканец, глава испанской инквизиции.

В конечном итоге, вдоволь насмотревшись на свое приобретение и порывшись в справочниках, я понял, что зашел в

тупик. Мне не смогли помочь ни мое чутье, ни мой опыт нумизмата, ни справочная литература. Монета идентификации не поддавалась.

Это здорово задело меня за живое. Монета-загадка будоражила воображение, толкала на новые исследования и изыскания, на какие-то подвиги, но я был не только ленив, но и благоразумен. (Правда, временами).

По идее, мне нужно было еще посоветоваться с нашими городскими зубрами нумизматики. Это уже была конечная инстанция для коллекционеров. Патриархов нумизматики насчитывалось всего двое – Князь и Паташон. Это их прозвища. А еще молодые нумизматы вроде меня называли Князя Дедом.

Когда они к ним прилипли, уже не знал никто, потому что Князю стукнуло семьдесят восемь, а Паташон вообще был без возраста. Мне, например, казалось, что он родился еще в девятнадцатом веке. Это если судить по его воспоминаниям.

Паташон был маленького роста, худой, как узник концлагеря, и всегда носил зонт-трость. Эдакая старуха Шапокляк в мужском обличье. А вместо ручной крысы Паташон держал большого и зобного пса.

Что касается Князя, то у него и впрямь были замашки крутого аристократа. Одевался он с иголки, выходил в свет во фраке и при «бабочке», носил золотой перстень с черным бриллиантом, обедал только в лучших ресторанах города, и если там не было паюсной икры, то за стол не садился.

Такая, знаете ли, маленькая человеческая слабость...

Мне очень хотелось посмотреть их коллекции в полном объеме. (Кстати, вора́м тоже). Но это было практически невозможно. Если старики и выставлялись, то показывали не самые главные и не самые ценные экземпляры.

К тому же, ни Князь, ни Паташон не отличались гостеприимством (хотя первый был ко мне весьма благосклонен, и я несколько раз бывал у него в гостях). Выражение «мой дом, моя крепость» как нельзя лучше подходило этим двум зубрам нумизматики.

Оба жили бобылями (у Князя, кажется, все-таки были дети и внуки) и оба сделали из своих квартир первоклассные музейные хранилища с хитроумными замками, сигнализацией и разными ловушками.

И все же несколько лет назад одному деловому, домушнику с большим «стажем», каким-то образом удалось проникнуть в жилище Паташона, естественно, в отсутствие хозяина. Это еще когда у него не было пса.

Паташон в этот день ездил на овощной рынок, а так как поторговаться он любил и, кстати, умел, то задержался там дольше обычного.

Конечно же, сработала сигнализация, шум, гам, тарарам, приехала вневедомственная охрана, менты зашли в квартиру... и нашли там совершенно безумное существо, которое, пока его вели под белы руки к милицейской машине, обмочило весь тротуар.

Что там случилось с воров в жилище старого нумизмата, что его столь сильно напугало, никто так и не узнал. А сам домушник, когда пришел до памяти, молчал об этом, как рыба об лед, будто дал нерушимый монашеский обет.

Однако с той поры деловые обходили жилище Паташона десятой дорогой, а разная мелюзга просто не могла сладить с очень дорогими замками, которые были сработаны по индивидуальному заказу где-то за бугром.

Это все к слову. Так вот, идти с моей монетой за советом к кому-либо – а тем более к Князю или Паташону – было небезопасно. На моей памяти произошел поучительный случай с ценным коллекционным экземпляром.

Один парнишка, птенец в нашем деле, разместил в Интернете скан уникальной монеты. Видимо, хотел толкнуть ее за рубеж. По самым скромным прикидкам, монетка тянула тысяч на пятьдесят «зеленью». Это если продать ее, не торгуясь.

Но на нумизматическом аукционе «Сотбис» за этот раритет дали бы, как минимум, вдвое больше. Ну очень редкий, а значит, особо ценный экземпляр.

Так вот, после своей засветки малец прожил ровно неделю. Его нашли мертвым в собственной квартире. А монета, естественно, исчезла.

Поэтому в нашем деле конспирация стоит на первом месте. Коллекционеры – еще те безумцы. Чтобы добыть приглянувшийся раритет, не остановятся ни перед чем. А мой

талер явно относился к разряду редких, уникальных монет. Это и к бабке не ходи.

Я, конечно, доверял старикам, но ни Князь, ни Паташон, насколько я знал, не были ангелами во плоти. Так что мне нужно было крепко подумать, прежде чем устраивать смотрины моему таинственному талеру.

Глава 3

Все эти мысли пролетели в моей голове за то время, пока я вместе с опером спускался по лестнице к квартире уже покойного Хам Хамыча. Возле входной двери его апартаментов стоял на страже очень серьезный мент, а рядом с ним, прислонившись к стене, изображал из себя кариатиду* наш участковый Евсеев.

Он был бледным до синевы и явно чувствовал себя нехорошо. Что это с ним? – подумал я мельком и любезно раскланялся. На всякий случай. Евсей, как звала его местная шпана, был очень злопамятен.

*Кариатида – колонна в виде женской фигуры, поддерживающая выступающие части здания.

Ответного приветствия я не получил. Это было странно. С участковым у меня сложились хорошие отношения. Он иногда заходил ко мне на огонек, и я угощал его рюмочкой хорошего коньяка и чашкой кофе.

Но сейчас, как мне показалось, он просто меня не заметил. Евсей стоял едва не по стойке «смирно», икал, будто с перепоя, и тарашился куда-то в пространство.

Мы вошли. Опер впереди, я – за ним. В квартире Хамовича было людно – работали эксперты. Ого! – подумал я, глядя на них с глубины прихожей. Не много ли спецов понаехало, чтобы посмотреть на труп. Ладно – труп мини-олигарха

местного разлива. Пусть так.

И все-таки...

Мое недоумение испарилось в один миг, едва я переступил порог гостиной. Здесь убивали Хамовича. Что это злодейство случилось именно в гостиной, сомнений у экспертов не было, а у меня – тем более.

Труп уже убрали, лишь на ковре виднелись контуры человеческого тела, очерченные мелом. Какая ирония судьбы... От богатого, имеющего все – нет, даже больше, чем все – человека, осталось лишь контурное изображение.

Но эта мысль только слегка коснулась моего сознания и тут же испарилась. Я поднял голову и посмотрел на интерьер гостиной.

Мать моя женщина! Вся мебель и все стены гостиной были в крови. Лужа крови виднелась и на полу, однако на темно-красном фоне ковра ее трудно было заметить с первого взгляда.

Но зато на стенах... Создавалось впечатление, что убийца макал свои руки в кровь и оставлял отпечатки на светлых обоях. Он разрисовал не только стены, но и мебель, в том числе диваны и пуфики; даже на стеклах виднелись брызги крови. Это был не просто убийца, а какой-то безумный мясник.

Мне мгновенно стало дурно. Свершено не соображая, что делаю, я круто развернулся и бросился вон из квартиры Хамовича.

Как я не вырвал на лестнице, не знаю. Я мужественно со-

хранил содержимое своего желудка до клумбы перед домом. Ну, а там уже я раскрыл свои хляби по полной программе...

– Ну, нализался... – раздался неподалеку осуждающий женский голос.

– Ага, с утра пораньше, – поддержала ее другая женщина.

– Жрут ее, проклятую, жрут... Когда уже напьются?

– Паразиты...

– А с виду интеллигент.

– Угу...

«Миленькие, – думал я вяло, не в силах оторваться от дерева, за которое схватился, как утопающий за соломинку. – Канайте на хрен дальше. Мне сейчас не до вашего бабьего базара...»

Увиденное потрясло меня до глубины души. Нельзя сказать, что я никогда не видел крови. Несколько раз приятели брали меня с собой на охоту, где убийство живых существ само собой разумеющееся дело.

Правда, толку от меня, как от охотника, было мало, но убитых зверей и птиц я видел, и кровь животных не вызывала во мне таких бурных эмоций. В принципе, я соглашался принять участие в охотничьих забавах только по одной причине – чтобы во время охотничьего застолья с хорошей выпивкой всласть пострелять по бутылкам.

А стеклотары после каждой охоты было – завались...

Но когда я увидел следы даже не убийства, а кровавого побоища, все во мне перевернулось. Я вдруг ощутил се-

бя слабым и беззащитным. Мне захотелось, как в детстве, спрятаться под длинное пальто мамки и почувствовать себя закрытым в надежном бастионе.

– Вы тут живы? – раздался за спиной участливый голос майора Ляхова.

– Жив. Но не сказал бы, что хорошо себя чувствую.

– Это пройдет. Возьмите... полегчает...

Я обернулся и увидел, что он протягивает мне бутылку минералки. У него что, запас для таких случаев имеется? – подумал я мельком. И жадно прильнул к горлышку.

Бутылка показала дно в один миг; в ней было всего лишь треть литра. А я почувствовал значительное облегчение. Мне стало так хорошо, как не бывало даже с глубокого похмелья, когда для поправки принимаешь первые сто грамм. Я просто забалдел.

– Дайте закурить, – попросил я у мента.

Тот с огорчением развел руками и сказал:

– Сам бы курнул, да сигареты все вышли.

– Не беда, – ответил я Ляхову, поискал по двору глазами и позвал: – Лукич! Дуй сюда.

– Чего тебе? – спросил Лукич, когда подошел к нам, опасно косясь на Ляхова.

Ишь ты, невольно восхитился я, мента за версту чует. А ведь опер в штатском.

Лукич был нашей дворовой легендой. Его посадили, в аккурат, перед смертью Сталина, в январе 1953 года. И ясное

дело, за «политику», несмотря на то, что ему было тогда всего шестнадцать лет.

Провинность Лукича перед родиной и коммунистической партией заключалась в достаточно невинном анекдоте о советских партайгеноссе. Это, конечно, были мелочи, даже в те жестокие времена не всех за такие анекдоты сажали. Но, похоже, кто-то здорово подсуетился, кропая на Лукича донос, и навесил на глупого пацана столько, что ему всучили «червонец» – десять лет.

И все же Лукичу здорово повезло: «вождь всех времен и народов» вскорости откинул копыта, власть в стране чуток переменялась, и Лукич попал под амнистию, даже толком не отведав лагерных щей. Его реабилитировали, что называется, по всем статьям.

В городе он не задержался – завербовался и уехал в районы Крайнего Севера. От греха подальше. А оттуда Лукич каким-то образом попал в арктическую экспедицию, где и кантовался почти тридцать лет, получив за свои труды орден и несколько медалей.

Возвратился Лукич в родные пенаты лишь после смерти родителей – чтобы квартира не пропала. Но сердцем он навсегда остался с Севером.

А еще Лукич был страшным сквернословом и сторонился ментов, как зачумленных. Видимо, даже недолгое пребывание в лагере оставило в душе заслуженного полярника незаживающий рубец.

С Лукичом мы дружили. Он знал, что и мой дед побывал в местах не столь отдаленных и по той же статье УК, что и он. Это обстоятельство способствовало нашим доверительным отношениям. Я любил слушать его побасенки о Севере, а он мог часами сидеть за моим рабочим столом, рассматривая монеты.

– Угости нас сигаретами, – сказал я, пожимая ему руку.

– У меня кубинские, – предупредил Лукич.

– Хрен с ними... Давай.

В экспедициях Лукич привык к крепким кубинским сигаретам, которые у непривычного к ним человека вышибают слезу и кашель. В те времена нищая послереволюционная Куба могла расплатиться за советские товары разве что ромом, тростниковым сахаром, сигарами и дешевыми сигаретами.

А поскольку кубинские табачные изделия некуда было девать, – наш народ курил тогда в основном «Приму», «Беломор» и болгарские сигареты с фильтром – его втюкивали в различные экспедиции, отправляли на комсомольские стройки и в прочие отдаленные места, где курящему человеку просто не оставалось иного выбора, как смолить то, что есть в наличии в магазинах, вспоминая всеу бородатого команданте Фиделя.

Мы закурили. Я почему-то не ощутил никакого вкуса. Что касается майора, то он мужественно пытался не закашляться. Лукич наблюдал за нами не без иронии, но помалкивал.

– Ты иди, иди... – сказал я, слабо махнув рукой.

Ляхов своим суровым ментовским взглядом подтвердил мое желание.

Лукич сумрачно кивнул головой и нехотя свалил. Он жил в соседнем подъезде, и ему уже было известно об убийстве Хам Хамыча. Думаю, что Лукич сочувствовал мне, так как знал, что быть даже свидетелем в таком деле – не мед.

А еще я хорошо знал, что пенсионер Лукич от безделья страдает манией любопытства, но сегодня он никак не мог подобраться к квартире Хамовича поближе – вахтенный мент отгонял. Поэтому Лукич, насторожив уши, и мыкался по двору туда-сюда, пытаясь выудить хоть что-то из разговоров служивого люда.

– Кто это? – спросил майор.

– Ваш будущий клиент.

– То есть?...

– Он живет на первом этаже в следующем подъезде. По идее, вы обязаны и его допросить. Как возможного свидетеля.

– Опросить, – поправил меня Ляхов.

– Это что в лоб, что по лбу.

– Не скажите... – Майор коротко улыбнулся. – Разница между допросом и опросом есть. И существенная.

– Мне бы не хотелось узнать, в чем она заключается.

– Все верно – большие знания, большие горести...

Некий намек, прозвучавший в последней фразе Ляхова,

заставил меня внутренне вздрогнуть. А мент, оказывается, философ, подумал я. Шибко грамотный. Скорее всего, учился на юридическом факультете университета, а не в Высшей школе МВД.

– Пойду домой, – сказал я устало. – У вас еще есть ко мне вопросы?

У меня было такое состояние, словно меня избили.

– Пока нет. Большое вам спасибо, – любезно ответил майор.

– За что спасибо? Я ведь ничем вам не помог. Ах, да, кофе... Но это мелочи.

– Кофе у вас и впрямь великолепный, и я искренне за него благодарен. А что касается вашей помощи в расследовании... Вы раскрыли характер человека, в какой-то мере его внутренний мир, привычки и наклонности.

– Ну, о буйном нраве Хамовича, наверное, все знают...

– Не скажите. Поведение человека на работе и дома разительно отличается. На работе некий индивидуум душка, а дома – тиран. Так бывает очень часто.

– Может быть. Я не силен в психологии.

– И кстати, о том, что покойник поколачивал своих домоладцев, от вас я услышал впервые. А это наводит на некоторые размышления...

Я индифферентно пожал плечами. Мне его заботы и версии преступления были до лампочки. Своих проблем хватало. Тут я некстати вспомнил о подружке с ее заявкой на ва-

кантное место моей супруги, и настроение упало ниже нулевой отметки.

– Возможно, мне придется потревожить вас еще раз, – сказал мент.

– Да сколько угодно... – буркнул я; и поторопился скрыться в подъезде.

Верно говорят – слово, сказанное всуе, часто имеет продолжение. Лучше бы я в этот момент прикусил свой глупый язык. Увы, тогда я даже не мог предположить, что наша следующая встреча уже не за горами...

Моя просторная квартира вдруг стала давить на меня, жать, как новые, не растоптанные ботинки. Я не находил себе места. Чтобы я не делал, перед моим внутренним взором вновь и вновь появлялась картина разора в гостиной Хамовича. И везде кровь, кровь, кровь...

Я несколько раз бегал в ванную, чтобы опорожнить желудок. Но ничего, кроме желудочного сока, выдавить из себя уже не мог. Меня душили спазмы, и я с трудом глотал теплую кипяченую воду.

Когда наступило очередное облегчение, я сказал сам себе: нет, все, хватит! Надо куда-то слинять. И принять на грудь как минимум поллитры чего-нибудь покрепче. Иначе у меня крыша поедет.

Быстро собравшись, я выскочил на улицу, при этом стараясь не смотреть на дверь квартиры Хамовича. Там по-прежнему торчал постовой, но Евсева не было.

Наверное, бедный Евсей, сраженный той же «болезнью», что и я, пошел в ближайший киоск, где торговали водкой на разлив (естественно, безо всяких лицензий и разрешений), «полечиться» приличной дозой спиртного. Водка у нашего участкового была лекарством от всех болезней. Он даже коньяк считал баловством.

Ноги сами принесли меня в ресторан «Ё-мое». Он находился в десяти минутах ходьбы от моего дома, на берегу пруда. На другой стороне нашей городской достопримечательности раскинулся парк с аттракционами, а берег, где какой-то крутой бизнесмен построил ресторан, всегда был неухоженным, поросшим камышом и частично застроенный домами частного сектора.

Нужно отдать должное злостному частнику – свое «Ё-мое» он отгрохал на загляденье. Ресторан был небольшим, но очень уютным. Его сделали в стиле «ретро» – деревянные стены, сложенные из колод, резные наличники и коньки крыши, на подворье везде валялись каменные глыбы (что-то наподобие японского сада камней) и стояли еще какие-то постройки...

В общем, ландшафт был причесан под «старину». Лично мне здесь нравилось почти все. За исключением цен. Когда я впервые увидел счет за свой ужин, волосы у меня поднялись дыбом. И опустились лишь тогда, когда я выскреб из кошелька последнюю мелочишку официанту на чаевые.

После это я захаживал сюда в основном для того, чтобы

повыпендриваться на людях, выпив рюмку коньяка, чашечку кофе и съев мороженное. А если и заказывал что-то существенней, то только на крытой летней веранде, которая служила одновременно и причалом для лодок. Здесь все было попроще и подешевле, нежели в деревянном теремке.

Что касается названия заведения, то мне кажется «Ё-мое» для него было в самый раз. Хотя бы потому, что нечаянные посетители ресторана, даже вполне состоятельные господа, когда приходила пора рассчитываться, и им подсовывали счет, первым делом непроизвольно вскрикивали «ё!...» – ну и так далее. Короче говоря, выражались совсем не литературно.

В основном ресторан посещали хорошо упакованные бизнесмены, вороватые чиновники-взяточники из городской администрации и дорогие проститутки. А также случайные клиенты и такие придурки, как я, которые тщились выглядеть респектабельно – когда у них появлялись деньги.

(Должен сказать, что солидный нумизмат просто не имеет права отираться в разных сомнительных забегаловках. Иначе среди элиты коллекционеров монет ему нечего будет делать. Не знаю, кем и когда были установлены эти неписанные правила, но выполнялись они неукоснительно. Небогатым и безденежным настоящий нумизмат может быть только в начале своего пути).

Я не стал заползать в деревянное чрево «Ё-мое», а уселся на веранде. Мои легкие жаждали свежего воздуха, а желудок

– доброй порции спиртного.

– Чего изволите?

Официант вырос передо мной, как та сказочная Сивка-Бурка, вещая каурка. Он был очень молод, но уже не прыщав.

– Триста. «Абсолют». И лимон, – отчеканил я одним духом. – Да побыстрее!

– Момент-с...

Половой исчез. Он был одет «под старину» – косоворотка, жилет, картузик... Чего только не придумаешь, чтобы завлечь клиентов.

Официант и впрямь задержался в буфете недолго. Спустя две-три минуты на моем столе уже стоял запотевший графинчик с финской водкой и тарелочка с лимонными дольками, посыпанными сахаром.

Первую рюмку я залил в желудок не без внутреннего сопротивления. Мне казалось, что она может тут же вернуться обратно.

Но обошлось. Водка зажгла внутри небольшой пожар, который мгновенно закупорил вкусовые рецепторы, и утихомирил спазм, мучивший меня всю дорогу до самого ресторана.

Закусывать я не стал, а послал вслед за первым водочным зарядом второй. Теперь уже финская покатила более свободно; я наконец почувствовал ее вкус и приятную горечь. Неторопливо поставив рюмку на стол, я взял ломтик лимона

и начал задумчиво жевать.

Жизнь как будто начала налаживаться...

Глава 4

Спустя полчаса я уже начал мыслить более-менее сносно. По крайней мере, в мозгах, которые до этого напоминали бесформенный кусок желе, начали появляться извилины. Мне стало понятно, почему мент потащил меня в квартиру Хамовича. Он хотел увидеть мою реакцию. И увидел...

Интересно, какие опер сделал выводы? Что маньяк-убийца при виде крови не может себя вести так, как я? Или наоборот – что я очень ловкий и хитрый тип, способный на артистическую игру?

Естественно, он просто обязан был меня подозревать. И не только меня – всех жильцов дома. Это если по большому счету. И он не успокоится на наш счет, пока мы не докажем свое алиби. Это аксиома.

Почему я не сказал ему, что был в тот вечер не один? Впрочем, это не суть важно. Я точно знал, что мент снова придет ко мне задавать разные вопросы. Вот тогда я и предьявлю ему свою подружку.

Оставался главный вопрос – кто убил Хам Хамыча и за что? Естественно, первое, что бросилось мне в глаза, когда мы с майором вошли в гостиную, была кровь на полу и на стенах. Но теперь я вспомнил и еще кое-что.

В гостиной что-то искали. Искали по-варварски, грубо и безжалостно ломая мебель. Я был уверен, что такая же кар-

тина наблюдалась и в других комнатах.

Нет, так обычные воры и даже грабители не действуют. Я, конечно, не специалист в подобных делах, но видел много фильмов и журналистских расследований на подобные темы, читал книги. Ворам нужна тишина, а здесь был устроен самый настоящий погром. Уж я-то слышал...

Наверное, Хамович собрал на кого-то компромат, подумал я, и его решили изъять... вместе с собирателем. Обычная разборка богатеньких Буратино, не стесненных в средствах и не обремененных общечеловеческими достоинствами – такими как сострадание, любовь к ближнему, порядочность и так далее.

Непохоже...

Нет, точно не похоже. Сначала Хамовича замочили, затем оставили «автографы» на стенах, а потом начали искать бумаги... или что там. Не проще ли было поспрашивать Хам Хамыча, куда он их дел?

Проще. Тем более, что Хам Хамыч явно не принадлежал к твердокаменным борцам за светлое коммунистическое будущее, которые и под пытками не выдавали буржуинам военных тайн. Он бы раскололся на раз.

Непонятно...

А что если у вора-грабителя крыша поехала? Грохнул Хамовича, увидел кровь, взбесился и начал творить всякие чудеса.

Вариант? Да. Люди в наше время по моим наблюдени-

ям стали просто сумасшедшими. За деньги готовы на все. А уж за большие деньги... Тут, как говорится, мама не горюй. Страну родную в ад бросят, лишь бы владеть миллионами. Совсем отморозились.

Я, конечно, не записной патриот, но все-таки за державу обидно. Когда видишь рожи власть и деньги имущих на экране телевизора, то можно подумать, что передают репортаж из шабаша вурдалаков. Они такое творят, что временами кажутся инопланетянами, которых к нам заслали, чтобы угробить Землю и все живое на ней...

– Привет, Ник!

Чей-то бодрый голос заставил меня вздрогнуть. Я даже дернулся от неожиданности. Повернув голову, я увидел сияющую физиономию Клипера. Он был одним из «жучков», которые мало что смыслили в нумизматике, но постоянно терлись около, подхватывая крошки со стола солидных коллекционеров.

«Жучки» не собирали коллекций, они делали на монетах бизнес. А так как знаний у них не хватало, то этот бизнес в основном был хилым и малоприбыльным. Но кое-кто из этого шустрого племени прилипал все же мог достаточно безбедно существовать на тот навар, что получался от торговли монетами, медалями и жетонами.

Клипер был самым удачливым. У него имелось чутье. А это в нашем деле главное. Иногда он приносил очень даже неплохие экземпляры. Но никогда не сдавал своих постав-

ЩИКОВ.

Я подозревал, что монеты Клипера имеют не совсем чистое происхождение, но углубляться в такие дебри не хотел. Это его проблемы. Что касается раритетов, которые я у него приобретал, то это все-таки были деньги, пусть и старинные, а они, как известно, не пахнут.

Цинично? Да. Но это здоровый цинизм. Я не мент и не законник, чтобы докапываться до корней. Если монета не в розыске, значит она бесхозная. И ей все равно, в чьей коллекции находиться.

Правда, иногда в среде нумизматов случается аврал. Это когда уворуют чью-нибудь коллекцию. В таких случаях срабатывала корпоративная солидарность, и мы начинали работать в качестве добровольных сыщиков-экспертов.

Должен сказать, что на моей памяти уже был такой случай. И он закончился для обворованного коллекционера благополучно. Благодаря, кстати, Князю, который вышел на след похитителей по одной единственной монетке – дорогому и редкому солиду римского императора Константина I, чека-ненному в 309 году в Трире.

Воры знали, кто может купить такую дорогую монету, и принесли ее Князю. А ему хватило одного взгляда, чтобы разобраться, кому она принадлежала.

Дилетантам в нумизматике кажется, что монеты – безликие кусочки металла. Отнюдь. Каждая монета имеет свои отличительные признаки, которые неспециалист заметить не в

состоянии. Едва взглянув на раритет, опытный и знающий коллекционер мгновенно составляет в голове его «паспорт».

Это и износ монеты, и качество ее изготовления, и цвет патины (он может быть зеленым, оливковым, черным, красным, голубым и так далее), и состояние поверхности, и квалификация реставратора, который нередко портит монету растворами кислот, пытаясь ее очистить... Каждая царапинка, каждая трещинка вносится в этот «паспорт» как в память компьютера.

И главное – единожды увидев ценную монету, настоящий нумизмат будет помнить ее всю свою оставшуюся жизнь.

Короче говоря, Князь не пожадничал, наступил на горло своей песне, и сдал торговцев ворованным товаром куда следует. Это был действительно благородный и мужественный поступок. Я как-то поставил себя на его место и вынужден был констатировать, что не знаю, как повелся бы, увидев такой раритет.

– Балдеешь? – спросил Клипер.

– Вроде того...

– Ты не против?... – Клипер присел за мой столик.

– А то ты уйдешь...

– Гы... Конечно, нет.

– Что, «товар» карманы рвет?

– Ну.

– Опять какая-нибудь чепуха?

– Обижаешь, старик. На этот раз товар клевый. Зуб даю.

– Хочешь показать прямо здесь?

– А почему бы нет? Мы тут одни.

– Да. Почти...

Действительно, на веранде, кроме нас, сидели всего две молодые пары. Но им было не до посторонних. Они влюбленно ворковали, как голубки.

– Ну что? – с надеждой спросил Клипер.

– Давай...

Мне все было безразлично. Полнейшая апатия вползла в душу змеей подколодной и выхолостила все мои чувства. Наступил откат, которому поспособствовало спиртное.

– Смотри... – Клипер, воровато оглядываясь по сторонам, достал из нагрудного кармана бумажный пакетик, постелил на стол носовой платок, и аккуратно, будто она была хрустальной, положил на него монету.

Я обречено вздохнул – мне сейчас Клипера только и не хватало. Это еще тот клещ. Чтобы втюкать свой очередной «улов», он будет преследовать потенциального покупателя днем и ночью.

Клипер доказывал, что отдает воображаемый раритет почти задаром, лишь из уважения к имярек, ныл, клянчил, упрашивал, звонил по телефону, напоминал о себе по десять раз на дню при помощи электронной почты... И должен сказать, такой трюк нередко приносил ему неплохие барыши.

На столе передо мной лежал шведский серебряный каролин 1664 года. Все верно: на аверсе портрет короля Карла XI

(отсюда и название монеты), на реверсе три короны и обозначение стоимости – две марки.

Монета достаточно редкая и на ней можно хорошо заработать (если только она не поддельная; но скорее всего это подлинник, если мне не изменило чутье). Лично мне каролин не нужен – в моей коллекции он уже был.

– Нужно проверить, – сказал я достаточно безразличным тоном, небрежно отодвигая от себя платочек с монетой.

А иначе Клипер такую цену заломит, что только держись.

– Да ты, что, Ник! – загорячился Клипер. – Это же – во! – Он показал большой палец. – Супер!

– Ты сначала скажи, кто ее сварганил, – сказал я иронично. – Не приложил ли руку к этой монетке наш общий друг Чикин?

– Ник, ты чё, в натуре! – обиделся Клипер. – Я когда-нибудь запаadlo тебе делал?

– Не буду врать – не было такого.

Клипер успокоился и заулыбался.

Гравер Чикин был личностью в нумизматических кругах более чем известной. Его поистине золотые руки могли сработать любой нумизматический раритет, да так, что комар носа не подточит.

В свое время Чикин отсидел, по-моему, лет восемь за свои «художества», и с той поры ушел в тень. Но иногда он выполнял заказы (вполне официально) различных музеев, у которых в коллекциях не хватало какой-нибудь редкой монеты.

И эти новоделы даже большие спецы не могли отличить от подлинников.

Пал Саич, – так все его называли – или Павел Исаевич, не только с филигранной точностью воспроизводил аверс-реверс монеты, а затем очень искусно наносил слой патины, но еще и воссоздавал сплав, из которого она была изготовлена. А это уже высший пилотаж.

Правда, в последнее время пошли слухи, что Пал Саич снова взялся за старое – от нищеты. Что поделаешь, жить-то надо, а на пенсию не очень размахнешься. Но будто бы свои новоделы он толкал за бугор и имел с этого весьма приличный навар, что совсем не удивительно.

Однако, не пойман – не вор. И мы Пал Саича не осуждали. В этом капиталистическом завтра нужно крутиться выюном, чтобы выжить. Иначе затопчут. А что касается подделок, так тут такое дело – или ты спец и что-то смыслишь в своем хобби, или ты дилетант и тогда плати за свою тупость по полной программе.

Мир коллекционеров никогда не отличался мягкостью нравов...

– Так что, берешь? – с надеждой заглянул мне в глаза Клипер.

– Ну, не знаю...

Я сделал вид, что колеблюсь. Для себя в цене я уже определился. Если перепродать каролин без тягомотины, по быстрому, то можно без особых хлопот поднять как мини-

мум пять «штук» зеленыю. Это и к бабке не ходи. На самом деле монета может стоить гораздо дороже, особенно если отдать ее на аукционный стринг*.

*Стринг – подборка монет определенной эпохи, какого-то правителя и т. п.

Но поиски коллеги, который запал бы на нее со всей своей неумемной страстью коллекционера, могли затянуться – на год, на два... А я любил быстрые деньги. Купил – продал – получил навар – оставил себе на жизнь и приобрел что-то для своей коллекции – опять купил – опять продал... ну и так далее.

К тому же жадность фраеров губит.

– Ник, купи, а. Я не скрываю – бабки мне сейчас позарез нужны. Ну, вот так... – Клипер для убедительности чиркнул себя ладонью по горлу.

– Что, опять «однорукому бандиту» проиграл? – догадался я.

Года два назад Клипер пристрастился к электронным играм и часами топтался возле игровых автоматов. Ну и, понятное дело, больше проигрывал, нежели получал от своего нового увлечения какую-то прибыль.

– Есть немного, – неохотно ответил Клипер.

– Ладно, братэла, выручу. Сколько?

Клипер замялся. Я его понимал. Внутри у Клипера шла борьба между жадностью и здравым смыслом. Нужно было его выручать, иначе он мог такую цену впарить, что мало не

покажется.

– Понял, – сказал я, доброжелательно улыбаясь. – Держи... И это только потому, что мы с тобой старые кореша.

Я достал из портмоне триста долларов и положил купюру перед Клипером. Это была наживка. Я был уверен, что мой «карась» обязательно клюнет. Психология...

– Ник! – возопил Клипер. – Это же грабеж среди бела дня! Кругляш тянет минимум на две «штуки». В принципе, я могу продать эту монету и за три тысячи баксов.

– Тогда о чем базар, – сказал я безразлично. – Продавай. Я не против. Будешь? – Я указал на графинчик, в котором еще кое-что плескалось.

– Нет, Ник, ты все-таки скотина... – Клипер надулся, как сыч.

– Вот те раз... – Я изобразил обиду. – Что я слышу? Ты предлагаешь мне монету, которая запросто может оказаться подделкой, судя по ее отличному внешнему виду, я даю тебе хорошие бабки – хрен его знает за что, а ты губы надул, как барышня, да еще и обзываешься. Тебе хорошо известно, что наши дела так не делаются. Чтобы получить две тыщи баксов за монету, нужно заключение эксперта. Это ты можешь какого-нибудь лоха обувать, нажимая на его чувствительные струнки, а меня уволь.

– Ник, но...

– Ладно, вот тебе еще двести – и мы квиты. Кстати, я даже не спросил, каким макарон этот каролин запрыгнул к тебе

за пазуху...

Клипер смутился, что-то промямлил, и одним быстрым движением сгреб доллары в свой карман. Я неторопливо за-
пихнул монету в бумажный конвертик и положил ее в свое
портмоне.

Сделка состоялась. Судя по всему, сегодня я буду с хо-
рошей прибылью. Но какой-то нехороший червячок, угнез-
дившийся где-то под сердцем, не позволял мне порадоваться
удаче. Нужно было заморить его, гада, быстро и решительно.

– Что ж, – сказал я, – нужно обмыть это дело. Я угощаю.
Не возражаешь?

– Спрашиваешь...

Клипер мгновенно повеселел. У него была легкая натура.
О деньгах, которые проплыли мимо него, он через какое-то
время вспоминал как о прошлогоднем снеге.

Я понял, что голоден, как волк, только тогда, когда офици-
ант принес наш заказ. Мой совершенно опустошенный же-
лудок взбунтовался мгновенно, как демократ-либерал, кото-
рому при разгоне несанкционированной демонстрации ми-
лицейский конь наступил на главную мужскую принадлеж-
ность.

У Клипера глаза полезли на лоб, когда он увидел, с каким
напором я набросился на еду.

– Ник, тебя что, морили голодом? – спросил он осторож-
но.

– Нет, – ответил я. – Надо мной ставили эксперимент.

– Извини, не врубаюсь...

– Чтобы добраться до моих мозгов, мне промыли желудок.

– Все равно ничего не понял. Ты говоришь загадками.

– Какие там загадки... Моего соседа-банкира с нижнего этажа замочили вчера вечером.

– Что ты говоришь!

– Ну... А чему ты удивился? Забыл, что ли, как лет десять назад хоронили бизнесменов и братков почти каждый день.

– То было тогда...

– Да, было тогда. Но метастазы до сих пор остались. Соседа буквально размазали по полу и по стенкам. Меня сводили в его квартиру на «экскурсию». Везде кровь... Бр-р! – Я содрогнулся и торопливо залил неприятное воспоминание рюмкой водки.

– Теперь я понял твой пассаж насчет промывки желудка. Менты трепали?

– Ну да.

– И что?

– А ничего. По-моему, опер подозревает, что у меня были причины разобраться с соседом.

– Он что, дурик? У тебя не та профессия.

– Мой покойный сосед был очень шумный и часто устраивал тарарам. Похоже, мент будет поднимать всю мою подноготную: не состою ли я в каком-нибудь национал-большевистском объединении, не числюсь ли на учете в наркодиспансере, не водятся ли за мной грешки по части различных

сексуальных извращений... А еще оперу кажется, что я ненавижу богатеев.

– А ты что, пылаешь к ним любовью?

– К ним – нет. К их богатству – да. Вот такой я нехороший.

– Ты и так не бедно живешь.

– Ага. По сравнению с тобой.

Клипер невесело ухмыльнулся и ответил:

– Это точно... Что-то в последнее время фортуна начала обходить меня стороной.

– Ты не догадываешься, почему так?

– Только не надо меня лечить нравоучениями!

– Я не об этом. Ты работаешь по мелочам. А талант собирателя у тебя большой, это несомненно. Кроме того, ты оброс нужными связями, как днище корабля ракушками. Не так ли?

– Так. Но я не понимаю, к чему ты клонишь?

– Ты вращаешься в нашей среде уже лет десять...

– Почти пятнадцать, – уточнил Клипер. – Я начал со школы.

– Вот и я об этом. Через твои руки прошли тысячи монет, среди которых были и настоящие раритеты. Ты уже состоявшийся нумизмат, а при желании можешь стать в нашем деле просто ассом.

– Могу, – не без спеси сказал Клипер. – Но опять-таки, я не совсем въезжаю, зачем ты завел этот базар?

– Ты не замечаешь, что у нас торговля монетами идет в ос-

новном через клуб нумизматов? Ну, не считая таких «жучков», как ты... пardon. Но и они все несут в общество нумизматов, где надеются получить хорошую цену за свои находки.

– Как не заметить...

– Но в клубе собираются только профессионалы. А вот любители не охвачены.

Клипер пристально посмотрел на меня и спросил:

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что нужна лавка нумизмата. Пока ее в городе нет, поэтому тебе все карты в руки. И советую поторопиться, чтобы тебя не опередили и не застолбили денежное местечко. Конечно, поначалу много денег вряд ли заработаешь, но доход все равно должен быть неплохим. И главное – стабильным. Молодежь ведь подрастает, наша смена. Куда они сначала пойдут? Ясное дело, в твой магазин.

– Ник, не надо так шутить...

– Я не шучу, я серьезно.

– Откуда в пустыне вода!?! Ник, я не при делах. Для начала нужно найти подходящее помещение под магазин и хотя бы тысяч пять монет в ассортименте. Что касается моих финансовых возможностей, то у меня в кармане вошь на аркане. Для того, чтобы завести такое дело, требуются бабки. «Штук» двадцать, как минимум. Где я их возьму?

– Насчет монет не волнуйся. Наша братва притаранит тебе на комиссию тонну всякой мелочи. Ее просто некуда девать.

А выбросить жалко. У меня тоже сотни три-четыре кругляшков найдется. И не только мусор. Касательно денег, можешь не волноваться. Финансирование я обеспечу.

– То есть?...

– Составим кумпанство, как говаривал наш незабвенный царь Петр Алексеевич, – и вперед. Деньги мои, все остальное организуешь ты. Я буду помогать тебе в качестве эксперта. Навар пополам. Естественно, после того, как я верну свои денежки. Но это будет в процессе, не сразу. Идет?

– Не верю своим ушам...

– Только о состязаниях с «одноруким бандитом» забудь! Чтобы в казино ни ногой. Понял? Это главное условие.

– Ник, да я... да мы... Ух! Даю слово!

– Естественно, все наши финансовые обязательства мы оформим официально, через нотариуса.

– Как скажешь. Я готов! Нет, не могу поверить... Давай выпьем за нашу фирму! Признаюсь, я уже давно думал об этом, но...

– У кого арендовать помещение под магазин, я знаю. Это не проблема. Оно почти в центре города. Надеюсь, арендную плату с нас возьмут небольшую. Там...

И в этот момент меня словно переключило. Я умолк на полуслове и, медленно повернув голову, посмотрел на пруд.

Он был очень большим, и в плане, если посмотреть на него сверху, – то есть, с огромного колеса обзора, которое находилось в парке на другом берегу, – напоминал огромную

фасоль, положенное на блюдо поверх зелени. Когда-то здесь была речка, но потом она обмелела, и ее перегородили плотинами, чтобы она совсем не пересохла.

Таких прудов было несколько, и все они, как бусины мониста пронизью, соединялись тонкими ручейками, которые набирали силу лишь в весеннее половодье. Последний пруд из этой низки, насколько я знаю, заканчивался далеко за городом, на луговине, растворяясь в камышах и болоте.

Все эти пруды со временем сильно заилились, но теперь обрели новую жизнь. Их начали очищать от донных наслоений. С веранды было видно, как вдалеке от нас, у противоположного берега, работает земснаряд.

Едва уходил лед, как на прудах начиналась интенсивная жизнь. Особенно, на этом. К парку была приписана лодочная станция, и народ развлекался, катаясь на водных велосипедах, а также на весельных и парусных лодках, которые давали напрокат.

Сегодня на пруду тоже было людно. Дул легкий ветерок, и паруса миниатюрных лодочек являлись великолепным дополнением к живописному виду, который открывался перед моими глазами. При некотором напряжении романтического воображения запросто можно было представить, что веранда – это причал какой-нибудь морской бухты.

Но мое внимание привлекла не яркая картина полуденного покоя, а весельная лодка, которая слегка покачивалась на волнах неподалеку от нашей веранды. Она плыла сама по се-

бе. Единственный ее пассажир, худой и длинный, как мачта без паруса, стоял посреди лодки и смотрел на меня какими-то странными немигающими глазами.

Он был одет, несмотря на теплую погоду, в длинный плащ из темно-фиолетовой ткани, сильно выгоревшей на солнце. Плащ гляделся таким старым и ветхим, что, казалось, вот-вот рассыплется прямо на плечах странного незнакомца. И он был застегнут на все пуговицы.

Аскетическое лицо человека в лодке, изуродованное двумя шрамами, покрывала щетина недельной давности, его длинные сальные волосы почти до плеч, уже изрядно тронутые сединой, по моему заключению, видели мыло и воду как минимум месяц назад.

И вообще, весь он был каким-то непромытым, пыльным, что ли – словно пришел с караваном, который скитался по пустыне очень долгое время. А как на меня, так несколько веков, потому что покрой его одежды никак нельзя было назвать современным.

Так мы глазели друг на друга, словно замороженные, минуты три, пока волны и усилившийся ветер не отнесли лодку с незнакомцем в длинном плаще за мысок, поросший ивами.

Клипер что-то болтал, но я совершенно его не слышал. Я был в каком-то трансе. Круглые черные глаза незнакомца, бездонные как самый глубокий омут, висели в воздухе передо мной даже тогда, когда он исчез с моего поля зрения.

– Ник, Ник, ты что уснул? – Клипер дергал меня за рукав.

– А, чего?

Я смотрел на него так, будто увидел в первый раз.

– Что с тобой, Ник!?! – встревожился Клипер. – На тебе лица нету. Какой-то бледный... Тебе плохо? Может, в больницу отвезти? Так это мы мигом. Стоянка такси рядом.

– Не надо... В больницу не надо... – Я тряхнул головой, прогоняя наваждение. – Лучше налей... выпьем еще по одной.

– Золотые слова! – обрадовался Клипер.

Мы выпили. Я постепенно приходил в себя. Что со мной случилось? – думал я в страшной тревоге. И все время косился в ту сторону, где еще совсем недавно плыл челн со странным пассажиром.

Кто этот человек? И почему из всех сидящих на веранде он вперил свои зенки в меня?

Глава 5

Завтрак, который плавно перешел в обед, вылился мне в хорошую копеечку. Но мне к концу нашего с Клипером застолья на это было наплевать. Мы даже песню какую-то спели, когда уходили с веранды. Я так наклюкался, что из головы на какое-то время вылетели все мои тревоги и заботы, а жизнь показалась совсем лазурной.

Расставшись со своим теперь уже компаньоном, я направил стопы домой. Меня ждал нелегкий телефонный разговор с беременной зазнобой, и я хотел, чтобы моя подогретая спиртным отвага не испарилась. Нужно было расставить все точки над «і».

Человек предполагает, а Бог располагает. Если нужно морально шелкнуть по носу самоуверенного человека, то это выражение в самый раз.

Я шел и мысленно прокручивал в голове весь наш предстоящий разговор. И в конце концов решил, что с задачей справлюсь. Главное – отбрыкаться. А там видно будет. Ну не хочу я себя связывать семейными узами, и все тут! Потом, когда-нибудь... может быть...

В конечном итоге я решил, что даже готов платить алименты, если моя подружка надумает рожать. Не я первый, не я последний.

И вообще, какого хрена я об этом думаю!/? Это ее пробле-

мы. Я говорил ей, что нужно поберечься, а она все что-то там считала, высчитывала и убеждала меня, что в такие-то и такие дни предохраняться не нужно, что действует она по науке.

Наука, блин! Кто в здравом уме поверит, что процесс зачатия – это наука? Говорят, что браки заключаются на небесах. По-моему, и дети рождаются не по нашей прихоти и уж тем более не согласуясь с различными научными теориями. Пришло время – и ты появляешься на этом свете.

Хочется кому-то этого, или не хочется, а когда выпадает жребий, то не помогут никакие ухищрения. И захомутают мужика, да так, что он даже не поймет, как это случилось, и родят ему, сколько положено, и будет он, как вол, тащить свое ярмо до гробовой доски. (Если, конечно, вовремя не прыгнет).

И вообще – как я мог довериться женщине!? Бред...

С такими мыслями я подошел к дому и уже вознамерился зайти в подъезд, но тут мне преградила дорогу женщина лет сорока с хвостиком. В ее лице было что-то знакомое, и я машинально сказал:

– Здрасьте.

– Здравствуйте, – ответила она сдержанно. – Вы Никита Бояринов?

– Да... – Признаться, я немного опешил.

– Я жду вас больше двух часов...

В ее голосе послышалась укоризна вперемешку с трево-

гой. Только теперь я заметил, что у нее глаза больного человека – красноватые, с лихорадочным блеском.

– Зачем? – спросил я, усиленно соображая, что за известие мне придется сейчас услышать.

Но в голове все еще звенели фанфары и гулял балдеж, поэтому здравые мысли пока находились на отдыхе. Лишь где-то далеко вдруг диссонансом прогудел варварский рожок, от которого, как круги на воде от брошенного камня, начала волнами исходить пока еще неосознанная тревога.

– Я мама Веты, – сказала женщина, как-то странно сглотив – будто протолкнула застрявший в горле комок.

Я опешил. Какой Веты!? У меня девушек с таким именем отродясь не води...

Стоп! Вета... Это сокращенное от Елизаветы, насколько мне помнится. Лиза-Лизавета, Элизабет... Бет! Это было имя моей подружки. Обычно я звал ее Лизаветой, но чаще всего Бетти или Бет. Мне нравилось звучание этого слова. Бет и Ник – это емко, кратко и вообще, клево. Бетти не какая-то там провинциальная Лизка, которая коз пасет.

Так это значит, Ветой мою подружку звали домашние, а передо мной стоит будущая теща? Тьфу, тьфу, изыди! Неплохо бы плюнуть через левое плечо, да как-то неудобно. Я все же воспитанный человек... местами.

Но к своим потенциальным тещам отношусь как к тем личностям, что летают на метлах. Я их просто боюсь. Мои бывшие подружки много раз пытались затащить меня к себе

домой на смотрины, но я отбрыкивался от этой чести, как только мог.

Соврать, что к ее Вете-Лизавете я не имею никакого отношения? Ну, это уже будет слишком. Я не мальчик и меня такой компромат мало волнуют. Тем более, что у нас с Бет все было по согласию.

Неужто она подослала для разборок мамашу? Не похоже. Бетти девочка самостоятельная и не по годам смышленная. Она сама пасть порвет, кому хочешь.

Тогда зачем эта женщина здесь? Нехорошее предчувствие вдруг сыпануло мне за шиворот несколько горстей снега. Я даже вздрогнул.

– Очень... приятно, – ответил я с запинкой.

– Скажите, Вета... Лиза у вас? – Похоже, моя собеседница все-таки сообразила, что домашнее прозвище дочери ее друга-товарищи могут и не знать.

Ни фиги себе заявочки! Значит, Бет не ночевала дома... А где она провела ночь? И с кем? Блин!

Я вдруг почувствовал дикую ревность. Для меня такое состояние было новостью. И тем не менее, я неожиданно ощутил себя злостным частником, мужиком, которому наставили рога.

Это же надо так – с одной теплой постельки в другую! Ну ладно, дорогая Бетти, я с тобой разберусь...

– С какой стати? – ответил я грубо.

– Извините, я не понимаю...

– Что тут непонятного? Вашей Лизы, – сказал я с нажимом, – у меня нет.

– А где она? – На лице женщины появилось выражения какой-то детской обиды и недоумения.

– Вопрос не по адресу.

– Но она была у вас вчера вечером...

Это женщина сказала утвердительным тоном. Значит, Бетти докладывала мамаше, где находится. Разумно. Ну, а мне деваться некуда – нужно колотиться.

– Да, была. Но потом вызвала такси и уехала.

– Куда?

– До сих пор я думал, что домой.

– Но дома ее нет!

– Может, она у кого-то из подруг? – высказал я маловероятное предположение, все еще во власти ревности.

Я знал, что Бет своих подруг особо не жалует. Уж не знаю, почему. И тем более, никогда у них не ночует. Это мне известно с ее слов. И думаю, что она говорила правду. Зачем ей было врать в этом вопросе?

Будь она похитрей, себе на уме, сказала бы, что для нее ночевка у подружек – привычное дело. Так иногда поступают даже замужние дамы, чтобы скрыть от супругов свои похождения.

Подруга не выдаст... по идее.

– Я опросила всех, – устало сказала женщина. – Вчера Лиза даже не звонила им.

Понятное дело, подумал я. Нам было не до звонков...

– А ей самой вы звонили? – задал я совершенно глупый вопрос.

– Конечно. Много раз. Но ее мобилка не отвечает. Отключена.

Это меня не очень удивило. Бет терпеть не могла звонков из дому, которые иногда раздавались в самый неподходящий момент. Поэтому ее мобильный телефон чаще всего не подавал признаков жизни – когда она была у меня, то понятно, почему, а когда уходила, то просто забывала его включить.

– Странно, – сказал я задумчиво. – И непонятно. Куда она могла запропасться?

– Где моя Лиза!? – вдруг истерически вскричала женщина и схватила меня за грудки. – Где она!? Что ты с ней сделал!?

Ну, этого только и не доставало... Похоже, мамаша, как и майор Ляхов, хочет записать меня в маньяки. Заманил, извращенец, к себе бедную юную глупышку, а потом, поиздевавшись над нею вдоволь, убил и закопал где-нибудь за городом. Ход мыслей несчастной матери мне был понятен.

Но где же, все-таки, Бетти? Тревога овладела мною всецело, и мне уже было наплевать, что подумают соседи, наблюдающие за нами из окон и балконов. Похоже, трагедия в моем подъезде взбурлила нашу тихую гавань до самого дна, и теперь жильцы дома начали проявлять повышенную бдительность.

Так бывает всегда, когда случается что-нибудь экстраор-

динарное; например, ограбление с жертвами или теракт. На какое-то время люди превращаются в живые датчики сигнальных систем; они торчат возле окон днем и ночью, а иногда даже создают дружины по охране прилегающей к месту события территории.

Но потом ажиотаж постепенно стихает, люди устают быть в постоянном напряжении, и все возвращается на круги своя. То есть, опять появляется полное безразличие к нуждам и тревогам соседей, и лень вместе со своей закадычной товаркой апатией снова ложится на мягкий диван перед экраном телевизора, где нескончаемым потом плывут потрясающе бездарные и глупые телесериалы.

Впрочем, в этом нет ничего предосудительного. По моему мнению, человек выжил и не сломался в чрезвычайно опасном для него мире благодаря своей счастливой способности расслабляться и выбрасывать прочь из головы все худое. А иначе люди превратились бы в законченных психов и трусов, и ютились бы лишь в глубоких пещерах, питаясь мхом и падалью.

– Стоп! – Я сильно сжал ее запястья. – Не нужно кричать. У меня есть план. Пойдемте ко мне.

Она удивительно быстро взяла себя в руки. Умолкнув на полуслове, женщина покорно кивнула, и мы поднялись на мой этаж.

Проходя мимо квартиры Хамовича, я непроизвольно задержал дыхание. Она была заперта и опечатана, но мне вдруг

показалось, что внутри нее кто-то есть, и он смотрит на меня через дверной глазок. Ощущение было не из приятных, и дальше я поднимался едва не бегом.

Мать моей подружки тоже ускорила ход. Наверное, она решила, что я надумал от нее сбежать.

Когда мы вошли в квартиру, я первым делом бросился к высокой подставке на резных деревянных ножках, где находился телефон. Он был еще тот, сталинский, сделанный по спецзаказу.

Я решил не менять его из принципа. Кроме того, он был красив. Такие сейчас можно встретить только в антикварных салонах, и стоят они больших денег. К тому же телефон работал уже столько лет как швейцарские часы.

Умели когда-то делать вещи...

Было у него лишь одно неудобство – наборной диск. Современные кнопочные телефоны с различными функциями (такое чудо техники с факсом и определителем номеров у меня тоже имелось – в кабинете), конечно же, старичку были не ровня. Он являлся реликтом давно ушедшей, а потому легендарной эпохи.

Но я обычно никуда не спешил, поэтому, лежа на диване, неторопливо и с удовольствием накручивал диск, мечтательно представляя, что на другом конце провода Кремль, а я – известный и уважаемый академик (как мой дед), к словам которого прислушиваются даже забронзовелые чиновники высокого ранга.

Куда звонила Бетти?

Нынче у нас развелось частных таксопарков больше, чем нужно. У меня был целый список с их телефонными номерами, я вырезал его из какой-то газеты – на всякий случай. Обычно я пользовался услугами бывшего государственного предприятия, которое, естественно, акционировали, но порядки в нем остались прежними – жесткими, в отличие от прочей таксомоторной вольницы.

Я начал лихорадочно ковыряться в своей памяти и вспомнил, что Бет тоже отдавала предпочтение бывшему госавтопарку. Кроме того, для нее я не раз вызывал такси по номеру этого предприятия, поэтому у нее, по идее, должна была сработать привычка.

Что ж, рискнем для начала. Я набрал знакомый номер, и когда мне ответила девушка-оператор, сухим официальным голосом представился:

– Майор Ляхов, оперуполномоченный уголовного розыска... – Ну и так далее. – Мне нужно знать фамилию водителя, который был вызван... – Я назвал дату, точное время и свой адрес.

Я решил представиться ментом не с бухты-барухты. Назови я свою истинную фамилию и общественное положение, милая девушка на другом конце провода лишь фыркнула бы в ответ – еще чего! Не было печали – просматривать компьютерную сводку вызовов такси за сутки.

Мой расчет оправдался. Девушка без лишних словопре-

ний исполнила все, что я просил. Эта процедура заняла всего лишь две-три минуты. Похоже, учет у них был поставлен на «отлично».

– Водитель Евтюгин Николай, номер машины... – Она продиктовала, а я записал. – Но он сейчас отдыхает...

– Домашний телефон у него есть?

– Да. И мобилка.

– Записываю...

Я говорил жестким, непререкаемым тоном. Мент, что с него возьмешь. А будешь, милочка, кочевряжиться, мы тебя враз... Видимо, девушка это прекрасно понимала, поэтому даже не думала брыкаться.

– Спасибо, – поблагодарил я и уже хотел положить трубку, но тут меня опередил вопрос моей собеседницы.

– Извините... – Девушка явно была смущена. – Он что, попал в какую-то неприятность?

– Не волнуйтесь, неприятность не у него. Ваш Евтюгин всего лишь свидетель.

– До свиданья, благодарю! – выпалила девушка, и трубка звякнула «отбой».

Похоже, этот Евтюгин – ловелас. Ишь, как о нем заботятся...

Не откладывая дело в долгий ящик, я набрал номер домашнего телефона Евтюгина – мобилу он мог и отключить, чтобы его не тревожили во время отдыха. Обычно у таксистов были постоянные клиенты, которые нередко звонили

им даже среди ночи, поднимая бедолаг с постели.

Правда, за такие вызовы таксистам очень даже неплохо платили...

– Ну, чего надо? – ответил мне сонный голос.

Вызов моего телефона зуммерил не менее минуты, пока водила очнулся от сонного состояния. Наверное, он лег спать только утром, так как работал всю ночь.

– Евтюгин? – спросил я прежним «ментовским» голосом.

– Допустим. А вы кто?

Я снова сплел ему побасенку об опере уголовного розыска, после чего, как мне показалось, сон у Евтюгина словно рукой сняло.

– Ну да, я Евтюгин... Николай. Но я не понимаю...

– Вам ничего понимать и не нужно, – отрезал я безапелляционно. – У меня есть к вам несколько вопросов.

– Слушаю...

Клиент обескуражен. Это хорошо. Я скосил глаза и посмотрел на свою будущую тещу. Она глядела на меня огромными глазами, в которых плескалось удивление вперемешку со страшной тревогой, и помалкивала. Наверное, думала: ну и брехло этот бой-френд моей любимой Лизочки.

– Вы помните вызов?... – Я опять назвал время и свой адрес. – Куда вы отвезли свою пассажирку?

– Конечно, помню. Хорошо помню. Во-первых, вез я не пассажирку, а пассажира. Мужика в годах, на вокзал. Он опаздывал. А во-вторых, по адресу, который вы назвали, ни-

кого не было.

– То есть?...

Признаюсь, я был потрясен. Что значит – не было!?! А я где в этот момент находился? А Бетти на какой машине уехала? Я же слышал звук мотора.

– Я немного опоздал – не более чем на минуту-другую, – продолжил объяснение таксист. – Клиента не было. Подождав минут пять, я связался с нашим оператором, она позвонила по номеру заказчика, но ей никто не ответил. Честно признаться, я разозлился – что за шуточки!?! – и уже хотел уехать, но тут из подъезда выскочил мужик с чемоданом, мы быстро сговорились, и через полчаса я был на железнодорожном вокзале. Вои и вся история.

Я был совсем сбит с толку. Может, у меня дежа вю? И Бетти уезжала от меня не вчера, а, скажем, неделю назад?

Ага, ты еще скажи – в прошлой жизни. Но я же слышал мотор машины, слышал! А что если этот таксист-ловелас посадил мою подругу, отвез ее в лесок, изнасиловал... Потом тюк бедную Лизу по темечку монтировкой – и все дела.

Он говорит, что девушка-оператор перезванивала... Но телефон молчал! Погоди, погоди... Бет уехала, а я... А я пошел в душ! Точно! И плескался там минут десять. А когда льется вода, то в ванной не слышно ни телефонного, ни дверного звонков.

Черт побери! Бет похитили! Но кто и зачем? Машина... Первая машина могла быть той, в которой уехал похититель

Лизаветы. Затем появился таксист... козел! Всегда они опаздывают!

На моей памяти такси еще ни разу не приехало в указанное время – или раньше (а потом с тебя бабки гребут за простой) или позже (в этом случае таксисты молчат, как рыба об лед, но денежку все равно свою стребуют).

Все это так, но что если водила врет? Такое может быть? Запросто. Однако расколоть его мне слабо. Это и ежу понятно.

Чтобы не молчать, пока я додумывал свою мысль, мой речевой аппарат сам выдал таксисту малозначимый, как мне тогда казалось, вопрос:

– Когда вы подъезжали к дому, там стояло еще какое-нибудь такси?

– Нет. Кроме моей машины – никого.

– М-да... – Я совершенно запутался и в мыслях и в том, что нужно спрашивать дальше. – Может, кто приезжал, уезжал... – продолжил я не очень уверенным тоном. – Не помните?

– Конечно, помню. Память у меня хорошая, – прихвастнул таксист – От дома отъехала всего одна машина.

– Всего одна... – повторил я машинально, все еще пребывая в растерянности.

Куда же девалась Бет!?! Моя версия о похищении, конечно же, шита белыми нитками. Лизавета запросто могла переночевать не у своих подруг, а у кого-нибудь из моих богем-

ных приятелей. Она была с ними знакома, мы часто ходили в гости. В их квартирах всегда толклись какие-то незнакомые люди – столовались, пили-ели, спали...

– Да, одна-единственная, – снова подал голос водитель такси. – Зато какая.

– То есть?...

– Это был «майбах»! Нет, не новый, а коллекционный. Притом в отличном состоянии. Такое впечатление, что он совсем недавно сошел с конвейера. Весь блестит, сверкает никелем. Супер! Мне б такую лошадку. Я бы на этом немце такие бабки заколачивал... Старые машины нынче в моде. Свадьбы, другие торжества...

– Номер «майбаха» вы не запомнили?

– Зачем? Старинных машин в городе раз, два – и обчелся. А «майбах» мне вообще не доводилось встречать. Так что узнать его не проблема. Между прочим, я работаю на такси уже шестой год.

– Понятно... – ответил я, попрощался с водителем и положил трубку.

Понятного в этой истории было мало. Сплошной туман. Где ты, Бетти, черт тебя дери!? Почему тебя угораздило сесть в этот «майбах»? А так оно, скорее всего, и было. Неужели захотелось покататься в шикарной машине? Поди знай...

– Ну что, что он сказал? – с надеждой затеребила меня за рукав мать Бет.

– Ничего определенного. В такси она не ехала, если верить водителю...

– Господи! Девочка моя!... – Мать Бетти заплакала навзрыд.

– Успокойтесь! Ради Бога успокойтесь! – Я метнулся на кухню, налил стакан минералки и ткнул его в руки плачущей женщины. – Выпейте, выпейте, вам полегчает...

Вот чего я терпеть не могу, так это женских слез. Меня буквально наизнанку выворачивает, когда рыдает какая-нибудь представительница слабой половины человечества. Я сразу же становлюсь податливым, мягким, как воск, и обычно сдаюсь без боя.

Я понимаю, что женский плач – чаще всего – это ее оружие, последний шанс выиграть сражение за какой-нибудь пуштык. И все равно ничего с собой поделаться не могу. Наверное, у меня чересчур тонкая и впечатлительная натура.

Но материнский плач совсем вывернул меня наизнанку. Что если и впрямь с ее Лизой случилась беда? Ну почему, почему я не оставил ее у себя!? Поведись я по-иному, Бет никогда бы не уехала от меня, да еще в столь позднее время. Идиот, сукин сын, эгоист!

Нельзя, нельзя было отпускать ее одну. Что тебе стоило проводить Бетти хотя бы до такси? Ан, нет, пошел у бабы на поводу. «Я сказала – не нужно меня провожать...» А сама думала совсем наоборот. Будто тебе совсем незнакома противоречивая женская натура...

Признайся лучше, что ты страсть как не хотел надевать штаны и чапать на улицу. Ленивая скотина!

– Поезжайте домой, она найдется. Уверен, – сказал я, когда женщина немного успокоилась и перестала рыдать. – Я сейчас вызову вам такси.

– Не нужно... – Ее вдруг потяжелевший взгляд заставил меня вздрогнуть. – Я сама... Пойду в милицию. Тут недалеко.

– Зачем?

– Заявить.

– А если с Бет... с Лизой не случилось ничего дурного? Вдруг она ночевала у какой-то неизвестной вам подружки. Сегодня выходной, ей спешить некуда, вот они там как две сороки и трещат, обговаривают свои проблемы. К тому же, насколько я знаю милицейские порядки, они сразу не бросятся ее искать. Только через двое суток. И то если их чем-нибудь «подогреть» – или высоким положением заявителя, или бабками... пардон, хорошей суммой, желательно в американских дензнаках.

– Денег у меня нет, но я все равно обращусь в милицию, – упрямо ответила женщина. – Буду просить, умолять... Мое сердце чует, что с нею случилась беда.

– Мне не хочется в это верить, и я бы посоветовал вам не торопиться с заявлением. Лиза должна объявиться, я просто уверен в этом. – Увы, никакой уверенности на сей счет у меня не было; но должен же я был хоть как-то утешить несчаст-

ную женщину.

– Не знаю, ничего не знаю... Может, вы и правы. Я подумаю...

Когда за нею закрылась дверь, у меня словно гора с плеч свалилась. В ее присутствии я чувствовал себя так скверно, что даже голова заболела.

Возможно, это были остаточные явления похмельного синдрома (спиртное, употребленное в ресторане, выветрилось очень быстро, я уже был совершенно трезв), но скорее всего меня начала сильно доставать совесть.

Эта эфемерная, весьма расплывчатая категория, в принципе, мне была не свойственна. Нет, я не был отмороженным негодяем, но и моралистом себя тоже не считал.

Мне, например, наплевать на политические партии и их программы, на то, что вокруг столько горя и разных бед, на различных кликуш, – как зарубежных, так и наших доморощенных – которые уже много лет подряд предрекают распад России. Мне совсем не жаль пьянь-рвань бездомную, так как в их бедах виноваты, чаще всего, они сами, ну и, естественно, я безразличен к душевным коллизиям тех девиц, что растеряли свои патриархальные иллюзии после близкого общения со мной.

Я в какой-то мере циник, фаталист и даже где-то нигилист. Мое кредо: что должно быть, то сбудется. Как бы ты не прыгал и не изощрялся.

Однако сейчас я вдруг почувствовал, что не могу оста-

ваться безразличным к судьбе Лизаветы. Нет, это не была любовь, когда ради дорогого тебе человека можно жизнь отдать. И меня совсем не грызли укоры совести на предмет ее беременности. Это дело житейское.

Меня смущало нечто другое. Какие-то странности, которые в последнее время повалили, словно из мешка. Я вдруг вспомнил, как совсем недавно меня терроризировали телефонные звонки. Я поднимал в трубку, спрашивал «Кто?», а в ответ слышал лишь хриплое дыхание.

Эта эпопея длилась, пока у меня совсем не иссякло терпение. Подняв в очередной раз телефонную трубку, и услышав знакомое «хр-р, хр-р...», я, отбросив всякую интеллигентность, выдал такую заковыристую тираду с многоэтажными матами, что ей позавидовал бы даже боцман, старый морской волк, просоленный ветрами всех широт.

Короче говоря, я высказал наглецу все, что думаю о нем, о его папе-маме, о братьях и сестрах, о месте его рождения, а также о том, как трудно вытаскивать якорь, засунутый в задний проход. Естественно, это очень краткий пересказ моей вдохновенной речи.

Поупражнявшись в риторике, я взял и на хрен отключил свой кнопочный телефон. Совсем. Не знаю, названивал мне хрипатый, или нет, но когда я, спустя шесть или семь дней, вернул все на круги своя, мой телефонный аппарат снова стал приятным собеседником, по которому звонили только знакомые и друзья. (С родителями я обычно общался по сво-

ей музейной реликвии, что возле дивана).

Но в этот временной промежуток тоже не обошлось без происшествий. Меня стал донимать – практически преследовать – странный (чтобы не сказать больше) нищий. Это был одетый в невообразимое рубище мужик, как мне показалось, весьма преклонных лет – настолько мерзкий и страшный с виду, что он даже начал сниться мне по ночам.

Куда бы я ни шел, этот старец постоянно попадался мне на пути. Согнувшись в три погибели и протянув грязную ладонь, нищий глядел на меня глазами у которых, как мне показалось, совсем не было зрачков.

И главное – он просил подаяние, не издавая даже мычания, как это делают некоторые псевдопопрошайки, изображая из себя совсем ущербных. Хоть бы слово сказал, сволочь!

Сначала я давал ему мелочь, которая всегда болталась у меня в карманах; я любил шелест купюр и звон монет – эти звуки для настоящего нумизмата как допинг. Но когда он начал встречать мне раз по пять на дню, притом в самых неожиданных местах, я взбунтовался.

Какого хрена! Я что, дойная корова ему, записной меценат или копилка без дна? Делая вид, что не замечаю протянутой руки, я быстрым шагом уходил прочь... чтобы снова встретить его в другом месте. Создавалось впечатление, что он ездит за мной по городу на такси.

Вот зараза! Я же не телефон, отключиться на некоторое

время и лечь на дно мне как-то не в жилу. Тем более, что как раз в этот момент я вел переговоры о покупке нескольких ценных экземпляров для своей коллекции. А такие бизнесовые проблемы нужно решать тет-а-тет.

Тогда я выкинул следующий фортель – при очередной встрече достал из кошелька пятисотенную купюру, положил ее на грязную ладонь нищего и сказал: «Еще раз протянешь ко мне руку, урод, протянешь ноги. Забыю, как мамонта. Чтобы я тебя, образина, на своем пути больше не видел!»

После столь проникновенного и горячего выступления этого вонючего и грязного сукиного сына я не встречал. Похоже, слух у него все-таки был. А может, и речь.

Затем случилась наглая и страшная смерть соседа. Она потрясла меня до глубины души. То, что я увидел в квартире Хамовича, не шло ни в какое сравнение с фильмами-«ужастиками», которыми пичкают и оболванивают наш наивный народ большие американские демократы и человеколюбцы, в качестве демонстрации своей мессианской миссии сбросившие на Японию две атомные бомбы.

Ко всему этому можно приплюсовать странное видение, которое продефилировало передо мной в челне, когда я гу-жевал с Клипером в «Ё-мое». Хмырь в длинном плаще произвел на меня неизгладимое впечатление. От него явно исходила угроза.

Так бывает, когда в террариуме смотришь на разъяренную ядовитую змею. Ты знаешь, что между вами стоит толстое

стекло и что она никак не может его пробить, чтобы добратся до тебя, но все равно на сердце холодок, а нервы натянуты как струны.

И наконец исчезновение Бетти. После ухода ее матери я вдруг понял, что она права – с моей подружкой случилось какое-то несчастье. Я просто уверовал в это, уж непонятно с каких соображение.

Интуиция. Предчувствие. Или как там все это называется. Меня даже дрожь пробила.

Нет, все это точно не к добру. На меня словно надвигалась монолитная стена, готовая в любой момент упасть. Упасть и раздавить, как лягушку.

Прищуриив глаза, я даже увидел каменные глыбы, с которых она была сложена. Стена была как живая – меняла очертания, бугрилась, росла, словно ее снизу что-то подпитывало.

Черт побери! Что все это значит!?

Глава 6

После ухода матери моей подружки я сидел и размышлял минут десять. Конечно, мыслитель из меня хреновый, но ситуация требовала хоть какого-то анализа.

Но в голову, как назло, не пришла ни одна толковая мысль. Верно говорят, что мозги нужно тренировать. Но по окончании института (я поступил туда только из-за уважения к своим родителям и под их сильным нажимом) мое серое вещество большей частью отдыхало.

Так что я лишь тупо перебирал всякие мыслимые и немыслимые варианты, связанные с исчезновением Бет, у которых напрочь отсутствовала логика. В своем смятении я напоминал детектив, написанный какой-нибудь современной писательницей – ни четкой сюжетной линии, ни интересных коллизий, лишь не связанные ничем отдельные эпизоды и сплошной базар-вокзал, пустая бессмысленная болтовня.

Вот такое творилось в моей башке.

Наконец, не выдержав напрасного бурления бестолковых мыслей, я принял, пожалуй, единственное толковое в данной ситуации решение, о котором уже думал ранее. Я сел за телефон и начал обзванивать своих приятелей.

Лучше бы я сделал это не сейчас, а ближе к вечеру. Несмотря на дневное время, народ еще дрых в своих кроватках. Все, кому я звонил, были ночными птицами, и обыч-

но спать ложились не раньше пяти утра. Ну просто какие-то вурдалаки.

Большинство из моих корешей убивали время в ночных барах и казино, ну, а некоторые, особо патриархальные личности, гужевали в домашних условиях с привлечением особ противоположного пола, не страдающих повышенной целомудренностью.

В общем, куда бы я ни звонил, почти все посылали меня на три буквы. По-моему, они даже не понимали, кто с ними разговаривает. Сукины дети...

И только последний звонок дал мне маленькую надежду. Так всегда бывает, если ищешь что-то очень важное – нужный тебе результат находится в конце цепочки, и чаще всего ты натыкаешься на него совершенно случайно.

– Ник, это ты? – раздался на другом конце провода сонный голос моего закадычного дружка и тоже нумизмата Лехи Давайте-Жить-Дружно.

Давайте-Жить-Дружно – это его кликуха. Дело в том, что Леха с детства представлялся всем Леопольдом. Ну не нравилось ему имя Леонид, и все тут. Хотелось чего-то нестандартного, возвышенного. А имя Леха – это сплошная проза. Он долго не мог простить родителям, что они так его назвали.

Поначалу все было нормально. Леха подрос, и почти все знакомые начали величать его Леопольдом. Леха просто млел, когда слышал это козырное имя. Но все хорошее ко-

гда-нибудь заканчивается. Проблемы начались, когда вышел мультфильм про кота Леопольда.

Леху тут же переименовали, использовав знаменитую фразу мультяшного тезки, которую он сказал двум нехорошим мышам: «Ребята, давайте жить дружно». Леха и впрямь в любом споре всегда занимал примиренческую позицию. Он был очень добрым и отзывчивым человеком.

Прозвище прилипло, словно банный лист. С одной лишь разницей: лист можно было смыть, а кликуху – практически никогда. Спустя какое-то время бедный Леха уже слышать не мог имени Леопольд, а на того, кто в дружеской беседе забывался и произносил фразу «Давайте жить дружно», он кидался едва не с кулаками.

А еще Леха был потрясающим ловеласом, несмотря на то, что до писаного красавца он явно не дотягивал. Леха мог снять любую девушку. Иногда он проделывал такие вещи на спор.

Мы садились в троллейбус, я выбирал на мой взгляд совершенно неприступную кралоу, и Леха шел в атаку. Его «боевые действия» обычно длились недолго. Через две-три остановки он возвращался ко мне и говорил: «Все, старик, ты проиграл. Но сильно не переживай. Она придет ко мне сегодня вечером и приведет свою подружку. Для тебя».

И еще не было случая, чтобы золотая рыбка сорвалась с его крючка. Я только диву давался и завидовал. Похоже, Леха обладал какой-то магнетической энергией; или специфиче-

ческим запахом, на который юные прелестницы бросались, как кошки на открытый пузырек с валерьянкой.

Нужно сказать, что позвонил я Лехе от полной безнадёги – машинально. Он был последним в моем списке, и я знал, что, по идее, Леха в данный момент должен быть в Москве. Там у него образовались какие-то дела.

– Не узнаешь? – обрадовано ответил я вопросом на вопрос.

– Как не узнать? Какой еще идиот, кроме тебя, может поднять меня с постели в такую рань.

– Ничего себе рань... Уже давно за двенадцать перевалило. Ты опять всю ночь бухал?

– Не опять, а снова. У меня гости.

– А когда их у тебя нет?

– Короче, Склифосовский, тебе чего надо? Я еле голову оторвал... от подушки. Глаза... сами... закрываются...

По голосу я понял, что сейчас Леха уснет прямо с телефонной трубкой в руках.

– Проснись! – рявкнул я во всю мощь своих легких. – У меня вопрос есть.

– Спрашивай быстрее... извини... момент... – В трубке что-то забормотало, как будто вода в сливном бачке.

– Бет у тебя!? – снова заорал я в трубку, опасаясь, что наш разговор может прерваться в любой момент.

– Не лезь... – бубнил Леха кому-то. – Говорю тебе – дай отдохнуть! Я же не трактор... Это ему все по барабану, он

железный и может пахать сутками. Спи малютка, спи... Потом, попозжа... – Раздался звук поцелуя.

– Алло, Леха!

Не кричи, я не глухой. Приходи, найду я тебе Бет. Здесь она. Только прихвати с собой беленькой и шампусика. Да побольше. Шамовка у меня есть...

И телефон отрубился.

Бетти объявилась! Ур-ра! Наконец-то. Надо позвонить ее мамаше. Иначе она поднимет на ноги всех ментов. Целеустремленная женщина, от нее просто так не отбрыкаешься. Теперь я точно знал, что Бет по характеру пошла в свою родительницу.

Я набрал номер домашнего телефона Лизаветы, но в ответ получил лишь длинные гудки вызова. К аппарату так никто и не подошел. Значит, мамаша не послушалась меня и сейчас штурмует райотдел милиции. Наверное, на ее месте и я бы так поступил.

Материнское сердце – это сплошной обнаженный нерв. По себе знаю. Моя маманя до сих пор считает меня несмышленищем, мальцом, и старается уберечь от всех напастей. От ее советов и назиданий у меня иногда голова пухнет.

Я примелся к Лехе через час. За это время я успел побриться, помыться, переодеться, купить в гастрономе все, что нужно, найти такси и доехать до дома, где жил Леха-Леопольд.

Конечно, такси можно было и не брать, так как Лехин дом

находился почти рядом с моим – через два квартала. Но, зная его аппетиты, я набрал водки и напитков словно на Маланину свадьбу. Поэтому тащить неподъемные пакеты на своем горбу мне как-то было не в масть.

Не забыл я и про закуску. По понятиям Лехи, закусь в пьянке – это прилагательное. Обычно он обходился тем, что мог найти в своем холодильнике. А там, насколько я знал, кроме банки с килькой в томате, засохшего куска сыра каменной твердости и бутылки кефира, больше ничего не было.

Меня воодушевлял тот факт, что Бет и впрямь могла, не дождавшись такси, (она была в этом плане очень принципиальной; опоздал, парниша, – катись дальше, а я найду себе другую тачку) пойти к Лехе, который и познакомил нас. Как я об этом раньше не подумал?

С такими радостными мыслями – слава Богу, нашлась! – я и позвонил в дверь Лехиной квартиры. Нет, я не просто тренькнул разок. Я давил на кнопку звонка, пока он, образно говоря, не раскалился.

Мне было хорошо известно, что если Леха спит, то его можно поднять лишь бабахнув возле уха большой петардой. Кстати, я сильно удивился, когда он спросонку поднял телефонную трубку. Наверное, Леха мало выпил.

Мне открыл не он. На пороге, безмятежно улыбаясь, стояла обнаженная девица. Ну не будешь же считать одеждой бусы на шее и прозрачный шифоновый шарф, которым она

пыталась прикрыть свои прелести. Ей было от силы восемнадцать лет.

– Вы друг Леши? – сонно шурясь, спросила она нежным голоском, в котором явно прозвучал какой-то подтекст; и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Он сказал, чтобы я выпустила вас, когда вы придете. А я уснула... Извините...

– Однако... – Это было все, что я сказал при виде юной вакханки.

Я был сражен наповал. Неужели Бет принимала участие в групповухе!? Ну, Леха, ну, гад... убью! Во мне вновь заговорило нехорошее чувство злостного частника. Мало ему своих телок, так он еще и на мою позарился.

Оттолкнув девушку в сторону, я стремительно ворвался в спальню, где почивал мой приятель (какой он после этого друг!?), споткнулся о что-то, и застыл в нелепой позе, изобразив едва не балетное па – чтобы не упасть.

Лехина кровать представляла собой толстые мягкие подушки, занимающие половину спальни. На них можно было поместить ползвода девиц.

Сейчас их было всего три. Они лежали возле Лехи как лепестки розы вокруг репейника. И вся эта компашка спала мертвым сном.

Я потихоньку попятился назад и закрыл дверь. Бетти среди этих девиц не наблюдалась.

– Здесь есть еще девушки, кроме вас четверых? – спросил я у обнаженной красотки, которая где-то оставила шарф и

теперь неспешно натягивала на себя гипюровые трусики.

У Лехи была трехкомнатная квартира, но мне почему-то расхотелось заглядывать в другие помещения. Я знал, что там нередко ночевали те его приятели, которым любовь в подворотне категорически не нравилась.

– Не-а, – ответила она беззаботно. – Больше никого. Ой, минералка! – радостно воскликнула девушка, заметив бутылочные пробки, торчащие из пакетов, которые я бросил перед дверью спальни. – Можно?...

– Какие проблемы...

О, времена, о, нравы! Так любили говорить древние римляне. Уже тогда. С того времени мало что изменилось в человеческих отношениях. Упадок морали – это первый признак разложения и развала империй.

Девушке было абсолютно по фигуре, что перед нею незнакомый мужчина, а она, практически, в чем мать родила. А ведь когда-то эта малышка ходила в детский садик, носила розовые банты, и в ее широко распахнутых глазках читались неземная невинность и райское целомудрие.

Но груди у нее красивые... М-да... С такой красавицей не грех и... Стоп! Закрываем тему. Скабрёзные мыслишки на фоне благородных размышлений о высоком и вечном вмиг опустили меня на грешную землю, будто вместо парашюта мне сунули в руки булыжник.

Тем временем девушка открыла пластиковую бутылку минералки и присосалась к ее горлышку, как телок к коровьему

вымени. Я деликатно отошел в сторону. Меня мучила только одна мысль – где же, все-таки, Бет? У Лехи ее точно не было.

Тогда почему он сказал, что Бетти у него? Чертов Казанова! Брехло собачье. Похоже, он использовал меня как носильщика-снабженца. Чтобы самому не ходить в магазин за спиртным. Вот паразит...

Нет, нужно поднимать хозяина этого борделя. Я решительно зашел в спальню и начал трясти Леху, как грушу со спелыми плодами.

– Ты что, сдурел!? – Он слабо отбрыкивался, но вставать не спешил. – Ник, ну ты даешь...

– Это ты даешь. Поднимайся, мать твою!...

– Ну дай мне поспать... хотя бы полчаса... – ныл мой дружок.

– Вставай, я водку принес. И напитки.

– Что? – Леху будто пружиной подбросило.

Он принял сидячее положение и сказал, облизывая сухие губы:

– Ты, наверное, шутишь...

– Какие шутки? Ты сам заказал, когда я тебе звонил час назад.

– А ты разве звонил?

– Вот те раз... Леха, не гони балду. Неужто забыл?

– Извини, Ник, в башке полный абзац. Ничего не помню.

– Между прочим, ты еще сказал, что у тебя Бетти обретается.

– Да? Я такое говорил?

– Милая картина – он удивляется. Какого хрена я бы сюда приперся!? Между прочим, я трезв и слух у меня пока нормальный. Значит, ты нагло соврал.

– Ничего подобного, – живо возразил Леха. – Тебе нужна Бет?

– В данный момент – очень.

– Так о чем тогда базар? Вот она... – И Леха принялся тормошить одну из сонных девиц. – Бет, проснись! Бетти, лапушка... за тобой пришли.

– Остановись! – повысил я голос. – Это не Бет.

– Как это – не Бет? Ничего подобного. Или она лапши на уши мне навешала? Вставай, кому говорю!

Девушка наконец приняла сидячую позу и сонно пробормотала, качая головой как китайский болванчик:

– Леша, ты чего?

– Вот он говорит, что тебя зовут не Бет. – Леха обличающим жестом ткнул в мою сторону указательным пальцем. – Зачем ты нам всем лгала?

Девушка посмотрела на меня, с усилием подняв голову, и ответила:

– Я его не знаю.

– Я спрашиваю тебя о другом – ты Бет или кто?

– Леша, я хочу спать...

– Когда я спрашиваю – отвечай!

– Я Беатриса. Значит, Бет. Доволен?

Не дожидаясь ответа, девушка упала на подушку и мгновенно уснула. Наверное, ей показалось, что все происходит во сне.

– Доволен, – буркнул Леха. – А ты? – спросил он, глядя на меня немного прояснившимися глазами.

– Не очень, – ответил я сокрушенно. – Я имел ввиду свою Бет. Лизавету. Ты должен ее помнить.

– Если бы я запоминал всех своих и твоих телок, то имел бы огромный объем мозга, с которым запросто стал бы депутатом Думы.

– У тебя и так мозги в порядке... конечно, ежели не с похмелья. Для того, чтобы стать депутатом, нужно иметь в кармане миллионов пять-шесть «зеленую». У тебя есть такие бабки?

Кряхтя, Леха выбрался из мягких подушечных объятий и встал на ровные ноги.

– Денег мало, – ответил он тоскливо. – Мне для полного счастья требуется пару «штук» американских бумажек. У меня такой гешефт наклеивается...

– Пополнение коллекции или просто клевый товар?

– Для себя.

– Понял. И ты, конечно, не скажешь, что тебе может приплыть...

– Что нарыл – скажу. А кто хозяин монет – уж извини, это не для прессы, как говорится. Не обижайся.

Я невесело ухмыльнулся и сказал:

– Никаких обид. Дружба – дружбой, служба – службой, а табачок врозь. Не волнуйся, я дорогу перебежать тебе не буду. За мной такие «подвиги» не водятся.

– Было бы сказано... Вспомни, как ты кинул Фрола.

– Ну, во-первых, он мне не друг и даже не товарищ, а во-вторых, я просто его опередил. Пока он искал тугрики, я выкупил монеты. Всего лишь.

– Не знаю точно, как там у вас было, но Фрол на тебя заимел зуб размером со слоновий бивень.

– Этот зуб может ему нёбо проткнуть и повредить мозги. Когда я начинал заниматься коллекционированием, он несколько раз меня, несмышленища, что называется, мордой об асфальт хряпнул. Из-за этого хитрожопого Фрола я потеря кучу бабок. Мало того, он самолично втюкал мне фальшак, что, как ты знаешь, в наших кругах не приветствуется, если не сказать больше. Но я смолчал. Стыдно было признаться в некомпетентности. Свои грехи, значит, он благополучно забыл.

– Да, Фрол еще тот жук... Пойдем, сканы покажу. Кстати, ты купил чего-нибудь попить?

– Обижает... А то я тебя не знаю. Я не только напитки купил, но и жратву.

– Ник, я тебя люблю!

– Только не говори об этом в обществе. А то подумают, что мы с тобой «голубые». Сейчас это новая мода – однополая любовь. В церкви венчаются...

– Бля! Педерасты гребаные... – грубо выругался Леха и начал жадно глотать «Кока-колу». – Уф! Ледяная... С холодильника дали?

– А на фига нам моча?

– И то верно. Оденься! – громыхнул он на давешнюю девицу, которая продолжала щеголять в одних кружевных трусиках. – И приготовь нам чего-нибудь, – указал он на мои пакеты со снедью. – Закусить...

Сканы монет, которые показал мне Леха, были весьма неплохого качества. Как и сами монеты. Я насчитал их восемь штук.

Среди них был довольно редкий шведский кристинер 1648 года – монета номиналом в 8 марок, серебряная английская крона 1816 года – тоже неплохой экземпляр, и шесть российских рублей, в том числе и чеканенный в честь Полтавской битвы рубль 1709 года с изображением царя Петра Алексеевича с лавровым венком на голове.

В общем, «штук» семь-восемь за все это серебро заплатить можно было. Но только с условием, что половина монет будет предназначена для перепродажи. Тогда добавление в коллекцию не скажется на финансовом состоянии Лехи. Можно даже выйти на ноль.

Это я и сказал ему.

– Я сам так думал, – ответил Леха с сомнением. – Клиент запрашивает «червонец», но думаю, что при торговле пару «штук» он скостит. Конечно, хочется, оставить себе все...

– Не жадничай. Рубли нужно продавать. Такого добра, сам знаешь, хватает. Можно найти и подешевле. Только Петрушу оставь. Он ценный.

– Рубли недорого стоят...

– Тогда добавь в этот список английскую крону.

– Ты что, Ник! Где я потом отыщу крону за такую цену.

Она нужна мне ну просто позарез. Без нее раздел будет не полным. Ты же знаешь, Британия – это мой конек.

– Знаю. А крону у меня найдешь. Есть у меня лишняя.

Она будет немного дороже, чем эта, но сохранность у нее лучше – EF*. Разбогатеешь – купишь. По цене мы можем сразу договориться. Или устроим обмен.

– Точно? – обрадовался Леха. – Не врешь?

– Могу дать расписку, коль у тебя есть сомнения. Но этот наш разговор пока беспредметный. Монеты ведь у дяди. А бабок у тебя кот наплакал, судя по всему.

– Да достану я деньги, достану! Возьму займы, под процент. Есть у меня один... «банкир». Меня смущало только то, что их нужно отдать в течение месяца. А теперь все на мази. Твой вариант – это супер. Да, брат, ты – голова... Ну что, пьем по сто – и по рукам?

– Согласен.

– Пойдем на кухню.

Девица оказалась весьма расторопной. Она не только оделась, но еще и накрыла на стол. Правда, там ничего такого не было, сплошная проза – «докторская» колбаса, шпроты, по-

резанный на дольки лимон, ржаной хлеб и копченая селедка, присыпанная колечками репчатого лука.

*EF (extremely fine) – незначительный износ; оценка состояния монеты по одной из шкал критериев сохранности нумизматических раритетов.

В общем, завтрак холостяка...

Мы выпили. Вдвоем. Леха отправил девицу к ее подружкам, сославшись на то, что нам нужно поговорить. Но она уже окончательно проснулась, и постель ее уже не прельщала. На ходу снимая блузку, прелестное создание скрылось в ванной, откуда вскоре раздался шум льющейся воды.

– Кто эти девицы? – спросил я без особого интереса.

– Нравятся?

– Да как тебе сказать...

Леха хитро ухмыльнулся.

– Скажи честно, – сказал он не без самодовольства.

– Супер, – ответил я, чтобы польстить Лехе.

– То-то. Учись, парниша, пока я жив...

Он рассмеялся.

– Это мне лафа привалила, – объяснил Леха. – Они приехали из провинции на просмотр перед конкурсом красоты. Как это называется... – Он пощелкал пальцами, наморщив лоб и изобразив усиленную работу мысли.

– Кастинг, – подсказал я.

– Во-во, кастинг. Процесс почему-то затянулся, а жить им негде. Знакомые попросили меня устроить девочек где-ни-

будь.

– И ты, конечно же, устроил... кобелино.

– Не ругайся. Они сочетают приятное с полезным. И кстати, живут у меня на халяву.

– Ну, не совсем так...

Леха осклабился и ответил:

– Так ведь пансион стоит гораздо дороже.

– А ты подсчитывал?

– Да знаешь, девочки такие шустрые, что не дают времени, чтобы сосредоточиться...

Я понимающе улыбнулся. Улыбка вышла несколько натянутой – словно мне скулы свело.

– Что-то ты бледно выглядишь, – заметил Леха.

– А... – Я вяло отмахнулся.

Меня в этот момент мучила только одна мысль: куда девалась Бет? Но мой мыслительный процесс был сильно заторможен разочарованием, которое я испытал, узнав, что моей подружки здесь нет. Я тупо смотрел на стакан и почти не прислушивался к словам возбужденного Лехи, тархтевшего как молотилка.

Небольшой душевный подъем, вызванный просматриванием сканов и беседой на любимую нумизматическую тему, уже прошел, и я вдруг почувствовал себя столетним старцем.

Здесь что-то не так, что-то не так... – бубнил в сознании мой внутренний голос. Мне кажется, я проморгал какую-то очень важную деталь... Но какую именно? Где я дал маху?

«Абрам, твоя Сара дала маху». «Ну и что? Главное, чтобы этот Мах был хорошим человеком...»

Водка, которую я пил в надежде, что она поднимет мне настроение, совсем на меня не действовала как допинг. Я все больше погружался в мрачное уныние, а чтобы Леха не приставал с расспросами «что, да почему», я приклеил себе на лицо выражение повышенного внимания к его словам и благожелательную улыбку.

Глава 7

Вышел я из своего сомнамбулического состояния от вопроса, заданного Лехой на повышенных тонах:

– Ник! Ты что, уснул!?

– А? Чего?

Я уставился на него, бессмысленно хлопая ресницами.

– Тебе это не интересно? – с легкой обидой спросил Леха.

– Извини... задумался.

– О чем, если не секрет?

– Да так...

– Понял, – сказал Леха, и без всякого перехода доложил:

– У Князя были «гости»,

– И как обычно у них вышел облом...

– А вот и не угадал. На этот раз, похоже, работали спецы высочайшей «квалификации». Сигнализацию отключили, в квартиру вошли, что называется, без шума и пыли. Все сходится во мнении, что воры не местные. Ни следочка.

– Что с коллекцией Князя? – Я даже подпрыгивал на стуле от возбуждения.

У Князя было уникальное собрание монет, это все знали, а некоторые и видели, в том числе и я. Поскольку ему уже стукнуло ой-ей столько, то я (и все мои коллеги) давно ждали, что престарелый Князь вот-вот начнет распродажу своих сокровищ. Или хотя бы их части.

Ведь жить на что-то надо. К тому же Князю может понадобиться сиделка, а это отнюдь не дешевое удовольствие. (Надо сказать, что Князь вообще был уникальным человеком по части больнички – он хворал очень редко и практически никогда не пользовался услугами аптеки, потому что лечился собственноручно собранными травками). А там врачи, дорогие импортные лекарства, возможно, сложная операция, что тоже влетает в копеечку...

Короче говоря, такие дурные мысли были в головах у многих членов нашего клуба. Когда Князь входил в помещение, где мы обычно толковали о своих делах, все вдруг умолкали и пристально вглядывались в патриарха городских нумизматов – как он ходит, как говорит, как выглядит, не подтачивает ли его какая болезнь...

Но Дед держался стойко, как тот сказочный оловянный солдатик. Годы высушили его до состояния ходячей мумии, однако скрипа в костях никто не слышал. Так что надежды нумизматов прильнуть в скором времени к благодатному источнику пока оставались призрачными.

А теперь, кажется, и вовсе превратилась в пыль... Какая же сволочь это спроворила!?

– Коллекция цела! – торжественно объявил Леха.

– Да ну! Не ври.

– Зуб даю. В квартире все перевернуто, но не пропала ни одна монета. Правда, деньги воры забрали. Князь заявил ментам, что у него тиснули пять «штук» зеленыю. Но для де-

да это семечки.

– Странно... У него ведь и золотые монеты есть. Притом много.

– Хе-хе... Дед хитер. Все самое ценное он держит в сейфе. И как раз сейф воры вскрыть не сумели. Повезло Князю...

– То, что коллекцию решили не брать, в какой-то мере понятно. Это ведь серьезная улика, прямой след к ворам. У деда разных монет пудов пять, если не больше. С таким грузом сильно не побегаешь. Мало того, почти все его монеты описаны в каталогах – Князь много раз выставлялся. Так что продать их было бы очень сложно. Похоже, воры нацеливались только на золотишко. Но что касается сейфа... Непонятно. Открыть сложные замки смогли, сигнализацию убрали – а с сейфом у них вышел облом.

– Может, сейф у Князя какой-то особенный...

– Особенный. По-моему, немецкий. Я как-то видел. Ну и что? Для спецов это не такая уж сложная задача. На худой конец вскрыли бы при помощи портативной газорезки.

– Думаю, у них времени было в обрез. Воры бомбанули квартиру Князя среди бела дня, когда он делал свой ежедневный променад по парку. Дед редко выходит из квартиры, вот они и нашли окно в его дневном расписании.

– Но ведь воры могли после прогулки организовать Деду «встречу» в квартире, – Князь старый, за себя постоять не сможет – и спокойно отнять у него ключи, которые он всегда носит во внутреннем кармане пиджака. Между прочим, на

цепочке, чтобы не потерять.

– Ник, ты отстал от жизни... – Леха снисходительно улыбнулся.

– Это почему?

– У Князя есть охрана. Два лба ростом метр девяносто с гаком. Бывшие спецназовцы. Любого завалят.

– Они что, постоянно при нем? – спросил я удивленно.

– Нет. Только если дед выходит в город.

– И когда он их нанял?

– Примерно полгода назад.

– Значит, почувствовал что-то неладное.

– Эт точно. У Князя нюх на такие дела. Недаром он столько лет занимается коллекционированием, и ни одного ЧП. Ну, если не считать разных мелочей жизни...

Я с пониманием улыбнулся. Одну такую «мелочь» мне довелось увидеть собственными глазами. Как-то вечером, восемь лет назад, после встречи в нашем клубе, на Деда напали грабители; похоже, им кто-то шепнул, что нумизматы – люди денежные.

Обычно мы выходили из здания все вместе, но на этот раз Дед куда-то спешил и ушел первым. Через небольшой промежуток времени мы услышали на улице шум, а затем кто-то заорал; нам показалось, что от боли. «Князя быют!» Эта мысль возникла у всех нас одновременно и мы, не сговариваясь, бросились ему на выручку.

Картина, которую мы увидели, ошеломила нас. На Деда

напали трое. Двое из них уже убежали, причем один буквально тащил другого, потому что тот сильно хромал, а третий лежал у ног Князя и скулил, как побитый пес, зажимая рукой колотую рану в предплечье.

Что касается самого Деда, то он в этот момент деловито вытирал об одежду поверженного длинный клинок, похожий на шпагу, чтобы потом засунуть его в ножны. Ими оказалась трость, с которой Князь никогда не расставался.

С той поры я зауважал Деда еще больше. Мне импонировали его потрясающее хладнокровие и бесстрашие. Так уж нас сконструировал Творец всего сущего, что мы всегда любим в других то, чего сами не имеем. И завидуем.

Нет, я не был трусом, но на его месте дал бы стрекача. Или начал бы орать благим матом – звать на помощь.

Кто-то когда-то сказал, что лучше быть живым трусом, чем мертвым храбрецом. Наверное, он был прав. У человека в этом мире всего две главные ценности – молодость и жизнь.

С молодостью понятно – сколько не делай косметических операций, сколько не прыгай через скакалку поутру и не мучай себя всякими диетами и занятиями в тренажерном зале, а все равно неутомимый бег времени не остановишь. С этим основная масса человечества, в общем-то, смирилась. За исключением некоторых энтузиастов, уродующих себя до неузнаваемости.

А вот что касается самой жизни, тут совсем другой компот. Практически любой человек цепляется за жизнь до по-

следнего. Ну разве что эта самая жизнь надоела ему, дальше некуда. И такое бывает. Но очень редко.

Не будь у человеческого рода неистовой тяги к самосохранению и выживанию любой ценой, на Земле уже правили бы крысы или какие-нибудь мутанты.

Короче говоря, моим жизненным кредо была древняя мудрость – не ищи на свою задницу приключений, они сами тебя найдут. Я открыл для себя это прекрасное правило очень рано, поэтому дворовые пацаны меня недолюбливали.

А все потому, что я никогда не принимал участия в их дурацких забавах на грани фола, никогда не ходил драться толпой, – улица на улицу, район на район – но в то же самое время мог отметелить любого из местных «kozyрей». Если, конечно, меня доставали.

Хорошим бойцом меня сделала бабуля. От нечего делать, – она никогда и нигде не работала, так как зарплаты деда всем хватало с лихвой – бабуля начала таскать своего любимого и единственного внука в спортзал. Притом едва не с ползункового возраста.

А так как дама она была вполне современная, начитанная, то определила меня не в секцию модной тогда гимнастики и не в кружок бального танца, а на каратэ. Это был относительно новый вид спорта, одно время даже подпольный, поэтому попасть в группу к хорошему тренеру-сэнсэю* мало кто мог.

Мне повезло, что у меня была такая пробивная бабуля и

такой знаменитый дед. Меня взяли в обучение по благу. А вернее, по телефонному звонку от какого-то большого партайгеноссе, которому в свою очередь звякнул дед.

Занимался я старательно и много. Увы, по-другому было нельзя. Перед напором бабули даже моя врожденная лень спасовала – она исполняла роль надзирателя-эксекютора с похвальным прилежанием. К четырнадцати годам я достиг, по словам тренера, больших вершин в каратэ (на удивление), он сильно на меня надеялся, но тут умерла бабуля.

На этом моя спортивная карьера и закончилась. Я не мог заставить себя почти каждый день считать синяки и шишки на своем теле и при этом делать вид, что все это мне очень нравится и что я готов землю грызть, лишь бы получить очередной дан* или грамоту.

А родители и дед были слишком заняты работой, чтобы следить за моими успехами в спорте.

Из этого подневольного увлечения я вынес немалую выносливость, хорошую реакцию и гибкость. Однако, что касается собственно мужских качеств – напористости, жесткости, готовности не задумываясь вступить в бой – то они во мне как-то не очень прижились. Я не был ни тюфяком, ни трусом, но всегда старался избегать конфронтации с кем бы то ни было.

Короче говоря, я был стандартным обывателем, мещанином, которого не увлекали никакие передовые революционные идеи. Я даже от армии сумел ускользнуть, посчитав, что

с моей сибаритской привычкой к комфорту там делать нечего.

*Сэнсэй – учитель, мастер (яп.)

*Дан – степень мастерства (яп.)

– И все-таки, у тебя какие-то проблемы... – Леха испытующе заглянул мне в глаза.

Он уже чувствовал себя вполне прилично – расправил плечи, повеселел, а в голове начали без сбоев крутиться шестеренки, смазанные спиртным. Когда Леха был в форме, мозги у него работали – будь здоров. Как это не удивительно. Это про таких индивидуумов говорят: если он такой умный, то почему такой бедный.

Но так уж устроена эта жизнь, что есть люди, к которым деньги сами бегут, – чаще всего, шальные, а от других – шарахаются. И как не крутись, а разбогатеть не удастся. Наверное, виновата карма*.

В таких случаях нужно уповать лишь на то, что в другой жизни ты будешь славен и богат. А на этом отрезке твоего вечного существования тебе уготованы бедность и страдания, поэтому смирись и влачи свой крест безропотно. Чем меньше ты будешь мутить воду и приносить неприятности другим, тем спокойней будешь жить. А может, и богаче.

*Карма – деяние (санскр.); закон всеобщей причинно-следственной связи в индуизме и буддизме; в узком смысле – влияние поступков на характер настоящего и последующего существований.

Леха был как живчик. С ним всегда что-нибудь приключалось. То в милицию по пьяни попадет, то деньги потеряет, то его надуют при продаже или покупке монет. А еще он был вечным скитальцем по судам. На моей памяти он раз пять судился со своими пассиями на предмет выплаты алиментов.

Что касается жены, то она у него была. Притом законная – Леха так и не удосужился развестись. Но ни он, ни его бывшая суженая по этому поводу шибко не беспокоились.

Уж не знаю, как так получилось, что любвеобильный Леха выбрал себе в супруги женщину нестандартной сексуальной ориентации. Два или три года он не ведал, что пригрел змею на груди, а когда тайна открылась – естественно, совершенно случайно, Леха, восплавав мстью, переспал со всеми закадычными подругами жены.

Узнав об этом, она тут же собрала свои вещи и съехала с квартиры; но со временем обижаться на Леху перестала и иногда даже захаживала к нему в гости. На меня она производила неизгладимое впечатление. От нее волнами распространялась дикая первобытная сексуальность, и я всегда старался побыстрее откланяться – как бы чего не вышло.

Поди, разберись в этих нестандартных женщинах...

– Я же сказал, что ищу Бет, – буркнул я хмуро.

Леха нечаянно разбередил царапину в моей душе, и она снова начала зудеть.

– А, теперь вспомнил, – закивал головой Леха. – Такая черненькая, смуглая, как цыганка.

– Точно...

– Она что, из дому сбежала?

– Вопрос на засыпку, – ответил я с невольным вздохом.

И рассказал Лехе о всех своих перипетиях. На меня вдруг напал понос слов. Наверное, от большого нервного напряжения. А может, потому, что я уже был на хорошем подпитии. Водка, которую мы с Лехой пили, пролилась на старые дрожжи, и я совсем раскрепостился.

– А в котором часу грохнули твоего соседа? – спросил Леха.

Он весь подобрался, как перед прыжком, а его кошачьи желто-зеленые глаза загорелись словно подфарники микролитражки. Мне его состояние было понятно. Леху хлебом не корми, но дай покопаться в какой-нибудь запутанной истории. Он мнил себя детективом-любителем.

Наверное, сказалась его тяга к чтению разной детективной макулатуры. Он буквально проглатывал все, что появлялось по этой части на прилавках книжных магазинов. А там в последнее время воцарился настоящий матриархат. Бабы и в этом вопросе объехали мужиков.

Прочитав женский детектив, Леха плевался, матерился и клялся, что больше никогда не возьмет в руки это дешевое, бездарное чтиво. Но едва на литературном горизонте появлялась очередная пишущая дама, раскрученная каким-нибудь издательством до статуса национального гения, как он тут же бежал в магазин и скупал все ее опусы.

– Где-то около часа ночи.

– А твоя подружка ушла?...

– В полвторого.

– Точно?

– Как в аптеке. Я посмотрел на часы.

– Ее похитили, – с торжествующим видом объявил Леха.

– Ага, как кавказскую пленницу, – сказал я с сарказмом. –

Кино помнишь?

– Ник, я уверен – твою Бет умыкнули! – загорячился Леха.

– Если похитители рассчитывают на то, что я буду ее выкупать, то они здорово заблуждаются. Я жадный и практичный сукин сын. – Я криво ухмыльнулся. – Но твоё рассуждения – это бред сивой кобылы. Зачем ее похищать?

– Ну, брат, ты здорово отстал от жизни... – Леха напыжился. – Прессу надо читать. Хотя бы в Интернете.

– У меня и так в голове опилки, а ты хочешь, чтобы я туда еще и дерьмеца подлил. Так что там говорит твоя любимая пресса?

– Каждый день исчезают десятки – нет, сотни! – людей. И не только в нашей стране – по всему миру. Бесследно. Есть мнение, что их разбирают на «запчасти».

– Хочешь сказать, что Бет похитили, чтобы использовать ее органы для пересадки?

– Нет! Тут дело в другом.

– Извини, тогда я пас. Я не въезжаю в твои рассуждения.

– Бет похитил тот, кто убил твоего соседа-банкира!

Я тупо уставился на Леху. Что он несет!? Все, баста, хватит пить. Иначе я тоже начну фантазировать. Зачем мне эти мудрствования? Я чистый прагматик.

– Леха, кончай рассказывать сказки. Все твои выводы не более чем домыслы. Зачем ему похищать кого-то? Он должен побыстрее смыться с места преступления, чтобы его не засекли. Бет могла поднять шум. Она девка бойкая, ничего не боится. Это мне известно.

– А я говорю – убийца забрал ее с собой! – горячился Леха. – Бет видела, как он выходил из квартиры банкира, и могла его опознать!

– Ты не знаешь, что было в квартире... – Я невольно вздрогнул. – Этот зверь просто грохнул бы ее на лестнице – и все дела. А труп затащил бы в прихожую квартиры банкира. У нас и днем-то редко кто ходит по лестнице, а уж ночью...

– Скажи, Ник, а еще какая-нибудь машина, кроме такси, отъезжала от дома в это время?

Я озадаченно уставился на Леху. О «майбахе», упомянутом в телефонном разговоре водителем таксомотора, я своему другу не сказал; это обстоятельство как-то вылетело у меня из головы.

– Да, – ответил я, немного помедлив. – Машина была. Таксист ее видел.

– Ну вот! – победоносно воскликнул Леха. – В этой машине твою подружку и увезли.

– Зачем!?

Леха смутился и, опустив глаза, ответил:

– Ну, не знаю... Но увезли точно!

– Тебе бы романы детективные ваять. Ты бы там такого понапридумывал... Например, убийца-маньяк прихватил Бет с собой, чтобы расслабиться после хорошо выполненной «работы». Не проще ли ему было поехать на наш городской Бродвей – а он от моего дома совсем недалеко – и взять проститутку? Их там пруд пруди, в любое время дня и ночи окочачиваются.

– Ник, у меня чутье.

– Ладно, будет об этом, – сказал я, увидев, что в кухню начали входить давешние сонные красотки. – Потом как-нибудь... А теперь разреши откланяться.

– Ты куда!? – всполошился Леха.

– Дела... – ответил я неопределенно.

Я почувствовал себя не в своей тарелке. Девушки разглядывали меня как бабочку под микроскопом – с большим интересом и с желанием препарировать. Чего мне страсть как не хотелось – воспоминания о Бет были чересчур свежи.

Сделав им ручкой и сказав «Привет, пока!», я направился к выходу. Естественно, меня провожал Леха.

– Ник, за харчи и пойло я заплачу, – сказал он на прощанье, пряча глаза. – Потом... Мне должны отдать долг...

– Обижаешь, Леха. Это гостинец.

– Спасибо, брат! – проникновенно поблагодарил Леха, и на этом мы расстались.

Я вышел на улицу. Вдалеке громыхал гром. Похоже, приближалась гроза. Воздух был неподвижен и сильно наэлектризован. А может, мне это показалось. Но искры, которые высекала трамвайная дуга из контактного провода, были гораздо длиннее и гуще, чем обычно.

Несмотря на то, что я был подшофе, и казалось бы, должен радоваться жизни, на душе у меня кошки скребли.

Глава 8

Вообще-то я тоже люблю детективы. Но, в отличие от Ле-хи, не бросаюсь на забойные обложки и раскрученные имена. Для меня главное, чтобы в книге присутствовала Литература. Пусть и в несколько обедненном варианте – что поделаешь, детектив или триллер не шедевр стилистики – но все же.

Наверное, моя избирательность по части чтения произошла от бабули. Как она доставала меня классикой! Бабуля буквально торчала над душой, пока я дочитывал очередной роман какого-нибудь гения до корочки. А потом еще и вопросы разные задавала. «Почему Раскольников убил старуху, да еще и топором».

А фиг его знает! Бзик у него такой появился.

Живи Достоевский в наше время, он таких бы романов наштамповал о потомках Раскольникова – только держись. Каждую неделю по «ящику» показывают, как молодые отморозки убивают старух и стариков. Это у них теперь вроде спорта. Ведь брать у наших пенсионеров нечего, все, что можно, забрало родное государство – здоровье, силу и накопления.

Но вернемся к детективной литературе. Конечно же, из книг я знал многое: как работает милиция, прокуратура и суды, какими «стволами» предпочитают пользоваться кил-

леры и как они уходят от погони, как заматают следы, и что такое, в конечном итоге, наружное наблюдение.

Однако я даже не предполагал, как это хреново, когда по твоему следу идет ищейка, и возможно, не одна.

Слежку за собой я поначалу не заметил – я почувствовал ее. Мне вдруг стало очень неуютно: поднялся ветер, который больно бросал в лицо песок (откуда он взялась в центре города, где нет никакого строительства?), на тротуаре появились выбоины, в туфель попал камушек, а одежда стала почему-то тесной и начала жать подмышками.

В общем, полный дискомфорт. Не понимая, в чем дело, я начал нервничать и ругаться. Интеллигентно ругаться, без площадной брани. Все-таки, кругом люди.

А я хоть и не интеллигент в седьмом колене, и уж тем более не принадлежу к дворянскому сословию (чем сейчас кичится разное чмо, чаще всего безосновательно), но все равно благовоспитанный молодой человек. По крайней мере, мне хотелось бы так думать.

В конечном итоге я совсем озверел от каких-то моральных непоняток, и решительно зашел в «стекляшку». Так заведатаи называли бар «Арктику».

Когда-то – то есть, при советской власти – здесь было кафе-мороженое. Я часто сюда заходил вместе с бабулей. А когда стал старше, то посещал «Арктику» уже с девушками.

Это было очень уютное и во всех отношениях приятное заведение. В нем подавали не только мороженое, но и шам-

панское – естественно, взрослым. Курить в «Арктике» запрещалось, так как клиентами кафе были в основном дети и подростки.

Сейчас все переменялось. Дети сюда не ходят, хотя мороженое по-прежнему имеется в наличии, в баре не только шампанское, но и почти все известные спиртные напитки, а что касается курения, то теперь в «Арктике» сигаретный дым стоит столбом.

Изменился и интерьер. Он был выполнен в лучших зарубежных традициях и поражал дорогой отделкой, а также обилием всяких никелированных штучек и разнообразных приспособлений, из которых мне была знакома только кофеварка.

Одно осталось неизменным – «Арктика» как была, так и осталась «стекляшкой». Только теперь обычные стекла заменила на тонированные, и с улицы, как раньше, нельзя было рассмотреть, что творится внутри.

Я решил выпить чашку кофе. Чтобы взбодриться и разобраться в своих ощущениях. За столик я не стал садиться, а пристроился у стойки бара.

– Вам покрепче? – вежливо спросил юный бармен.

– Подшевле, – ответил я.

Бармен понимающе ухмыльнулся. Он понял, что перед ним свой человек, завсегдатай.

«Покрепче» обозначало то же, что и «подшевле», но было гораздо дороже – раза в два-три. В зависимости от аппети-

тов бармена. Крепость и аромат кофе от суммы не зависели. Но об этом знали только посвященные – те, кто забегал сюда почти каждый день. Всех остальных обдирали безбожно.

Бармен постарался – кофе был потрясающим, даже лучше, чем я ожидал. Я молча показал пацану большой палец, и он расплылся в радостной улыбке. Я тоже остался доволен – почему не сделать приятный, хотя и безмолвный, комплимент хорошему человеку?

В погоне за ускользающим капиталистическим «завтра» мы начали забывать, что улыбка и доброе слово часто дороже денег.

Я отхлебнул пару глотков, посмотрел на застекленную стену... И невольно вздрогнул. Там стоял человек, глаза которого буквально сверлили прочное каленое стекло. Ну просто тебе два алмазных бурава.

Похоже, он колебался – зайти в бар, не зайти? Но мне его колебания не волновали. Меня смутило другое: этого хмыря я встретил, когда выходил из подъезда дома, где жил Леха. Увидев меня, он быстро отвернулся и сделал вид, что рассматривает какую-то афишу. Тогда я не придавал этому значения, но сейчас...

Будто прочитав его мысли, я сразу понял, что этот невзрачный, низкорослый мужичок – метр с кепкой на коньках – топает следом за мной. Конечно, это могло быть простым совпадением, что и его нелегкая принесла к «Арктике», однако в глубине души уже крепло убеждение – нет,

здесь он появился неспроста.

Тем временем мужчина, так ничего и не высмотрев, ретировался – пошел дальше. Наверное. По крайней мере, пока я пил свой кофе, мне на глаза он больше не попадался. А я следил за улицей, как снайпер за передвижениями своей цели.

Расплатившись, я вышел из бара и с деланной беззаботностью закурил. Гроза обошла город стороной, снова засияло солнышко, и настроение у меня поднялось. Увы, не надолго.

Мужчина невзрачной (я бы даже сказал – неприметной) наружности стоял у лотка уличного торговца аудиокассетами с пиратскими записями как нашей, так и зарубежной музыки. Кассеты постепенно становятся анахронизмом, поэтому навар от такой торговли мизерный, а значит, ни ментам, ни браткам-рэкетирам нет дела до мальчишек, пытающихся таким способом заработать себе на жизнь. А если их и «доют», то по-божески.

Не обрати я внимание на мужчину внимания, когда он заглядывал в «Арктику», обошел бы его как небольшой камешек на дороге, даже не запомнив, где он лежит и какой с виду. Но теперь я все видел в ином свете.

Как я и предполагал, этот серый неприметный мыш пошел вслед за мной. Надо отдать ему должное – делал он это весьма профессионально.

Я не мог все время оглядываться, иначе он сменил бы тактику слежки. Мне хотелось, чтобы топтун пребывал в пол-

ной уверенности в своей незаметности. В таком случае у меня больше шансов для маневра.

Но какого беса он ко мне прилепился? И кто его поставил на мой след? Неужто майор Ляхов решил, что я и впрямь маньяк и он хочет застигнуть меня на месте преступления? Бред...

Во-первых, я ну никак не тяну на головореза, способного расчленить человека. А во-вторых, не думаю, что у милиции так много сотрудников службы наружного наблюдения, что они могут бегать, высунув язык, за каждым подозреваемым в свершении преступления.

Нет, здесь что-то не то...

Может, подойти к этому хмыренку и спросить прямо «Что тебе, козел, надо?» И если он начнет кочевряжиться, набить ему морду. Думаю, что сил и сноровки у меня на этот аморальный поступок хватит, хоть я и не дрался уже лет пятнадцать.

Если бы все было так просто...

А что если этот «хвост» обрубить? Про такие трюки мне тоже было известно из книг. Город я знал отлично, поэтому освободиться от слежки мог запросто. Но зачем? Я ведь ничего противозаконного не совершил и впредь не собираюсь совершать. Пусть ходит за мной, ежели ему делать нечего.

И все же, все же... Легко сказать – пусть ходит. Вдруг это помощник какого-нибудь киллера. Узнает мои маршруты и привычки, а затем даст наводку наемному убийце, где спод-

ручной всего сделать на меня засаду. И оборвется моя молодая жизнь на самом излете.

Но почему!?! Кому я перешел дорогу? Где и когда?

Нет ответа, нет ответа... Как в заезженной пластинке — она кружится, а иголка стоит на месте, выдавая всего одну музыкальную фразу.

И все равно, надо было что-то делать. С таким «прицепом», как этот мыш, ходить по городу мне совсем не в жилу. У меня даже давление поднялось, чего не случилось никогда, и поднялась температура. Я был не то, чтобы сильно напуган, но поджилки у меня все же тряслись.

Решение пришло само по себе. Оно материализовалось из воздуха, и я увидел его внутренним зрением.

«Чебурашка»! Да, там у меня может появиться шанс уйти из-под надзора.

Это был пивной бар, начало истории которого теряется в советской эпохе. Завсегдатаи бара называли его «Чебурашкой» из-за того, что на другой стороне улицы, как раз напротив питейного заведения, находился магазин игрушек.

Кто их так расположил, у какого архитектора и градоначальника хватило ума подмахнуть проект, чтобы пьяные ханыги пугали мамочек с детишками, которые заходили в магазин игрушек, про то история умалчивает. Да и кому это теперь надо?

Нынче питейные заведения, кабаре и казино вообще едва не в школах размещают. Так сказать, приобщают подрастаю-

щее поколение к буржуазным ценностям с детства. И никому до этого нет никакого дела. А иначе и быть не может, потому что владельцем казино или ресторана является мэр города, дети которого учатся в Англии или Швейцарии.

Маразм...

Пивбар нарисовался во всей своей красе через десять минут после того, как мне пришла в голову здравая мысль насчет избавления от «хвоста». Я не стал добираться к нему пешком, а приехал на троллейбусе, тем самым устроив топтуну еще одну проверку.

Он не подвел меня и запрыгнул в троллейбус едва не на ходу, в последний момент. По идее, сие значило, что хмыреночек следит за мной один и без «колес» – то есть, у него нет напарника с машиной. Это обстоятельство меня воодушевляло.

Вывески, как таковой, «Чебурашка» не имел. О функциональной принадлежности заведения напоминала лишь небольшая металлическая табличка желтого цвета на стене возле двери с надписью черными буквами «Пивной бар». А ниже было процарапано гвоздем «Чебурашка». Наверное, это сделал постоянный клиент бара – чтобы не заблудиться.

И он был прав: в «Чебурашку» чаще всего приходили на хорошем подпитии – «полирнуться». Это когда все спиртное выпито, и нужно чуть-чуть разбавить слабоалкогольным пивом взрывоопасную гремучую смесь, которая образовалась в желудке после принятия внутрь водки, вина и самогона.

Удивительно, но «Чебурашку» совсем не коснулись перемены, последовавшие за перестройкой. Все те же тусклые от махорочного дыма окна, которые, мне кажется, мылись первый и последний раз перед сдачей объекта в эксплуатацию, те же столы и стойки (правда, немного обновленные), и тот же бармен, Гриша Гурвиц.

Вообще-то, по возрасту для меня (и не только) он уже давно дядя Гриша, а то и дед, но все называли его по имени – и стар, и млад. Так уж повелось.

Гриша не обижался на фамильярное отношение к своей персоне. Он лишь зубоскалил и говорил, что чувствует себя из-за этого таким же молодым, как в первый день своей карьеры вечного бармена.

Правда, бар теперь был не государственным заведением, а принадлежал лично Грише. Он выкупил его, когда началась распродажа объектов торговли. Из-за чего сильно рассорился с теми, кто вместе с ним работал. Но потом конфликт как-то был улажен, и Гриша снова встал за стойку, приветливо раскланиваясь со своими постоянными клиентами.

Осталось неизменным и пиво. У Гриши оно всегда было отменного качества. Все знали, что он никогда не опустится до того, чтобы разбавлять его водой, как в советские времена делали многие бармены.

Гриша всего лишь немного недоливал. Когда ему об этом говорили, он с милой улыбкой отвечал «Ой, о чем речь? Все хотят жить, так и я тоже». За обескураживающе честный от-

вет ему прощали недолив и больше эту тему не поднимали. Может, потому, что почти каждый советский человек тащил домой из производства все, что под руку попадало.

– Здравствуй, Гриша! – сказал я, подходя к стойке.

Людей в баре хватало, но очереди не наблюдалось. Это был еще один козырь Гриши. Даже во времена большого пивного дефицита, в особенности летом, когда к каждой бочке стояли длиннющие потные очереди, в «Чебурашке» всегда царили прохлада и морской порядок.

Как Гриша умудрялся всех своих клиентов обслужить за считанные секунды, уму непостижимо.

– А, Никитушка! – заулыбался Гриша. – Здравствуй, здравствуй, дорогой. Как мама и папа поживают?

– Не так, чтобы очень. Но в принципе для их лет нормально.

– О, как по нынешним временам, это уже хорошо. Рад за них. Тебе одну, две?...

– Одну. И чего-нибудь соленького.

– У меня есть потрясающая вобла. Свежая.

– Для воблы одной кружки будет мало. А я тороплюсь. Так что дай лучше мне пакетик соленых орешков.

– Сей момент...

Лично с моими стариками Гриша не был знаком. Но он знал подноготную почти всех завсегдатаев бара. Поэтому общение с Гришей всегда было приятным; иногда – в особенности под хорошей «мухой» – казалось, что он вообще член

твоей семьи, от которого просто не может быть никаких секретов.

– Что пьют из земли обетованной? – поинтересовался я, пока Гриша тонкой неспешной струйкой наливал пиво в бокал.

Я знал, что вся семья старого бармена – две дочери и сын – уехала в Израиль лет пять назад; сам Гриша был вдовцом. Его тянули туда буквально за рога. Но Гриша не сдался: «Не могу я без бара. Я тут и умру, за стойкой. Я так хочу. И потом, как подумую, что больше никогда не увижу эти морды...» Слово «морды» он произносил с любовью.

Гриша был добрым человеком. Он и внешностью смахивал на улыбочивого колобка. А лицом был здорово похож на нашего премьер-министра, чем сильно гордился.

– Они теперь не пьют, они звонят, – недовольно откликнулся Гриша. – Ой, папеле, миленький, времени у нас лишнего нету, чтобы бумагу царапать. А у меня так было время пеленки им стирать.

– Электронный век, ничего не поделаешь. Скажи спасибо, что они с тобой хоть по телефону разговаривают. Все-таки живой голос. А то некоторые детки общаются со своими родителями только по электронной почте и не более одного раза в два месяца.

– Скучно живут они там, – с грустью сказал Гриша. – В разговорах бодрятся, но мое сердце не обманешь.

– Лишь бы не бедствовали.

– А здесь чего им не хватало!? – загорячился Гриша. – Квартиры хорошие, машины, дача... И мне так было кому поплакаться в жилетку. Теперь к ним не докричишься...

Я с сочувствием поддакнул и спросил:

– Гриша, тот черный ход функционирует?

– А что, надо? – испытующе посмотрел на меня старый бармен.

В «Чебурашке» один черный ход был официальным, у всех на виду, а второй считался полуподпольным, потому что о нем мало кто знал. Он вел сначала в подвал дома, на первом этаже которого и размещался пивбар, а затем выводил на поверхность со стороны двора в последний подъезд, возле которого буйно разрослись деревья и кустарники.

– Думаю, что понадобится.

– Понял. Сделаем. Ты только мигни.

– Мигать не придется. Сам поймешь, когда нужно будет открывать засов. Как начнутся события, так и...

– Какие события? – насторожился Гриша.

– Маленький шухер. Гриша, так надо, – предупредил я возражения бармена. – Если что-то разобьется, я оплачу.

– Это будет доброе дело? – Гриша посмотрел на меня испытующе и остро.

– Не сомневайся. Просто у меня возникли небольшие проблемы. Никакого криминала, даю слово. И чтобы потом без обид – я честно тебя предупредил.

– Хорошо. Верю. Держи свой бокал...

План действий я наметил, едва за мной закрылась входная дверь. И сразу же понял, что мне просто невероятно повезло.

В дальнем углу бара я увидел теплую компашку, которую возглавлял Васька Штык. Похоже, он с бригадой закончил очередную шабашку и теперь обмывал это дело. А где лучше всего и дешевле посидеть в хорошей мужской компании, как не в «Чебурашке»?

Вообще-то в «Чебурашке» было не принято распивать крепкие спиртные напитки, но иногда Гриша допускал послабления, в основном для постоянных клиентов, которых знал многие годы. Васька Штык был в их числе. Мне кажется, он начал пить пиво с пеленок.

– Привет честной компании! – сказал я с несколько наигранным весельем, подходя с кружкой пива к Васькиному столу.

Вернее, к двум столам, придвинутым друг к другу.

– Мама моя родная – Никита! – воскликнул обрадованный Васька. – Чтоб я так жил, глазам своим не верю! Интеллигент – и в «Чебурашке». Здорово, брат!

Он крепко стиснул мою руку своей рабоче-крестьянской клешней и с чувством начал трясти. Я ответил ему не менее сильным рукопожатием (дабы доказать, что и я силушкой не обижен) и сказал:

– Ну, не такой уж я интеллигент, как тебе кажется. А «Чебурашка» когда-то была нашим любимым заведением. Помнишь?

– Еще бы... Да ты садись, садись к нам. Митроха, дай человеку стул!

Мне придвинули стул и я сел между Васькой и крепеньким молодым пареньком; похоже, хлопец впервые попал на такую шумную и пьяную гулянку (может, это была его первая получка), потому что выглядел он немного испуганным и робким.

– Приобщаешь парня к рабочим ценностям? – спросил я Ваську не без иронии.

– А что, пусть учится. Как это в песне поется – мы дружно поработали и дружно отдохнем. Коллектив, Никита, великое дело.

– Кто спорит...

– Выпей с нами, – предложил Васька и, не дожидаясь моего согласия, сгреб со стола чью-то рюмку и налил ее до краев. – Чтоб тебе была удача... Гы-гы...

В такой компании отказ от угощения расценят как оскорбление, и я это хорошо знал. А потому не стал отнекиваться. Пожелав мужикам всех благ, я одним глотком осушил рюмку, и не спеша запил пивом.

– Наш человек, – одобрительно сказал работяга в годах, который сидел напротив меня. – А ты, Вась, говоришь, что интеллигент.

– Шутил я, Леонтьевич, шутил. Чего сидим, братва, как засватанные? Наливай!

Трудовой народ дружно выпил, и снова начался шумный

базар-вокзал, который прекратился при моем появлении. Пьяный разговор отличается от обычного тем, что все говорят одновременно, и никто никого не слушает. Эдакое самовыражение от души, ораторский тренинг.

Лишь один Васька был, так сказать, выше толпы. Он молча жевал, больше слушал, чем говорил, и снисходительно улыбался. Это понятно: Васька Штык – бугор. А бугру нельзя терять лицо ни при каких обстоятельствах.

Что касается количества выпитой им водки, то ее хватило бы на свадьбу какого-нибудь англичанина или француза. Но для Васьки и ведро не доза. В этом деле он был силен. Отсюда, кстати, и пошло его прозвище.

Был у нас в глубокой молодости один общий знакомый, Пал Иосич – Павел Иосифович по прозвищу Беленький, мужик в годах, большой почитатель «зеленого змия». А еще он любил выпить на халяву. Где бы мы ни собирались, чтобы отметить какое-нибудь событие (чаще всего на природе), Пал Иосич всегда нас находил.

Надо сказать, что он был великолепным рассказчиком. Его истории можно было слушать часами. Поэтому Беленького мы не прогоняли, как других попрошаек, и он пил вместе с нами, но гораздо больше. Пал Иосич как-то умудрялся опрокинуть себе внутрь вне очереди две порции спиртного, а мы только одну. Наверное, глаза отводил.

Вот он и дал Ваське прозвище. «Учитесь пить у Васьки, пацаны, – не раз с пиететом говаривал Пал Иосич. – Сколько

бы он ни принял на грудь, а стоит, как штык, не пошатнется». С той поры и пошло – Васька Штык.

Народ пил, балагурил, Васька слушал, а я смотрел. При этом старался, чтобы это было не очень заметно.

Как я и предполагал, мыш-топтун тоже зашел в пивбар, но уселся неподалеку от входа. Там же находилась и дверь туалета. Пиво, знаете ли, быстро просится наружу.

Поначалу, когда построили бар, туалет и умывальник сделали только для обслуживающего персонала – где-то в подсобном помещении. И вскоре весь микрорайон начал попахивать мочой. А куда было деваться бедным мужикам? Понятное дело – за угол или в подворотню.

Ну, а ежели народу много шастает по улице и дворам, то и в подъезде можно облегчиться. Что и делали особо стеснительные натуры.

Окрестные жители ругались, писали письма, куда надо, но толку от этого не было никакого. Пивбар давал такую выручку, что и большим магазинам не снилась. Кто же зарежет дойную корову-рекордсменку?

Все изменилось, когда у руля «Чебурашки» поставили Гришу. Буквально через неделю он нанял рабочих, которые быстро соорудили очень даже приличный по тем временам туалет, к которому Гриша приставил «смотрительницу» – немую тетку без имени. Мы звали ее «Эй!».

Туалет сверкал чистотой, импортным кафелем и благоухал, как розовый куст, мужики радовались до потери шта-

нов, пожелтевший от потоков мочи микрорайон осветлился и стал вполне приятным местом для прогулок и даже свиданий, а высокое начальство грозило отдать Гришу под суд, так как перепланировку помещения бара он сделал самовольно.

(В те времена собрать подписи всех инстанций и начальников было еще той тягомотиной. Впрочем, и теперь это не легче).

Уж не знаю, как Гриша сумел удержаться на своей должности. Наверное, «подмазал», кого нужно. И похоже, это влетело ему в немалую копеечку. Место ведь было козырное. На него многие зарились. (Как это ни прискорбно сознавать, но система взяток и круговой поруки возникла у нас еще в советские времена. Так что на демократию нечего пенять).

Мой преследователь буквально слился с мужиками, которыми полнился пивбар. До чего же неприметная сволочь! – подумал я с раздражением. Этот мышь мог замаскироваться даже в голой степи, посреди пыльной дороги – ляжет и притворится комком грязи. Пройдешь мимо и даже не глянешь на него.

Однако надо было что-то делать. Топтун не только раздражал меня, я уже возненавидел его и готов был убить. Что с моим воспитанием совсем неэтично и безнравственно. Интеллигент (да и то не каждый) может превратиться в свирепое первобытное животное лишь в экстремальной ситуации, когда на кону его жизнь. Но у меня пока до этого дело не дошло.

– Василий, есть просьба... – склонился я к уху Штыка.

– Валяй, – благодушно ответил Васька.

– Мне нужно незаметно смыться отсюда.

– Зачем?

– Надо, Вася, надо.

– Темнишь...

– Ни в коем случае. У меня нет от тебя никаких секретов, – польстил я Ваське. – Просто за мной увязался какой-то подозрительный тип. Надо оторваться от него.

– Что ему нужно?

– А хрен его знает. Может, это ревнивый муж. У меня есть замужние подружки, – соврал я, не моргнув глазом.

– Ну, ты уже в школе был еще тем кобелем... гы-гы-гы, – заржал Васька. – Я всегда тебе завидовал. На меня вот бабы нуль внимания.

– Каждому свое, Вася. Рожденный пить любить не может.

– Хех... И то правда. Так что, может, дать ему по рогам? Чтобы ноги укоротить.

– Нет, бить не надо. Ты придержи его... какой-нибудь скандальчик сотвори. Только осторожно, без лишних эксцессов. А я тем временем слиняю.

– Для тебя сделаю. Где он?

– Ты только не пялься на него. Второй столик возле входа. Шклявый хмырь в сером пиджаке. Уши оттопырены.

– Засек. Но ежели он попрут буром, я за себя не ручаюсь...

– Только мебель не круши. Я пообещал Грише, что запла-

чу, если что-то сломается. Но сам понимаешь, я же не олигарх какой-нибудь, денег у меня немного. Поэтому не введи меня в большой разор.

– Так ты и Гришу подписал. Ну, хитер бобер...

– Без его помощи мне отсюда не спрыгнуть.

– Эт точно.

– Держи... – Я сунул в карман куртки Штыка несколько купюр. – Чтобы я не был должен.

– Что там? – спросил Васька с недоумением.

– Филки. Выпьешь с бригадой за мое здоровье.

– Да ты... ты что!? Я ведь предлагаю помощь от чистого сердца.

– А я от чистого сердца даю тебе деньги. Это мой взнос в ваше застолье. Имею я право внести и свой пай?

– В общем, да, но...

– Никаких «но». Все, Вася, начинай «веселье». Мне пора. Я и так здесь засиделся. Спешу.

– Ты всегда спешишь, – буркнул Васька недовольно, но радость от моего «пая» скрыть ему не удалось.

Он буквально засветился от счастья, когда засунул руку в тот карман своей куртки, куда я положил деньги. У него что, глаза на пальцах? – подумал я удивленно. Похоже, Васька сразу определил, какая сумма ему привалила от моих щедрот.

– Митроха, пойдем! – позвал он с собой крепкого мужичка с лицом проказливого фавна.

Видимо, Митроха исполнял в бригаде роль заводилы. Есть такая «специальность» у драчунов.

Обычно заводила не впечатляет ни статью, ни габаритами. Он лишь востер на язык и быстр, словно хорек. Главная его задача – завести противника, вынудить его броситься, очертя голову, в драку. А потом в дело вступают другие, у кого кулаки пудовые и дури полно.

Как я и предполагал, с мышом сцепился Митроха. Он сначала якобы нечаянно зацепился ногой за стул, на котором сидел мой преследователь, а затем устроил с ним словесную перепалку.

Но мой топтун оказался Митрохе не по зубам. Он вежливо извинился и всем своим видом показал, что очень уважительно относится к собеседнику и желает ему только добра.

Наверное, в другое время и при иных обстоятельствах Митроха остался бы доволен и инцидент был бы исчерпан. Но у него был другой наказ. И Митроха начал «разогревать» клиента разными обидными слова.

Однако, тот продолжал крепиться – отвечал милыми улыбками и ужимками и не лез на рожон. Он быстро допил свое пиво и уже вознамерился уйти, но тут на сцену вышел Васька Штык. Со словами «Ты что моего друга обижаешь!» он схватил мыша за грудки и начал трясти его как дурень вербу, считая, что на ней растут груши.

Дальнейшее произошло настолько неожиданно, что я оторопел. И не только я, а все свидетели этой сцены. Невзрач-

ный мыш, эта серая тля, вдруг извернулся, провел очень знакомый мне прием, и Васька Штык, мелькнув в воздухе копытами, со всего размаха грохнулся на крепкий дубовый стол, за которым обычно помещалось восемь человек.

На удивление, стол выдержал, только жалобно застонал. А может, это подал голос ошеломленный таким жестким приземлением Васька. И тут все завертелось. Ну просто как в кино.

С криком «Наших бьют!» Митроха засветил худосочному, но крепкому, как оказалось, топтуну под глаз и тот улетел на другой ряд, роняя по пути стулья и клиентов пивбара. Бригада Васьки при виде поверженного бугра дружно взревела и бросилась ему на выручку.

Я не стал досматривать постановку, хотя и был ее режиссером. Быстро шмыгнув за стойку, я сказал:

– Гриша, пора!

– Вижу, – кротко вздохнул бармен, не отрывая глаз от кучи малой, образовавшейся у выхода. – Пойдем...

Он выпустил меня через черный ход, который тоже был продуктом инженерной мысли Гриши. Уж не знаю, для чего он его сделал. Можно было только предполагать.

– Никитушка, боюсь, могу здорово огорчить тебя...

– Это как?

– Разве может обрадовать счет за поломанную мебель?

Там такое творится...

– Какие мелочи, Гриша, – отмахнулся я с облегчением. –

Дела житейские. Будь спок, денежки я принесу завтра или послезавтра. Это уже мои проблемы. А за помощь – огромное спасибо. Я твой должник.

– Будь здоров, Никитушка. Береги себя...

Я вышел на другую улицу и взял такси. Сколько я не оглядывался, никто за мной не следовал.

Глава 9

Возле своего дома я расплатился с таксистом, вышел из машины и, облегченно сказав «Блин!», вытер пот со лба. Нет, на улице не парило, так как солнце то и дело закрывали плотные облака. Жар шел изнутри – от волнения.

Какая зараза бегают по моему следу!? Что нужно от меня этому невзрачному неприметному мышу!? Тут я вспомнил о драке в «Чебурашке» и невольно рассмеялся.

Судя по тому, как плотно Митроха приложился к физиономии топтуна, тот долго не сможет показываться на людях; огромный бланж под глазом ему гарантирован. Ладони у Митрохи были широкими, мозолистыми, пальцы короткими, а индивидуумы с такой конституцией, насколько я знал, обычно обладали очень большой силой. Что всегда заводило в заблуждение тех, кто мнил в себе богатырскую статью.

Немного поглазев по сторонам и на прохожих – минуты две-три, не больше – я набрал код на двери и вошел в свой подъезд. В холле как всегда было пустынно и тихо. Даже гул машин, который доносился с улицы, казался далеким эхом.

В который раз мысленно посетовав на проектировщиков и советских строителей, по каким-то причинам не удосужившихся поставить в нашем козырном доме лифт, я начал неторопливо подниматься по широким ступенькам к своей квартире.

Только теперь я почувствовал, как сильно устал. Мои бедные ноги едва тащили тело вперед-вверх, заплетаясь, как у пьяного вдрызг. Но самое интересное: несмотря на все мои сегодняшние возлияния, я был трезв, как стеклышко.

Что значит нервы...

Неожиданно я услышал, что по лестнице навстречу мне кто-то идет. Причем ступает он медленно, словно крадучись.

Киллер!!! Меня пришли убить! Так вот почему за мной весь день тянулся «хвост» в виде мыша-топтуна. Убийцы хотели гарантировано загнать меня под выстрел, чтобы я никуда не сошел с обычного маршрута.

Все верно – тот невзрачный мужичишко специально мне подставлялся, чтобы я начал паниковать. И чтобы я не бегал по городу, как вшивый по бане, сбивая с толку своих преследователей, а постарался найти себе убежище. А где самое надежное укрытие? Конечно же, в своей собственной квартире. Где меня уже давно ждут.

От этих мыслей я моментально похолодел, онемел и закаменел. Я не мог двинуть ни ногой, ни рукой. Со мной такое приключилось впервые. А как еще реагировать, если старуха с косою в нескольких шагах от тебя?

Шаги приближались. Меня вроде немного отпустило, но все равно бежать было поздно – предполагаемый убийца уже ступил на мою лестничную площадку, до которой мне оставалось всего пять или шесть ступеней.

С обреченным видом я поднял голову – и увидел нелепую

фигуру, как мне показалось, очень дряхлого старика в изрядно потрепанной клоунской одежде. У него были длинные седые волосы, прикрытые высоким остроконечным колпаком, темное морщинистое лицо с большим носом, нависающим как клюв диковинной птицы над полными губами африканского типа, и пронзительные черные глаза, прячущиеся под кустистыми бровями.

Его странный – я бы сказал, несовременный – внешний облик дополняли коричневый кафтан в заплатках, но с многочисленными, хорошо начищенными бронзовыми пуговицами, плотно облегающие худые ноги штаны фиолетового цвета наподобие гамаш, и туфли с длинными и острыми носами; чересчур длинными и острыми, как на мой взгляд.

Я моментально вспомнил нищего, который буквально преследовал меня совсем недавно. Но этот старик в колпаке, который словно сошел со страниц старинных манускриптов, в которых описывались всякий астрологические штучки, совсем не был похож на мерзкого попрошайку.

Этот был умен, очень умен, несмотря на свое жалкое рублище. Чего стоит один его пронзительный взгляд, достающий даже до желудка.

Что он тут делает? Кто этот «астролог»? Неужто новый жилец? Вполне возможно. Ведь попасть к нам в дом можно лишь тогда, когда знаешь код электрического замка, цифровое значение которого менялось каждый месяц.

Но как бы там ни было, а на душе у меня немного отлегло.

Все мои страхи оказались напрасными. Этот старик явно не тянул на киллера, хотя и держал в руках...

Интересно, что это? Какая-то окоренная ветка, напоминающая двузубые вилы... И она медленно вращается, будто прикреплена у моторчику. Но в руках старика нет никакого движка! Он держит ветку за длинный конец – и все. А она, тем не менее, совершает круговые движение.

Мистика...

– Кто вы такой и что вам здесь нужно? – спросил я резко.

А чего миндальничать? Если это новый сосед, то извинюсь за нахрапистость, а ежели какой-нибудь забулдыга, каким-то образом проникший в нашу «крепость», то выпровожу его вон.

Старик ничего не ответил. Он лишь обжег меня своим электрическим взглядом, что-то буркнул и, ускорая шаг, пошлепал средневековыми коцами к выходу. Я обалдело уставился ему вслед.

Ни хрена себе... Во народ пошел. Наглые все, спасу нет. Ну почему я так дурно воспитан!? То есть, интеллигентным обывателем? Иногда до того хочется какому-нибудь наглецу хлебальник начистить, ан, нет, воспитание не позволяет, хотя силушки вполне достаточно.

Другой на моем месте – например, Васька Штык – догнал бы этого старого пердуна и объясни бы ему, что и в его возрасте нужно быть вежливым и тактичным. И что не хрен шляться где ни попадя.

И вообще – как он сюда попал?

Господи, что за дурацкий вопрос... Мне сразу же вспомнился обворованный Князь. Уж у него-то с замками все было в порядке. Там такое наворочено, сам видел... И что? А ничего. Воры вошли в его квартиру, как в свою, – запросто. Нет таких замков, которые не мог бы открыть человек.

Стоп! Что если появление этого странного старика как-то связано со смертью Хамовича? Вполне возможно. Нужно позвонить майору Ляхову! Он просил, в случае чего, звякнуть и даже дал свою визитку.

Хм... А что я ему скажу? По нашей лестнице бродил туда-сюда какой-то странный старик, в одежде, траченной моллю... Ну и что? Может, он и впрямь приходил к кому-то в гости. Хотя...

К богатеям, живущим в нашем подъезде, голь перекатная на огонек не заходит. Я наблюдал за приездом гостей. Там такие огромные пакеты несли, что простому человеку можно месяц вместе с семьей кормиться. Да еще и городским бездомным кое-что перепадет. Мусорные баки возле нашего дома считаются среди бомжей Клондайком.

И потом эта самопроизвольно вращающаяся в руках ветка. Что-то очень знакомое... Где-то я видел нечто подобное... Может, в кино? Возможно.

Погодь, погодь... Да ведь это... Точно! Старик, которого я встретил на лестнице – лозоходец! Когда-то я что-то о них читал... или видел научно-популярный фильм, точно не мо-

гу сказать.

Да, похоже. Но лозоходцы, насколько мне помнится, ищут в основном воду – где можно рыть колодец или бурить артезианскую скважину... Он что, проверял утечки воды по поручению коммунальщиков? Но у нас в доме хороший слесарь-сантехник, нигде ничего не подтекает.

Бред сумасшедшего... Похоже, наш подъезд стал прибежищем странных явлений, чтобы не сказать больше. Убийство Хамовича (явно каким-то маньяком), исчезновение Лизаветы, а теперь еще этот «астролог»-лозоходец в средневековых лохмотьях... Что все это значит?

Я постарался как можно быстрее открыть замки на входной двери и шмыгнул в прихожую, как испуганная мышь в норку. Нет, честно, мне стало как-то не по себе. Даже холодок побежал между лопаток, словно кто-то нехорошо и пристально посмотрел мне вслед.

Первым делом сварив крепкий кофе, я включил компьютер и залез в Интернет. Мне не давал покоя мысль о лозоходцах. Надо почитать, что это за птицы такие и чем они еще занимаются, кроме поисков подземных источников.

Из Интернета я узнал, что лозоходцы называются даусерами, что истоки этой, с позволения сказать, профессии теряются во тьме веков, и что раньше они пользовались ветками орешника, а теперь медной рамкой, которая вращается в деревянной рукоятке.

Лозоходцы определяют геопатогенные зоны при строи-

тельстве зданий, ищут места, где можно рыть колодцы (это я знал), выступают в качестве первооткрывателей месторождений золота, серебра и железа, проявили себя в поисках кладов, а некоторые особо одаренные личности – лозоходцы-биолокаторы – разыскивают пропавших людей, живых и мертвых.

А еще я вычитал, что лозоходство – это антинаучное направление в биоэнергетике. И что все даусеры – шарлатаны.

Вот и думай тут, как хочешь...

Я выключил свой навороченный «Пентиум» и задумался. Вообще-то мозги у меня в порядке. Иногда мне удается такие комбинации проворачивать, что мои коллеги за головы хватаются. Я умею построить логически верную цепочку событий, а также их последствий и замкнуть ее, где нужно и когда нужно.

Наверное, это качество я получил по наследству от деда. Он здорово меня баловал, но иногда ставил перед собой по стойке «смирно», долго-долго вглядывался в мои глаза гипнотизирующим взглядом, а потом многозначительно говорил: «Все верно. Ты можешь, мой мальчик. Можешь! У тебе есть дар. Но стоит ли?...»

Я повиновался ему беспрекословно. Иногда складывалось такое впечатление, что я могу читать мысли деда. По крайней мере, те, что касались поощрений. Едва его машина останавливалась у подъезда, как я уже бежал ему навстречу, зная, что дед притаранил какое-нибудь лакомство – в детстве я

был большой сластеной.

На такие моменты бывали не часто. И не потому, что дед был жмотом. Просто он занимался такими проблемами, что нередко забывал даже пообедать, или зимой приезжал домой в одном костюме, оставив пальто и шапку на вешалке в своем кабинете.

Но что он имел ввиду, когда говорил про какой-то дар, я так и не понял. Возможно, дед хотел открыть мне эту тайну в какой-то определенный момент, да не успел.

Я долго не знал (и даже не догадывался), чем занимался дед на своей работе. Поначалу я Тим вопросом вообще не интересовался, считая, что академик только книжки умные пишет, да бумаги в кабинете перекладывает с места на место. А когда стал постарше и поумней, когда деда не стало, я задал этот вопрос своим родителям.

И получил в ответ приложенный палец к губам и многозначительный звук «Ц-с-с...» То есть, закрой свой юный ротик и во избежание разных неприятностей больше не спрашивай о таких вещах. В особенности в стенах дедовой квартиры.

Я уже привык к атмосфере некоторой исключительности и таинственности, которая, благодаря деду, окружала нашу семью, поэтому молча кивнул головой и умял свой интерес к этой теме.

Но спустя какое-то время после смерти деда я получил доступ к его библиотеке, которая хранилась под замком в

дубовом книжном шкафу, больше похожем на деревянный сейф, так как его дверки были без стекол. По правде говоря, я знал, что там находятся старинные книги.

Но солидные фолианты, теснившиеся на полках шкафа, не вызывали во мне никаких эмоций. В детстве и отрочестве я больше любил Дюма, Майн Рида, Ефремова, Алексея Толстого, Агату Кристи, Сабатини, Гоголя, Джека Лондона и так далее.

История меня не прельщала; мне думалось, что это какие-то скучные летописи, притом на старославянском и латыни, которую я тогда не знал. Да и зачем мертвые языки такому лентяю, как я?

Однако, то, что я наконец увидел вблизи и подержал в руках, поразило меня до глубины души. Это были какие-то колдовские манускрипты, совсем не похожие на те книги, что стояли на полках в квартире, где я жил вместе с отцом и матерью.

У нас тоже было много старинных изданий, толстенные тома которых своими позолоченными тисненными корешками придавали нашей библиотеке очень даже солидный и дорогой вид. Нужно сказать, что никто и никогда их не читал. По крайней мере, на моей памяти. Этот старый хлам предназначался гостям на показ.

Я и сейчас отчетливо помню, каким фанатичным огнем горели жадные глаза некоторых товарищей, когда им позволяли ознакомиться с нашими раритетами. Тогда у многих

была такая мания – собрать козырную библиотеку. А что за библиотека без старинных фолиантов?

Но самое интересное: эти самые «собиратели», по-моему, в своей жизни читали только две книжки – сберегательную и «Устав КПСС». Мне как-то довелось побывать на дому у одного такого клиента. Его библиотеке мог бы позавидовать даже секретарь обкома партии, которому все книжные новинки доставляли прямо на дом, едва они покидали типографию.

Меня снисходительно допустили к созерцанию этого богатства, вежливо намекнув, что руками ничего трогать нельзя, но я не удержался и, пользуясь временным отсутствием хозяев, открыл один из шкафов и взял наугад несколько книг. Все они были великолепного качества, отпечатаны на отменной бумаге, но их даже не открывали.

Но это так, отступление. Что касается дедовых фолиантов, то они здорово меня озадачили. Зачем советскому академику мистика? Это был вопрос, что называется, на засыпку.

Я пытался их читать, но это был, образно выражаясь, артель «Напрасный труд». На старославянском я еще мог кое-что прочитать, но что касается латыни и других языков, то здесь передо мною встал абсолютный тупик.

Ничего я не понимал и в различных изображениях и чертежах, которыми полнились пожелтевшие от времени страницы. В общем, эти книги были для меня сложней китайской азбуки.

Тогда я решительно наехал на своих предков. Все-таки, интересно знать, какие такие проблемы планетарного масштаба двигал мой орденоносный дед, который был вхож даже в Кремль. Я хорошо помнил, как за ним приезжали черные правительственные членовозы с охраной.

Батя поначалу сделал грозное лицо и сказал, что если я еще раз... что если еще когда-нибудь... Ну, в общем, начался обычный родительский базар-вокзал.

Но я был уже далеко не мальчик и немного разобрался в психологии своих стариков. Изобразив страшную обиду, я схватил шмотки – якобы с психу – и сказал, что больше в родном доме моей ноги не будет, если мне не доверяют самые близкие люди, и что теперь стану всем говорить, будто я с инкубатора.

Конечно же, как и следовало ожидать, первой сдалась ма-маня. Поймав меня на выходе, она гневно обрушилась на батю, обозвав его разными нехорошими – но вполне литературными – словами, самым сильным из которых было слово «инквизитор».

И предки раскололись. Правда, знали они немного, но все-таки. И еще одно – случись этот разговор до Горбачевской перестройки, старики даже пара из уст не выпустили бы; когда они рассказали о дедовых делах, я понял, почему. И сам прикусил свой глупый отвязанный язык – есть вещи, о которых опасно не только говорить, но и знать.

Оказывается, дед был учеником знаменитого профессора

Чижевского, создателя такого направления в науке как космическая биология. Кстати, Чижевскому тоже довелось попробовать сталинских лагерей.

Его посадили чуть позже деда, в 1942 году – отправили на Урал. Наверное, благодаря большим заслугам профессора перед родиной – на Урале все-таки теплее, чем на Колыме, где тянул срок мой дед, тогда еще не очень известный в научных кругах.

Так вот, кроме космической биологии, а также специальной лампы, которую называли «люстрой Чижевского» и которую теперь втюкивают борзые молодцы всем лохам, профессор занимался еще и парапсихологией вкупе с экстрасенсорикой.

А его ученик, мой любимый дедуля, оказался очень даже толковым последователем Чижевского, которого еще в 1939 году американцы называли русским Леонардо да Винчи.

Короче говоря, дед, кроме всего прочего, занимался разработкой разных астральных штучек. Уж не знаю, теоретически или в материале – этого дедуля не рассказал даже отцу. Он заведовал какой-то спецлабораторией в системе ГРУ или КГБ (это мои предки точно не знали) и занимался изучением так называемых слиперов – людей со сверхъестественными способностями.

В общем, сплошная тайна и магия. Умер дед тоже не очень естественным образом. Это рассказали отцу через несколько лет после того, как мой дедуля упокоился под глыбой черно-

го мрамора.

История была загадочной. (Впрочем, как и все, что окружало деда). В кабинете первого президента России нашли обтянутый брезентом и тщательно замаскированный металлический каркас размером метр двадцать на метр, в середине которого был прикреплен какой-то приборчик. Естественно, о находке мало кто знал. Да и сейчас этот факт замалчивают.

Для консультаций по этому поводу вызвали деда, потому что конструкция ну никак не напоминала подслушивающее устройство – на дворе ведь не сороковые годы, а век электроники и миниатюризации. И еще – было в этом каркасе нечто, возбуждившее определенные подозрения у начальника охраны президента.

Дед разобрался быстро. Начальник охраны оказался на высоте – прибор и впрямь оказался весьма необычным.

Это была аппаратура дистанционного управления психикой человека, а прибор в центре каркасной антенны оказался очень мощным и весьма современным радиоизлучателем. Кто-то с определенного расстояния подавал специальные команды, излучатель включался, и у президента через какое-то время начинала сильно болеть голова, из-за чего он больше двух часов не мог усидеть в своем рабочем кабинете.

Но и за это время президент совершал такие поступки и давал такие указания, что у многих здравомыслящих людей возникали сомнения в его авторстве всех этих деяний и рас-

поряжений, а также в его здравомыслии.

Вот такая нехорошая история.

Конечно, кто сварганил антенну с излучателем, и как она попала в кабинет президента, деду не сказали; этим делом занялись спецслужбы, а у них тайны хранятся под грифом «Совершенно секретно» и притом долгие годы. Но вот что касается резидента-экстрасенса, посылавшего какие-то мысленные приказы через радиоизлучатель, то здесь деду были и карты в руки.

Он будто бы вычислил его, послав ответный импульс. Уж не знаю, лично или через своих подопечных, обладающих необычайными способностями. И не только вычислил, но и, как предположил отец, сделал какое-то потрясающее открытие, касающееся телепатии.

А спустя неделю после всех этих таинственных событий дед внезапно скончался, хотя и обладал, в отличие от отца и меня, просто богатырским здоровьем. Как рассказал батя, когда деда нашли, то его лицо было искажено ужасом. Похоже, его кто-то сильно напугал. Или что-то, если учесть весьма специфическую деятельность академика.

Искаженной лицо не могли подправить даже опытные работники похоронной конторы, и пришлось деда хоронить в закрытом гробу.

Странная это была процессия... Дед, кроме астральных штук, занимался еще и прикладными вопросами, и столько наизобретал всякой-всячины, в особенности для воен-

ных, что под конец жизни засекреченная братия стала с почтением называть его корифеем.

Поэтому за катафалком шли не только сотрудники института, которым руководил дед, но также известные всему миру академики и доктора наук, кто-то из администрации президента, представители Думы и министры. Удивительно, как все эти большие начальники отважились оторвать свои расплющенные зады от мягких и удобных кресел и притащиться в нашу провинцию...

Но на меня произвели неизгладимое впечатление как раз подчиненные деда. Народ там был какой-то робкий, стеснительный, немногословный; держались они особняком, кучно, и все, как сговорившись, прятали глаза. С чего бы?

Несмотря на горе, которое я испытывал, наблюдательность меня не покинула. Так же, как и любознательность. Но только возле самой могилы я увидел, что скрывается за их робостью. (А понял гораздо позже, когда родители рассказали мне о занятиях деда).

Сначала, как обычно, с дедом попрощались родственники, а затем пришла очередь и всех остальных. Вот тут-то все и случилось. словно повинувшись приказу, народ вдруг отхлынул от гроба, и к нему, едва не строем, прошли сотрудники деда, до этого момента скромно державшиеся позади. И никто, кроме меня, столь странного факта не заметил.

А когда они уходили, то почему-то вдруг как по команде все уставились на меня. Вот тогда я и понял, по какой при-

чине сотрудики усопшего деда старались ни кого не смотреть – глаза у них были НЕ ТАКИЕ. Какие именно, я так и не понял. Но от них волнами исходила пугающе-непонятная сила, и мое сердце забилось часто-часто.

Но уже в следующий миг я успокоился, потому что внутренний голос мне сказал: не бойся, они хорошие, они тебя любят и принимают за своего.

Ко мне так никто из них и не подошел. И все же я откуда-то знал, что эти люди – мои хорошие друзья, что они сильно скорбят по деду, жалеют меня и желают добра всей нашей семье. Больше я никогда их не встречал.

Однако вернемся к странному старику-лозоходцу. Какого черта он ползал, как навозный жук, по лестнице нашего дома!? Что он искал?

А искал точно, это и к бабушке не ходи.

По логике, утечка воды ему нужна как папуасу пианино. Золотые и серебряные жилы тоже отпадают.

Перед началом сооружения дома местность исследовали геологи, которые дали строителям свое заключение. И я очень сомневаюсь, что они нашли здесь золотое дно, а потом по приказу сверху законсервировали его до лучших (или худших) времен, построив для большей сохранности месторождения драгметалла несколько домов.

Остается два наиболее приемлемых варианта: этот странный, чтобы не сказать больше, лозоходец искал сокровища, заложенные в стены какой-то из квартир, или... или пропав-

шую Елизавету. Ее мать запросто могла обратиться за помощью в поисках дочери к этому шарлатану. А как еще назовешь чучело в колпаке с лозинкой в руках? Я не очень верил в биолокацию.

Могут быть в нашем доме клады? А почему бы и нет. Дом старей, жильцы менялись тут как перчатки на руках привередливой мадам. Часть из них съехала в столицу, на повышение, а некоторые пошли по этапу в сорок седьмом – пятьдесят первом годах.

В доме жили ответственные партработники и прочие начальники, которые, как и современные чиновные «демократы», были не дураки хапнуть. Некоторые брали не по чину – помногу, особенно те, что работали в торговле. Вот их и подметали, отправляя на Колыму строить дороги и прииски.

А кое-кому, по старой привычке, лепили и ярлык «враг народа»; естественно, с конфискацией имущества и высылкой семьи к черту на кулички.

Так что бывшие жильцы вполне могли припрятать в тайниках от загребущих рук НКВД золотишко и камушки, нажитые непосильным трудом на ниве построения развитого социализма, притом социализма с человеческим лицом, как убеждали народ экзальтированные дамочки-коммунистки с хорошо подвешенными языками и лекторы-кликуши.

Нет! Все это чушь. Клады здесь ни при чем. Этот уродливый старик, скорее всего, искал Бет.

Но какво теща, а? Пардон – будущая теща. Явно считает

зятка виновным в исчезновении дочери, и уверена, что начинать ее искать нужно от двери моей квартиры.

Может, позвонить ей? Зачем? А сказать, чтобы не маялась дурью и не палила бабки зря.

Если Лизавета не объявилась до сих пор, значит, она и впрямь пропала. Возможно, похищена. В таком случае без милиции не обойтись. Надо идти и заявлять. А всякие там экстрасенсы – это для лохов, которым деньги девать некуда.

Не откладывая замысел в долгий ящик, я набрал номер Лизаветиной квартиры. Но на другом конце провода так трубку никто и не поднял, хотя я названивал минут пять.

В раздражении бросив трубку на рычаги, я некоторое время бесцельно слонялся из угла в угол. А затем неожиданно уснул. Прилег на диван додумать какую-то мысль – и отрубился.

Глава 10

Спал я без сновидений. А когда утром следующего дня открыл глаза, то первой моей мыслью было «Неплохо бы поужинать...» Мне показалось, что я дремал всего лишь несколько минут. Когда я засыпал, на улице еще было светло, а когда проснулся – уже рассвело.

С мыслью об ужине я поднялся, прошел на кухню, и начал ревизовать холодильник. Нашел в морозилке сардельки, бросил их в воду и поставил на плиту. А когда набирал воду в кастрюльку, то плеснул себе в лицо холодной водой из-под крана – чтобы немного освежиться.

Заварив чай, я сел за стол и согревая нутро горячей терпкой жидкостью, стал терпеливо дожидаться, пока вся моя готовка дойдет до нужной кондиции. Я всегда так делал – сначала пил чай, а потом завтракал, потому как где-то вычитал, что таким образом промывается желудок и это очень полезно для здоровья.

Все мы рабы привычек, думал я благодушно. И кстати, неплохо бы бросить курить...

Довести мысль до логического завершения я не успел – неожиданно резко и требовательно затрезвонил кнопочный телефон. Именно требовательно – я каким-то шестым или седьмым чувством научился понимать этот бездушный современный аппарат.

Когда звонили мои старики, телефон нежно блял, когда до меня дозванивалась Бет, он даже подпрыгивал от переизбытка энергии, а когда мне кто-то названивал по делам бизнесовым – с предложением продать или купить монеты – аппарат щелкал сухо и бездушно, как старый арифмометр.

Но этот звонок выбивался из той классификации, что я сам себе придумал. Он был нехорошим и нес какую-то угрозу.

Поднимать трубку, не поднимать? Я тупо смотрел на телефон, соображая, как поступить. А он не умолкал. Настырный, сволочь...

Тяжело вздохнув, я взял трубку и сказал:

– Алло!

Я точно знал, что это не Лизавета. Нутром чуял. И не ее мамаша. И не мои коллеги-нумизматы. Кто бы это мог быть?

– Здравствуйте. Узнаете? – Бодрый мужской голос с очень знакомыми интонациями.

– Здр... – ответил я и запнулся.

Ну зачем, зачем я подошел к телефону!?! Идиот! Это звонил майор Ляхов. Не было печали...

– Э-эй, не кладите трубку! – повысил голос опер, наверное, решив, что я не имею никакого желания с ним общаться (по правде говоря, так оно и было). – Пожалуйста, – добавил он вежливо.

– Я вас слушаю, – сказал я сухо.

– Никита Георгиевич, мне нужно с вами встретиться.

– Зачем?

– Нужно, – отрезал мент. – Потом узнаете.

– Понял. Шлите повестку.

Меня вдруг непонятно почему задел за живое его тон. Что он себе позволяет!?! Я, конечно, знаю, что «моя милиция меня бережет», и в принципе отношусь к ментам достаточно толерантно, однако мне совсем не хочется общаться с ними каждый день. У нас разное восприятие окружающего мира.

– Я привезу вам ее лично. Мы должны встретиться сегодня, сейчас.

– Извините, майор, но, по-моему, сегодня немного поздно... – Я бросил взгляд на настенные часы. – Десятый час...

– Вот именно – десятый час, утро. В самый раз выпить чашечку кофе. Угостите?

Черт побери! Утро! Так это что, я прокемарил ночь, а теперь ни хрена не помню? Провал памяти... Вроде бы лечиться еще рановато, годы не те, но симптом весьма тревожный.

– Приезжайте, – только и сказал я в ответ, и быстро положил трубку на рычаги, словно она была горячей.

Попробовав щетину на подбородке, я убедился, что опер меня не мистифицирует – поросль явно была суточной давности. Сокрушенно вздохнув, – опять надо бриться! как-никак, деловая встреча – я с обреченным видом поплелся в ванную.

Бритье всегда меня раздражало. Каждый божий день нуж-

но елозить по щекам и подбородку бритвой, которая почти всегда казалась мне тупой. Наверное, потому, что волосы у меня были как проволока.

Поэтому бритье с утра пораньше всегда портило настроение. Безопасная бритва не срезала, а вырывала щетину ключьями, и я чувствовал себя словно под пытками в застенке инквизиции.

В такие минуты я сильно жалел женщин. Ладно, мое лицо – сколько там квадратных сантиметров? Всего ничего. А как-то приходится им, несчастным, когда они бреют свои ноги? В некоторых они начинаются едва не от плеч. Это же такая мука и столько забот...

Побрившись и прияв душ, я почувствовал себя словно новая копейка. Жизнь постепенно начала наполняться смыслом, энергия забурилась, где нужно, и где не очень, и я приготовился встретить майора как настоящий стоик. От судьбы ведь не сбежишь, а жизнь, она как тельняшка – то черная полоса, то белая.

Ляхов был сумрачен и выглядел неважно. Мне кажется, кроме неприятностей по работе, у него были и какие-то личные проблемы. Но я, естественно, не стал расспрашивать опера на правах шапочного знакомого, как дела, как детки, что с погодой и не режется ли у него зуб мудрости.

Кофе я сварил, в аккурат, к его приходу. Готовил этот тонизирующий напиток в первую очередь для себя, потому что чай на меня не подействовал, как я того ожидал, и мне нуж-

но было хорошо встряхнуть свой организм перед рабочим днем.

Почему рабочим? А потому, что на сегодня я столько всего запланировал, сколько раньше не делал за месяц.

Ничего не попишешь, жизнь иногда заставляет человека вертеться в своем «беличьем» колесе вопреки его желаниям. К тому же у меня почему-то появилась уверенность, что на этот раз отлежаться на диване в созерцательной позе брамина-йога мне не удастся. Я вдруг ощутил, что вокруг меня начали сгущаться тучи.

Это было странное ощущение. Никогда прежде я ничего подобного не испытывал. Что-то темное и страшное по своей сути появилось в углах комнат – пока еще невидимое глазу, призрачное, но оно стало давить на психику, и я занервничал. А от этого все мои чувства обострились до предела.

Я вдруг понял, что все эти события – и телефонные звонки, которые допекали меня целую неделю, и нищий, преследовавший меня с настырностью рыбы-прилипалы, и убийство Хамовича, и исчезновение Лизаветы, и топтун, от которого я оторвался в «Чебурашке», и странный старик-лозоходец – скорее всего, звенья одной цепи.

Но самое интересное: я неожиданно сообразил, что история началась несколько раньше. К сожалению, тогда мне не хватило ума разобраться во всем детально. Как обычно у меня повелось, я оставил все на потом. Как же я ошибся...

Зато теперь, мне кажется, я знал почти наверняка, где ис-

кать недостающее звено в цепи непонятных и кровавых происшествий. Вот только что я вытащу потом, когда соединю все звенья – это был вопрос...

– Да, кофе варить вы мастер, – сказал Ляхов, с удовольствием отхлебывая мелкими глоточками темную густую жидкость. – У меня не получается. Сколько раз пытался – и все мимо. По вкусу напоминает паленую резину.

Я нехотя ухмыльнулся. С подходцем работает, мент...

– Никаких особых рецептов приготовления здесь нет, – ответил я сдержанно. – Или почти нет, скажем точнее. Все зависит от сорта и качества кофейных зерен, а также от воды. Хочу вам доложить, что та чашка, которую вы сейчас держите в руках, в кафе стоила бы вам не менее десяти долларов. Подчеркиваю – в недорогом кафе.

– Десять... долларов!? – Ляхов от неожиданности резко поставил чашку на стол. – Не может быть!

– Еще как может... Кофе я покупаю в специальном магазине, а не на рынке, стоит он... не буду говорить, сколько, чтобы не ранить вашу пролетарскую душу. А водичку я беру специальную, фильтрованную, с родника. Вот и весь секрет.

– Ну надо же... – Ляхов явно чувствовал себя не в своей тарелке; он не знал, что ему делать – допивать кофе или отставить чашку в сторону.

Мне стало весело. Тоже мне, экономист... Я все равно вылью остатки напитка в мойку. Так что, гражданин начальник, запишите, пожалуйста, и эту чашку кофе на свой счет.

– Да, попались вы... – Я злорадно хихикнул. – Как это у вас называется? А, вспомнил – взятка при исполнении. Ладно вам, пейте, я пошутил.

– Насчет стоимости чашки кофе?

– Нет, насчет взятки. А что касается кофе, то можете считать его спонсорским взносом законопослушного обывателя в раскрытие кровавого преступления.

– Кстати, о преступлении... – Глаза Ляхова загорелись, как у волка, когда на него падает свет автомобильных фар. – Вы были со мной не совсем откровенны при первой нашей встрече...

– Конечно, – согласился я с легкостью. – Мы ведь тогда не были знакомы. А сейчас – другое дело. Я чувствую в вас родственную душу.

– Мне так о вас и говорили, – задумчиво сказал опер.

– Кто? Ах, да, – тайна следствия. Значит, вы проверяли всю мою подноготную? Правильно сделали. Ну и как, подхожу я на роль маньяка?

– Мы обязаны проверять...

– Всех? – спросил я быстро.

– Да, – не стал врать Ляхов. – Всех потенциальных кандидатов в преступники. И пока не докажем обратное, вы будете у нас на подозрение. Довольны моей откровенностью?

– Вполне. Спасибо. Я тронут.

– А говорили мне то, что вы большой шутник и любите ерничать. Иногда не по делу. Так что можете продолжать в

том же духе, я не обижусь. Это, как я понимаю, свойство вашего характера. А характер быстро не изменишь. Если вообще это возможно.

– Возможно. К старости у многих характер меняется и чаще всего портится.

– Но вам это пока не грозит.

– Как знать, как знать...

– Так вы еще и фаталист? – сделал попытку догадаться Ляхов.

– В какой-то мере.

– Приятно встретить единомышленника, – добродушно улыбнулся майор, сделав при этом совершенно честные глаза.

Он соврал. Я словно читал его мысли.

Опер относился ко мне достаточно индифферентно – по крайней мере, пока. Конечно, подозрения у него кое-какие были, и это я ощущал, но не более того. В данный момент майор продолжал свою игру, чтобы вытащить меня на доверительный разговор.

Надо ему подыграть. Но что он имел ввиду, когда сказал «Вы были со мной не совсем откровенны»?

Ляхов, будто послушав мой мысленный вопрос, не стал размазывать манную кашу по белому столу, то есть, разводиться трали-вали (нет, в нем точно есть что-то импонирующее), а сразу попытался взять меня на цугундер.

– В тот вечер был еще кто-нибудь в вашей квартире? –

спросил он, резко изменив тему разговора, опять в своей манере остро прищурившись, как снайпер перед выстрелом.

Опа! Вот она и всплыла, эта самая донная мина. И сразу же его вопрос дал мне массу информации для размышлений.

Майор не стал ходить вокруг да около, чтобы меня запутать, только по одной причине – он ЗНАЛ о моем вчерашнем разговоре с матерью Бет, которой я рассказал все, как на духу. А если знал, то понимал, что и с ним темнить я не буду – это чревато в любом случае, виновен я в исчезновении Лизаветы, или нет.

И еще одно, главное: мать Бетти все-таки заявила в милицию о пропаже дочери. Скорее всего, она сделала это вчера, сразу после того, как ушла от меня.

Но как получилось, что уже сегодня, прямо с утра, Ляхову доложили о происшествии? Почему именно ему? И с какой стати он взялся расследовать это исчезновение?

Ведь машину сыска не так просто закрутить, как кому-то кажется. Никто из оперов не побежит к начальству становиться в очередь, чтобы добровольно и как можно быстрее получить в производство еще одно дело – вдобавок к остальной дюжине.

А майор расследовал убийство с отягчающими обстоятельствами. Что предполагало полную отдачу в работе и минимум посторонних дел. Тем более, о пропаже девицы, которая запросто могла уехать со своим фраером куда-нибудь на юга, не поставив в известность ни подруг, ни родных.

Этот момент меня как раз и смушал.

– А зачем вам это? – спросил я, делая невинное лицо.

– Константин Георгиевич! – Впервые за время нашего непродолжительного знакомства мент вспылил; но тут же и остыл. – Извините... Мы не в бирюльки играем. Отвечайте на мой вопрос.

– Да вы и так знаете, что я был с девушкой. И вам уже известно, что она исчезла в то время, когда убивали Хамовича. Зачем тогда спрашивать?

– Почему, черт побери, я узнаю об этом лишь сутки спустя!?! Почему вы тогда ничего мне не сказали!?

Я сокрушенно вздохнул и ответил:

– Я узнал, что Лизавета не пришла домой, на следующий день, после обеда... от ее матери. До этого у меня и в мыслях чего-то подобного не было.

– Но вы могли позвонить мне!

– Мог. Но не позвонил. Объяснять, с каких соображений, или не нужно?

Ляхов взял себя в руки и уже более спокойно сказал:

– Не нужно. Ваше заявление положили бы под сукно... до поры, до времени.

– Вот и я об этом. А как вы вышли на мать Лизы?

Майор посмотрел на меня, как рублем одарил.

– Нам все известно, – сухо изрек он сакраментальную фразу, которая бытует в правоохранительных органах всех стран мира.

Я изобразил восхищение и речитативом пропел дифирамб:

– Как здорово работает наша доблестная милиция! Никогда бы не подумал, что у вас так хорошо все поставлено.

– Да будет вам... – Майор все-таки допил свой кофе и отодвинул чашку в сторону, словно мы собрались сыграть на кухонном столе в какую-нибудь игру. – Перестаньте ерничать. Вы далеко не Иванушка-дурачок...

– И на том спасибо, – поспешил я вставить и свой колышек в его забор.

– И понимаете, – продолжал Ляхов, не обратив ни малейшего внимания на мой выпад, – что не настолько наша служба беспомощна и слепа, как показывают ее в некоторых современных фильмах. У нас есть свои секреты и достаточно эффективные методы и приемы ведения следствия.

– Да верю я вам, верю... – Я улыбнулся. – Только не нужно запугивать меня нечеловеческой эффективностью нашей родной милиции. Кстати, словечко из ораторского арсенала президента слямзили? Эффективность – главный его тезис.

Похоже, топтун принадлежал к ментовской «конторе». Наверное, он подслушал мой разговор с матерью Лизаветы и проследил, где она живет. А потом на сцену вышел Ляхов...

У меня даже на душе полегчало – что все это время я был под присмотром правоохранительных органов. Какой, никакой, а все-таки телохранитель, вспомнил я, как мужичок ловко швырнул Ваську Штыка.

Пусть он и не встанет не мою защиту, когда на меня полезет с ножом какой-нибудь убийца, но хотя бы потом схватит его и сдаст, куда следует.

И тут же сообразив, что мне от такой «заботы» ни холодно, ни жарко, я вмиг поскуучнел. А затем мне в голову полезли разные мысли.

Почему Ляхов прицепил ко мне наружное наблюдение? У него что, появились веские основания для этого? Но это же чушь! Я чист и прозрачен, как горный хрусталь.

Погодь, погодь... А не мог я сотворить что-нибудь такое-эдакое во сне?

Я похолодел. Мне приходилось читать о лунатиках, о раздвоении личности – собственно, как и почти каждому образованному человеку – и я знал, что люди помимо своей воли могут иногда вытворять такие вещи, что даже страшно подумать.

Нет, не может такого быть! Потому что не может быть никогда. До сих пор ни я сам, ни мои родные, ни окружающие не замечали во мне подобных наклонностей, так почему они должны были проявиться в ночь перед убийством Хамовича?

– Давайте не будем пикироваться, – миролюбиво заявил опер. – Мне нужно, чтобы историю с исчезновением вашей девушки вы изложили письменно. Писчая бумага у вас, надеюсь, имеются?

– И авторучка тоже.

– Вот и отлично. Опишите все, в мельчайших деталях...

Ага, сейчас! Напишу про нашу маленькую ссору, про беременность Елизаветы... Тогда я точно стану подозреваемым под первым номером. Версия сама напрашивается: не хотел жениться и тем более – иметь детей, а потому отвез свою ненаглядную подальше от города, грохнул ее и где-нибудь закопал.

Такие случаи были, по телеку показывали. Так что меня вполне могут посадить под замок, как подозреваемого, и муржить до тех пор, пока Лизавета не найдется.

Ну, а ежели она исчезла с концами (не дай Бог!), тогда можно только предполагать, сколько месяцев мне придется просидеть в СИЗО. Подобные истории не в новинку – когда безвинного человека отправляли в зону и даже подводили под «вышку». Сейчас дают пожизненное, но такое «ослабление» мало кого вдохновляет...

Я сел и написал сочинение на заданную тему – как мог правдиво и со всеми деталями, которые могли интересовать следствие. В конце я указал телефон и фамилию таксиста, который приезжал на вызов, и едва удержался, чтобы не изложить версию похищения Елизаветы, придуманную Лехой.

Но здравомыслие переселило спонтанный порыв, и я не стал фантазировать – все-таки, бумага была официальной. В конце концов, от меня требовались только факты. А там пусть разбираются. Спецам дилетантские рассуждения ни к чему.

– Вот... – Я пододвинул к Ляхову исписанные листки. –
Здесь все, что мне известно.

– Хорошо. Спасибо...

Майор внимательно прочитал мой опус, делая пометки
огрызком карандаша, который он достал из кармана.

– А что думаете вы по поводу исчезновения Елизаветы? –
вдруг спросил он, глядя на меня исподлобья.

Тоже мне, лейтенант Коломбо... Хочет сыграть на дове-
рии и выудить из моего ответа несколько фактиков, способ-
ных вывести меня на чистую воду. Во-первых, я не преступ-
ник (в этом вопросе мне очень хотелось полной уверенно-
сти, но она вдруг куда-то испарилась), а во-вторых, не совсем
дурак.

Чем больше перед ментами рассыпаешься в словесах, тем
глубже садишься на крюк. Это аксиома. Ее нужно знать всем,
кто ступил на скользкую тропу порока и противозаконных
деяний.

– Ума не приложу... – Я огорченно нахмурился. – Непон-
ятно...

– И все-таки? – настаивал опер. – Может, в ваших раз-
мышлениях есть рациональное зерно.

– Если я в чем-то и разбираюсь, то это только нумизма-
тика, – ответил я, стараясь выглядеть совершенно искрен-
ним. – Даже та специальность, которую я получил по окон-
чании института, для меня темный лес.

– Да ну? А как же вы осваивали науки, как сдавали экза-

мены?

– Сам не знаю. В основном выезжал на шпаргалках. И потом среди моих институтских преподавателей было несколько коллекционеров монет...

– Вы их подкупали, – с осуждением сказал мент.

– Знаете, чем отличается человек вашей профессии от обычного смертного?

– Нет. Просветите.

– Тем, что вы везде и во всем видите криминал. Даже глядя на чужого ребенка, который слывет в детском садике драчуном, вы предполагаете в нем потенциального преступника и гадаете, что он может совершить через десять-двадцать лет.

– Эх вы, батенька, загнули. Все, что вами сказано – неправда.

– Будем считать это моим личным мнением. А что касается преподавателей, то я просто с ними сдружился на уровне нумизматики. И они прощали мне почти все мои прегрешения перед учебным процессом. Ко всему прочему, на старших курсах я мог преспокойно прийти на кафедру с бутылкой, и меня принимали как равного.

– А разве бутылка это не взятка?

– Теперь уже вы загнули. Накрытый стол был взяткой при советской власти. Тогда если и совали в карман стольник или немного больше, то только в особых случаях. А сейчас бутылка всего лишь знак уважения и дружеских отношений.

– Да, ловко вы умеете подводить теоретическую базу под все, что угодно...

– Кто на что учился... – ответил я скромно, опуская глаза с ханжеским смирением.

Майор скривился, будто съел что-то кислое. Наверное, ему хотелось сказать что-то резкое, но он вовремя вспомнил, что не я у него в «гостях», а он сидит за моим столом.

– Ну что же, не буду вас больше задерживать... – Взгляд опера остановился на часах, и он нахмурился. – Мне давно пора... Еще раз спасибо за кофе.

Мы расстались несколько натянуто. Я чувствовал, что Ляхов по-прежнему мне не верит. И относится к моей персоне совсем не доброжелательно, хотя и пытается скрывать. Это меня здорово встревожило.

Уже на пороге я вдруг вспомнил о лозоходце. Сказать о нем Ляхову или не нужно? Но тут мне пришла в голову дикая мысль, что старик – замаскированный сотрудник наружного наблюдения.

А что, вполне возможно. Серый незаметный мыш мотался за мной по городу, а ряженный «астролог»-лозоходец тем временем поджидал в подъезде. И то верно – куда я пойду, как не домой? Что касается его рваных шмоток, то это просто первоклассный камуфляж. Кто обратит внимание на какого-то бомжа, пусть и одетого столь вызывающе?

Мало ли у нас ходит по улицам разных придурков...

Нет, ничего я оперу говорить не буду. Пусть думает, что

я совсем тупой и ничего не соображаю в сыском деле. Так проще будет, если понадобится, обрубить «хвост».

С такими мыслями я и закрыл дверь за майором. А затем быстро убрал со стола, оделся по-походному, и вышел на улицу – выполнять намеченные мною мероприятия.

Глава 11

Я ехал к Князю. Мне не давала покоя монета, которую я купил у Васьки Штыка. Я не хотел показывать ее кому бы то ни было, даже Князю, но события так круто завернули, что другого выхода, как проконсультроваться у большого знатока нумизматической науки, у меня просто не было.

Поначалу я как-то не придал монете особого значения – может, потому, что на своем не очень длинном веку видел много всяких нумизматических раритетов. К тому же в тот момент меня больше интересовала коллекция одного приятеля, которая должна была пойти с молотка.

А я очень хотел перехватить ее, и сделать на ней хорошие деньги.

(К слову, моя задумка выгорела, правда, наполовину, так как пришлось подключать Князя – своих финансов мне не хватило, а больше довериться было некому. Только Князь был маниакально честен во взаиморасчетах и никогда нагло не перебегал дорогу коллегам, по крайней мере, на моей памяти. В особенности молодежи. Со стариками он еще мог потягаться – из-за азарта, но все равно без подлости, а на своем непревзойденном классе).

Но теперь, после череды странных, если не сказать больше, событий, рудничный талер-найденыйш вдруг возник перед моим внутренним взором как лунный диск на черном

ночном небе. Было в этой монете что-то таинственное и немного мистическое – это я уже ощутил на уровне подсознания.

Откуда у меня появилась уверенность, что Васькин талер, возможно, корень всех проблем, я не знаю. Мне и раньше доводилось замечать за собой некоторые странности, совершенно не вписывающиеся в жесткие рамки обыденности. Но сейчас внутри у меня начало произрастать нечто размером с футбольный мяч.

Этот, с позволения сказать, плод рос, как в сказке, не по дням, а по часам; он давил на все мои фибры и жабры, но рожаться никак не хотел. Да и некогда было, потому что таинственные телефонные звонки и проделки нищего напрочь вышибли из моей головы мысли о рудничном талере.

Нужно сказать, что я предварительно проштудировал все известные мне справочники по геральдике перед тем, как у меня вызрело решение пойти проконсультироваться к Князю. И что же? К моему глубокому разочарованию и недоумению, герба, который был изображен на рудничном талере, я не нашел.

Это было, по меньшей мере, странно. Практически все западноевропейские графские и княжеские фамилии наперечет. Гербы князей, графов и прочих нобилей занесены на скрижали истории и мне пока не приходилось открывать новых. И не только мне. В специальной литературе об этом тоже ничего не сказано.

Но по большому счету я должен был визжать от радости – у меня в руках находилось нумизматическое сокровище. И сложить ему цену мог только Князь.

Такую версию я придумал для завязки разговора. А что касается моих навязчивых ощущений и домыслов, то этот компот я решил оставить на закуску. Пусть Князь сам затронет этот вопрос, если он существует.

К тому же, мне не хотелось выглядеть перед мэтром полным идиотом, ударившимся в мистику. Он был очень конкретным человеком и, насколько я знал, уважал все религии, но не имел отношения ни к одной.

Мне пришлось нажать кнопку домофона раз пять, пока я не услышал в динамике голос Князя. Звонить ему было бесполезно – номер его телефона никто не знал. Он был засекречен.

Причина этому была только одна – старый нумизмат, весьма известная в городе личность, забодался отвечать на звонки разных идиотов, которые десятки раз на дню предлагали ему или монетный ченч – обмен, или обещали продать нечто совершенно уникальное, или просили проконсультировать по какому-нибудь вопросу, касающемуся коллекционирования. Но это еще полбеды.

Существовала и другая категория придурков – телефонные хулиганы. Эти дебилы и угрожали Князю, и вымогали деньги, намекая на большие неприятности в случае отказа, а один чокнутый даже грозился взорвать старика непонятно

за что. Правда, тут уж менты подсуетились и упрятали несостоявшегося террориста в кутузку – на всякий случай.

Короче говоря, у некоторой части нашего народа от всех этих перестроек и демократических реформаций крыша поехала. Поэтому людишки ударились во все тяжкие, не сообщая, что можно, а что нельзя, и почему фунт лиха.

– А, Никиша... – сказал доброжелательно Князь. – Заходи, дорогой. Открыто...

Внутри двери что-то щелкнуло, и я вошел в парадное. Оказывается, Дед обзавелся видеокамерами... Что ж, разумно.

Дом Князя был из престижных. В отличие от нашего, тоже вполне козырного, он имел просторный холл с цветами в кадках, ковровые дорожки, зеркала, на стенах висели недорогие, но приятные глазу картины, а в углу стояло электро-механическое приспособление для чистки черной и коричневой обуви.

В общем, все было сделано по-взрослому...

– Давно не виделись, Никиша, давно... – пожимая мне руку, сказал Князь, глядя на меня, как вождь индейцев Зоркий Сокол – выжидающе и настороженно.

Он знал, что я не потревожу его по пустякам, а потому ждал от меня чего-то необычного. И кстати, я почти всегда оправдывал ожидания Деда.

– Что-то вы давно не появлялись в клубе, – начал я изда- лека.

– Хе-хе... – Князь благожелательно рассмеялся. – Ах, дочка, поживешь с мое – поймешь... все поймешь. Существование человека преклонного возраста – сплошная проза; каждый день одно и то же. К этому привыкаешь, обрастаешь мхом, как старый валун, и тебе уже не хочется лишний раз сдвинуться с насиженного места.

Он снова улыбнулся и затянул потуже пояс шитого золотой нитью шлафрока*. Князь был высок, худощав и неестественно строен для своего возраста. Создавалось впечатление, что он отставной военный, хотя к армии Дед не имел никакого отношения.

Из-под шлафрока выглядывала белая хорошо накрахмаленная батистовая рубашка, шею Князя закрывал шелковый платок с турецким узором, а на ногах у него были мягкие туфли-мокасины, купленные явно не на рынке, а в дорогом и престижном бутике.

Да, любил Князь пустить пыль в глаза... Интересно, он что, готовился к встрече? Но с кем? Конечно же, не со мной. Ведь я не предупреждал его заранее о своем приходе. Или это мои домыслы? Князь был помешан на разных условностях, к которым относилась и сама одежда, и ее стиль.

*Шлафрок – домашний халат (устар.)

– Как ты насчет ликерчика? – ласково спросил Князь.

Это был его бзик. Всех своих редких гостей он угощал ликером, которого я (как и вообще сладкие вина), терпеть не мог. Но отказываться нельзя; отказ был нарушением этикета,

а значит, большой обидой для старика.

– С удовольствием, – ответил я, изобразив на лице потрясающую искренность.

– Тогда прошу...

Мы прошли в гостиную (это у меня кухня – главное место в доме), сели за круглый стол, инкрустированный ценными породами деревьев, и Князь поставил на столешницу хрустальный графинчик, а также две очень красивые серебряные с позолотой рюмашки.

Первые два глоточка мы сделали в благоговейной тишине. Это был обязательный ритуал. Что касается ликера, то он был очень густой и имел незнакомый запах. Похоже, этот графинчик стоил бешеных денег. А куда их девать весьма состоятельному Князю?

Маленькие слабости на закате жизни...

– Что у вас новенького? – спросил я после третьего глотка.

– Это у молодежи... хе-хе... все новенькое. А наша жизнь – как игрушечная железная дорога. Бежит по кругу мимо одних и тех же бутафорских деревьев, домиков и станций. Рутинка, Никиша, рутинка...

Он понимал, что я имею ввиду совсем другое. Но поплакаться в жилетку Дед любил. И получалось это у него мастерски, так как он хорошо владел образным языком.

– Да уж... – сказал я индифферентно, ожидая продолжения.

И не ошибся.

– Ну, а что касается монет, то недавно мне попалась очень даже неплохая скандинавская клипа*. Шестнадцатый век, одна из первых. Тебе не нужна?

– Нет, спасибо. У меня этого добра хватает.

– Хе-хе... Тебя ничем не удивишь. Таким и я когда-то был...

*Клипа – обрезанная ножницами или вырубленная зубилом монета некруглой формы – квадратной, прямоугольной, шестиугольной; на клипах отбивались штемпели обычных золотых и серебряных монет.

Мы снова помолчали: Князь ждал, когда я скажу то, главное, зачем пришел, а мне все никак не удавалось правильно сформулировать волнующие меня вопросы. Поэтому я решил немного потянуть время.

– Я слышал, у вас недавно были проблемы... – Как раз в этот момент мне на память пришел рассказ Лехи о том, что Князя пытались обворовать.

Дед мгновенно поскутнел. Пожевав сухими узкими губами, он с явной неохотой ответил:

– Да. Были...

– Вот сволочи! – сказал я с сердцем.

– Ах, Никиша, в нашем увлечении много подводных течений. И ты это знаешь не хуже меня.

– Что-то взяли?

– В том-то и дело... – Князь совсем стал мрачным. – Все на месте. Зачем они лезли в квартиру – ума не приложу.

Деньги, правда, исчезли. Но мне кажется, не в них дело. А в чем именно – непонятно. Плохо, Никиша, беду чую...

– Перестаньте! Что вы, в самом деле... Может, они хотели бомбануть ваш сейф, да не вышло. Вот и весь сказ. И никаких тайн.

Я, так же, как и Леха, знал, что у деда есть большой банковский сейф. Это не было секретом. Он стоял в специальной комнате, своего рода выставочном зале, в окружении шкафов с выдвижными ящичками, в которых находились монеты.

Князь не доверял пластиковым контейнерам для хранения монет, так как считал (и не безосновательно), что выделения из пластмасс портит их внешний вид. Поэтому все его коллекционные раритеты покоились в ячейках на бархате, заключенные в плоские ящички из древесины.

– Хотелось бы в это верить, – ответил Князь.

Я решил изменить тему, чтобы совсем не ввести деда в тоску.

– Кстати, вам Леонид передавал привет, – соврал я, не моргнув глазом.

– Никиша, это кто? Извини, память уже не та...

– Леха Давайте-Жить-Дружно.

– А-а... Хороший мальчик. Только немного шебутной. Когда-то я наставлял его на путь истинный. Как он там?

– Крутится. Звезд с неба не хватает, но пока на волне.

– Ему бы больше знаний. Он совсем не хочет учиться. Я

вот старьй, а книжки умные уважаю, слежу за новинками. Без этого в нашем деле никак нельзя.

– Это точно...

Мне показалось, что нужный момент наступил, и я достал из кармана сложенный вчетверо листок со сканированным изображением таинственного рудничного талера.

– Вот, кстати, пример, когда и умные книги не помогают, – сказал я, пододвигая листок поближе к Князю. – Пришел к вам за помощью. Совсем запутался. Что-то из ряда вон выходящее. Если я, конечно, не ошибаюсь.

– Ну-ка, ну-ка! – оживился Дед.

Он развернул листок и по привычки достал из кармана лупу, хотя изображения аверса и реверса монеты были достаточно большими и четкими; по-моему, он не расставался с лупой никогда.

– Тэк-с... – Князь склонился над листком с видом естествоиспытателя, которому попался редкий вид насекомого; у Деда даже глаза засветились, словно где-то внутри кто-то включил два фонарика. – Что мы тут видим...

Мне было понятно его состояние. Настоящего нумизмата хлебом не корми, а дай ему какую-нибудь загадку. Это же сколько разговор потом будет, сколько мнений, сколько споров...

В общем, такие моменты дорогого стоят. Именно они и подвигают истинных коллекционеров на неустанные поиски чего-то необычного, нестандартного. Это своего рода беско-

нечное соревнование, где есть свои победители и побежденные, чемпионы и экс-чемпионы, подмастерья и мастера, ну и, естественно, заслуженные мастера.

Князь был заслуженным мастером. Иногда нам, молодым, казалось, что он знает все. Дед мог ответить практически на любой вопрос. Однако, выступить в роли эксперта соглашался очень редко, и то если его об этом просил какой-нибудь старый друг.

Мне было известно, что Деда приглашали на должность консультанта по вопросам нумизматики самые известные аукционные дома, суля большие деньги, почет и уважение, но Князь неизменно отвечал отказом. Почему? Никто не знал. А сам Дед на эту тему никогда не говорил.

Правда, у меня была одна догадка. Но я не мог бы поручиться, что она сама истина или близка к истине.

Князь очень любил свою давно усопшую жену. После ее смерти он не только не женился на другой женщине, но даже не смотрел на них. Для него они просто перестали существовать.

После того, как умер мой дед, а ко мне пришло понимание, что он значил для всей нашей семьи, и какая это была потеря лично для меня, я стал часто бывать на кладбище. Могила патриарха нашего рода находилась неподалеку от места захоронения жены Князя, и когда бы я ни приходил навестить деда, на надгробии супруги старого нумизмата всегда, в любое время года, были свежие цветы.

Случалось мне видеть там и самого Князя. Я старался обходить его стороной, интуитивно понимая, что именно в этот момент он хочет побыть наедине со своими мыслями.

Князь мог сидеть на скамейке возле могилы в полной неподвижности часами. Временами создавалось такое впечатление, что это уже не живой человек, а изваяние.

Скорее всего, он не уезжал из города только потому, что хотел быть всегда рядом с женой. А года два или три назад моя догадка нашла еще одно подтверждение – по указанию деда, ему приготовили последнее пристанище рядом с ее могилкой.

Он даже сам себе заказал надгробие – точно такое, как у жены. На глыбе черного мрамора, отполированной только с одной стороны, были высечены его фамилия, имя, отчество и дата рождения с многозначительной черточкой в конце.

– Где оригинал? – спросил Князь, закончив рассматривать изображение рудничного талера.

Меня удивил его голос; он вдруг стал скрипучим и неприятным.

Я заколебался – сказать, не сказать?... Нужно признаться, что я, кроме бумажного листка с изображением сканов монеты, захватил и ее с собой.

По идее, это был само собой разумеющийся поступок. Имея в руках только рисунок, о монете судить трудно. Но меня что-то сдерживало; мне казалось, что талер сам не хочет идти к Князю на показ.

Конечно, это смешно – кусочек металла, пусть и в обработанном виде, не может что-то чувствовать, а тем более – желать. Железяка, она и есть железяка.

Но я слишком давно, как на мои годы, занимаюсь нумизматикой и знаю, что каждая монета имеет характер и может влиять на своего хозяина. Монеты бывают добрыми и злыми, заносчивыми и толерантными, сановными и простодушными, по-хорошему таинственными и коварными.

Очень многие старинные монеты взяты из каких-нибудь кладов. И нередко хозяева этих сокровищ накладывают на них заклятье.

Право, глупо в наш просвещенный век говорить об этом. Но от фактов никуда не убежишь – не один коллекционер испытал на себе действие старинных чар, которые могут даже свести в могилу.

А заговоренная монета – это вообще мина замедленного действия. Деньги, даже обезличенные кредитные билеты, сами по себе серьезная вещь, а уж золотые или серебряные монеты, имеющие длинную и нередко кровавую историю – тем более.

Почему существуют бедные и богатые? Все знают, что к одному деньги сами плывут, и он даже не может понять, почему, а другой всю жизнь пытается заработать лишнюю копейку, и все мимо кассы.

Это происходит потому, что одного деньги любят, а второго нет. Вот и весь сказ. И как бы не утверждали большие

умники, что каждый человек может стать олигархом, я в эти байки не верю. Это рассказы для малолеток, которые спят и видят себя крутыми и состоятельными.

– У меня, – ответил я честно после некоторых колебаний.

– Ты принес его?

– Ну, в общем... как вам сказать... – Я замялся.

– Никиша, не темни. Это серьезно. Талер у тебя в кармане.

Теперь я это чувствую.

Отпираться уже не было смысла, и я нехотя достал из кармана пластмассовую коробочку из-под какого-то ювелирного украшения, оклеенную изнутри мягкой бархатистой тканью, куда я с почтением поместил рудничный талер. Он уже был почищен, поэтому мягко светился – как настоящая драгоценность.

Князь быстро надел белые хлопчатобумажные перчатки и схватил монету, как коршун зазевавшегося цыпленка. Какое-то время в гостиной царил тишина. Дед священнодействовал с лупой в руках, а я внимательно за ним наблюдал.

Наконец Князь с шумом сделал вдох, а затем выдох, откинулся на спинку кресла и посмотрел в мою сторону с таким видом, словно ему стало меня очень жалко, но он не знает, как мне помочь.

– Никиша, послушай старика, который много чего повидал в жизни. Выбрось эту монету в реку или в старый шурф, но только чтобы он был как можно глубже.

– Д-д... Да вы что!?! Как это – выбрось. Извините, но я не

врубаюсь. Зачем, почему?

– Именно выбрось, а не продай, – продолжил дед. – В этом случае ты потеряешь всего лишь деньги. Но я знаю, что для тебя они не фетиш, поэтому такую утрату ты переживешь спокойно.

– А если не выброшу, то что будет?

Князь посмотрел на меня с сожалением и даже скорбью, и перевел взгляд на великолепно выполненный маслом портрет своей жены, который висел на стене справа от меня. Я уже знал, что писал это полотно один из известнейших художников двадцатого века.

Он смотрел на нее, будто пытался испросить совета. Но портрет молчал, как и должно, и тогда заговорил сам Князь.

– Другому эту историю я бы никогда не рассказал... Но ты, Никиша, хороший мальчик. Глядя на тебя, мне кажется, что ты – это я в молодости. И мне не хочется, чтобы кто-то еще повторил мою ошибку.

Дед немного помолчал – наверное, собирался с мыслями – и продолжил:

– Эта монета в свое время была в моей коллекции...

– Что!?

– Да-да, Никиша, я говорю чистую правду. Только не думай, что я предъявляю тебе какие-то претензии. Отнюдь. Я продал ее... старый дурак. А нужно было, как мне теперь стало понятно, выбросить ее к чертям собачьим.

– Но с какой стати? Монета, если я что-то смыслю в ну-

мизматике, уникальная. Ладно – необычная. Это точно. Однако выбрасывать ее за здорово живешь... Не понимаю. Если можно, объясните, в чем тут дело.

– Я и сам поначалу был слеп, как крот. А может, чересчур жаден. Когда этот талер попал ко мне, я был на вершине блаженства. В отличие от тебя, мне приходилось слышать от старших коллег, на заре своей юности, что это за монета. В принципе, если не сильно глубоко копать, ее можно отнести к рудничным талерам, но все же с этого ряда она выпадает.

– Почему?

– Ты разбираешься в геральдике очень даже неплохо. Я это знаю. Поэтому – уверен – тебе сразу бросилось в глаза то, что герб не читается. Верно?

– Да, вы правы. Я поднял всю имеющуюся у меня литературу по этому вопросу, копался в Интернете – и ничего. Такой герб нигде не значится. Это меня сильно удивило.

– Вот-вот. И мне герб сразу бросился в глаза. Да, Никиша, талер и впрямь раритет. Только это монета дьявола, вот что я тебе скажу...

Я глядел на Князя во все глаза. Он почернел лицом и стал очень мрачным.

– Где-то в середине шестнадцатого века в горах Гарца – это Саксония, ты знаешь – какой-то бедный лесоруб нашел потрясающе богатые залежи серебра. Гораздо позже люди начали говорить, что ради этого он заложил свою душу нечистому, но, как бы там ни было, а этот малый мгновен-

но разбогател. Будучи человеком неглупым, он потихоньку выкупил участок, на котором находилось месторождение, за несколько пудов серебра – земля там слыла плохой (на ней даже лес не рос), поэтому особых проблем с покупкой у него не было – и начал разработки...

– Везет же людям, – не удержался я от комментария.

– Везение, Никиша, всегда имеет обратную сторону – как монета или медаль.

– Кто бы спорил... Но все равно иногда хочется сорвать приличный куш, не прикладывая особых усилий.

– Молодо – зелено... – Князь тяжело вздохнул. – Так вот, оперившись и став очень богатым человеком, бывший лесоруб захотел стать еще и нобилем – дворянином. А поскольку в это время местный герцог вел с кем-то войну, то деньги нужны были ему позарез.

– А кому они не нужны... – буркнул я, слушая рассказ Князя с неподдельным интересом.

– Если бы только в деньгах было счастье... – Дед опять вздохнул. – Короче говоря, бывший бедняк получил герб, графскую корону, прикупил еще землицы, построил шикарный замок, обзавелся челядью... – ну и так далее. Жизнь пошла у него совсем другая. Новоиспеченный граф по высочайшему соизволению даже начал чеканить свою монету, благо серебра у него было сколько угодно. Да вот беда: сначала в горах Гарца, а потом и по всей Саксонии, стали распространяться слухи, что граф-лесоруб якшается с нечистой

силой.

– Зависть. Это элементарно. Я даже сейчас ему завидую, а что говорить о его современниках.

– Да, отчасти ты прав. Зависть – это один из движителей прогресса, как это ни странно. Из зависти делают карьеру, пишут бестселлеры, делают гениальные открытия и изобретения, меняющие мир. Но все дело в том, что начали исчезать люди. И их следы вели к замку новоиспеченного графа. Так продолжалось года три или четыре, пока, наконец, до герцога Саксонии дошли жалобы его вассалов.

– Еще бы они не дошли... – Я криво ухмыльнулся. – Думаю, что герцог спал и видел, как он прибирает к рукам лакомый кусок в виде серебряного рудника. А тут подвернулся такой удобный случай...

– Случай и впрямь был на руку герцогу, который погряз в долгах. Сначала он послал какого-то дворянина с небольшой охраной, чтобы тот конвоировал графа-лесоруба в столицу герцогства для судебного разбирательства. Однако, и нобиль, и конвой исчезли, словно их никогда и не было.

– Похоже, наш счастливчик смекнул, что добром для него этот суд не кончится, и забил на приглашение герцога большой болт.

Князь поморщился. Он не любил, когда с ним говорили на сленге. Но сдержался, не стал читать мне нравоучения.

– Скорее всего, – ответил он. – К тому же, в те времена вассалы не очень праздновали своих сюзеренов. У них са-

мих были дружины, числом не меньше, чем у правителей. Но герцог оказался человеком настойчивым. К тому же приз на кону был завидный. Он собрал большой отряд с артиллерией и после месячной осады взял замок приступом.

– Надо же... Целых тридцать дней держался бывший лесоруб. Похоже, человек он и впрямь был непростой.

– В хрониках о нем говорится очень скупо, но есть намеки, что его предали слуги. Они ночью перебили стражу и открыли замковые ворота.

– Наверное, граф зарплату им задерживал, – сказал я с иронией, вспомнив, как мыкались мои приятели, когда развалился Союз; некоторые по году сидели без денег.

– Может быть. А возможно, слуги боялись, что герцог их казнит – он должен был взять замок в любом случае, так как силы были неравными. В общем, замок в конечном итоге пал, но самого графа так и не нашли. Он сбежал. Осаждавшие замок кнехты* герцога говорили, что улетел; будто бы они видели это собственными глазами. Конечно, служивые плели чушь, скорее всего, под впечатлением рассказней о графе– чернокнижнике. Народ тогда был очень суеверный. Но не это главное. Когда открыли подвалы замка, то увидели там горы черепов, разнообразные орудия для пыток и сосуды с человеческими органами. А все стены и пол подземелья были разрисованы каббалистическими знаками, и вместо краски использовалась кровь.

– Вон оно что... – Я вдруг вспомнил зрелище, представ-

шее перед моими глазами в квартире Хамовича, и невольно содрогнулся. – Мужик баловался оккультизмом.

*Кнехт – в прямом переводе «батрак» (нем.); наемные солдаты-пехотинцы в средние века в Германии и Австрии.

– В хрониках написано, что он продал свою душу дьяволу. Замок по приказанию герцога разрушили до основания, всех подручных графа – кого поймали – сожгли на костре после «беседы» с инквизиторами, серебряный рудник и земли баснословно разбогатевшего лесоруба-счастливчика были присоединены к владениям герцога, а рудничные талеры (такие, как твой) собрали со всех немецких земель и переплавили. Конечно, какая-то часть монет осталась, ушла в зарубежье, но со временем и они вышли из обращения, чтобы исчезнуть с нумизматического горизонта навсегда; так казалось многим специалистам. Что касается описаний герба графа-чернокнижника, деяний бывшего лесоруба, а также различных записей, где упоминается его имя (в том числе и в церковных книгах), то они по указу святейшего папского престола были вымараны из всех списков. Сведения об этом таинственном графе, которыми значительно позже воспользовались исследователи, были почерпнуты из лютеранских источников. И то только потому, что лютеранские проповедники приводили эту историю, как пример греховности католиков, в частности, богатых нобилей.

– М-да... Историйка и впрямь не для слабонервных... Мне вот только непонятно, почему легенда на этих талерах

читается как абракадабра?

Дед устало улыбнулся, что далось ему не без труда.

– Существует версия и на сей счет. Кстати, всю эту историю мне рассказали мои немецкие коллеги... когда я получил монету и начал с нею разбираться. Будто бы абракадабра, как ты говоришь, была отчеканена на монетах во время осады. Князь, видимо, знал, чем она закончится, а потому передал герцогу зашифрованное таким образом послание. Дело в том, что в замковых кладовых графа-чернокнижника якобы хранились несметные сокровища – слитки серебра и золота, драгоценные камни, старинные украшения и прочая. А когда офицеры герцога вошли туда, то увидели на полу лишь небольшую кучку вот таких монет, – дед указал на рудничный талер. – Все остальное куда-то исчезло. И как не искали люди герцога сокровища чернокнижника, все их усилия были напрасны. Потом кто-то сообразил, что в легенде есть ответ на этот вопрос и лучшие умы герцогства принялись разгадывать эту головоломку.

– Разгадали? – спросил я почему-то с трепетом.

– Говорят, что да, разгадали. (Сам понимаешь, шифры тогда были примитивные, не то, что сейчас). И принесли свои выкладки герцогу. А наутро его нашли убитым в собственной спальне, хотя покои герцога охранялись весьма тщательно. Поначалу смерть сюзерена не связали с зашифрованным посланием графа-чернокнижника. Грешили на кого угодно, только не на него. Но когда приняли решение продолжить

розыски пропавших сокровищ, то оказалось, что ученый, разгадавший ребус на монете, покончил жизнь самоубийством в ту же ночь, когда убивали герцога. Тогда обратились к другим математикам. Но они не стали заниматься разгадкой шифра даже под страхом заключения. Видимо, ученые уже кое-что знали или догадывались.

– М-да, дело темное... – Я умолк, колеблясь; но потом все-таки продолжил свою мысль: – Вот только я пока не понял, почему вы так ополчились на этот талер? Монета как монета. Мало того, чрезвычайно редкая, значит, очень ценная. А что касается всякой мистики... – Я скептически ухмыльнулся. – Мистика осталась в прошлом. На дворе двадцать первый век. Это все сказочки для слабонервных.

Конечно же, я так не думал. Но мне нужно было подбодрить себя, потому что от истории про лесоруба-счастливчика на меня вдруг повеяло жутью и мне стало немного не по себе. У меня создалось такое впечатление, что если я закрою глаза, то попаду прямиком в подземелья графа, где он проводил свои оргии.

– Напрасно ты так говоришь, Никиша. Впрочем... – Дед сокрушенно покачал головой. – И я когда-то так думал. Если бы я только знал, чем мне придется расплатиться за свою глупость и самонадеянность...

– Вы все время говорите загадками.

– В моей жизни нет никаких загадок. Из-за этой проклятой монеты... – Он поднял взгляд, полный муки, на портрет

жены. – Из-за это монеты я потерял свою Марьюшку...

– То есть?...

– Этот талер мне принес один черный гробокопатель. И в прежние времена осквернителей древних могил и захоронений хватало. Я схватился за монету, как черт за грешную душу. Мне сразу стало ясно, что это раритет. А когда я проконсультировался с немецкими коллегами, то вообще сошел с ума. Оказалось, в мире существуют всего два таких талера! Не считая того, что был у меня.

Дед сокрушенно покачал головой.

– Ах, как я был глуп! Я начал часами сидеть над монетой, пытаюсь разгадать зашифрованную легенду. Я словно сошел с ума. Жена не могла вытащить меня из-за рабочего стола, чтобы я мог поесть. Однажды она разозлилась, схватила талер и хотела его выбросить. Я поймал ее руку, толкнул... мы сильно повздорили, чего прежде не было никогда. И она... она в расстроенных чувствах выскочила на улицу. Я был сильно зол и даже не попытался ее остановить. Но тут меня словно что-то подтолкнуло... я вышел на балкон...

Дед закрыл лицо руками.

– Все случилось на моих глазах, – сказал он глухими голосом. – Она перебежала улицу и попала под колеса грузовика. Откуда он появился, я до сих пор не могу понять. Ведь его не было, не было! Я же смотрел...

Быстрым движением он схватил свою рюмку и допил ликер одним глотком.

– Она ушла из жизни сразу... – Голос Князя стал совсем безжизненным. – А водитель грузовика скончался в больнице, не приходя в сознание. Почему он умер, врачи так толком и не сказали. Травмы у него были, но не такие уж и тяжелые...

Он умолк. Я тоже молчал. А что тут скажешь? Мои самые искренние соболезнования будут для деда не более, чем сотрясения воздуха.

Теперь я понимал, почему он не хочет никуда уезжать и почти каждый день (а может, и каждый) ходит к ее могиле. Князь уже много лет просит прощения у своей усопшей жены, но она, увы, ответить ему не может.

– Извините... – Я нервно прокашлялся. – А куда вы... потом дели этот талер?

– Поначалу мне было не до коллекции. Но потом я увидел кошмарный сон, и проснулся с уверенностью, что в смерти Марьюшки виноват именно этот талер. Не знаю, откуда появилась такая уверенность, но она была сродни наваждению. Сгоряча я намеревался даже не продать, а выбросить монету куда подальше. И очень сожалею, что тогда не сделал этого.

– Почему?

– Душа противилась. Вернее, та ее часть, в которой засела любовь к собирательству монет. Талер ведь уникальный. Я как будто раздвоился: одна рука тянется к талеру, чтобы избавиться от него, а другая держит ее за рукав.

– Я понимаю вас...

– Потом однажды ко мне зашел Иван Сергеевич, в моих мозгах наступило просветление, и я решил – предложил ему эту монету за чисто символическую цену. Он сильно обрадовался – ты ведь знаешь, талеры его конек...

«Еще бы не обрадоваться! – подумал я. – Он за копейку удавится, а тут ему в руки сам приплыл настоящий клад, притом почти даром». Иваном Сергеевичем звали Паташона. Но по имени-отчеству его кликали только самые старые члены нашего общества нумизматов.

Молодежь называла старика или Паташоном, или дядюшкой Скруджем – по имени мультяшного персонажа. Естественно, в разговорах между собой.

– Но я объяснил ему, – продолжал Князь, – что монета, скорее всего, заколдованная. Я никогда не был суеверным, поэтому мое заявление очень удивило Ивана и, конечно же, он не поверил мне. Тогда я сказал: «Хочешь – покупай, опасаясь – сегодня же выкину монету на помойку». Он купил... Почему взял с него деньги? Я где-то вычитал, что в таком случае зло не передается.

– И что? У него тоже были проблемы?

– Не знаю. Похоже, у него все прошло нормально. Не интересовался. Мне думается, он сразу же кому-то перепродал этот талер.

«Да, на Паташона это похоже... Ему до лампочки разные мистические истории. Старый лис... Конечно же, он не упустил момент хорошо наварить на перепродаже талера, кото-

рый свалился ему в руки как манна небесная. И еще, наверное, смеялся над Князем втихомолку, считая его лохом».

Пора было прощаться. Это я сразу почувствовал. Дед как-то потускнел, даже съежился; похоже, воспоминания завладели его мыслями всецело. И он все чаще и чаще посматривал на часы.

Похоже, Князь и впрямь кого-то ждал.

– Пойду... – Я встал. – Спасибо за консультацию, берегите себя. До свидания.

– Будь здоров, Никиша. И послушайся старика – избавься от этого талера. Если хочешь, продай, или подари, но не держи его у себя. В твоей жизни будет еще много разных открытий. Да и коллекция у тебя вполне приличная, так что одной монетой меньше, одной больше...

– Подумаю. А за совет спасибо. Но, скажу честно, я пока не готов расстаться с этим талером. Вы своим рассказом застали меня врасплох.

Князь больше ничего не стал говорить, лишь посмотрел на меня долгим взглядом, сокрушенно покачав головой, и я покинул квартиру старого нумизмата.

На душе было беспокойно.

Глава 12

Перекусив на скорую руку в каком-то затрапезном кафе – нужно отметить, что готовили в нем неплохо, я посмотрел на часы. Времени было больше, чем достаточно. Конечно, меня сильно тревожило исчезновение Лизаветы, но чем я мог помочь в ее розысках? Тем более, будучи безлошадным.

У меня был «фольксваген», но я продал его, а вырученные деньги вложил в покупку коллекции монет вскладчину с Князем. Потом, конечно, я вернул их, притом с хорошей прибылью, и еще кое-что накопытил, так что мой счет в банке был вполне солидным, и я мог приобрести даже не подержанную, а новую машину.

Но я не был большим любителем днями торчать за рулем, да и колеса в моей деятельности не очень были нужны. Ну-мизматы в основном люди кабинетного плана.

Поэтому покупку нового авто я все время откладывал на неопределенное время. Если мне нужно было куда-то смотаться, я вызывал такси. Так дешевле обходилось.

Однако сегодня я пожалел, что не имею колес. Хотя бы потому, что хотел проехать еще и к Паташону – чтобы не откладывать дело в длинный ящик.

Проблема заключалась в том, что старик жил, в отличие от Князя, у черта на куличках – в так называемых Подлипках, на самой, что ни есть, окраине города. Там, конечно, хо-

рошо, – природа, речка, воздух, и все такое – но мало кто из таксистов соглашался туда ехать. Ну разве что молодой и неопытный. Но такого еще надо было найти.

Таксисты не хотели ехать в Подлипки не потому, что там водилось много бандитов или отморозков. Они, конечно, были, – как же без них при развитой демократии. Но в своем микрорайоне вели себя тихо, а если кого-то и метелили, а то и валили, то больше в центральной части города, где попросторней и где есть благодарные зрители – любит русская душа анархическую вольницу и показушную широту. Наверное, эта любовь произошла от наших предков-ушкуйников*, которые разбойничали на широких волжских плесах.

*Ушкуйник – вольный человек, член вооруженной дружины, которая снаряжалась новгородскими боярами и купцами (14-15 вв.) для набегов и торгового промысла на Волге и Каме.

Все дело заключалось в дороге. Улицы в Подлипках напоминали шоссе после бомбежки фрицами в сорок первом году. А возможно, так оно и было – что улицы и переулки Подлипок не ремонтировались со времен нашей победы над Германией.

Для обычного таксиста отвезти клиента в Подлипки значило угробить машину. Там могли ездить лишь опытные профессионалы или виртуозы своего дела.

К сожалению, за руль таски нынче сажают безусых пацанов, которые в большинстве своем безбашенные. Им бы

только погонять, притом неважно где – по хорошей дороге или по колдобинам. Молодая кровь горячая, бьет в голову, и напрочь лишает их здравого рассудка.

Мне такой фраер как раз и попался. Я почему-то был уверен, что его зовут Федя, хотя у меня не было ни малейшего желания познакомиться с ним поближе. Лихой малый. И огненно-рыжий. Он так рулил, что временами мне хотелось взмолиться и попросить, чтобы он остановился неважно где, и отпустил мою грешную душу на покаяние.

Несколько раз мы едва не въехали в бампер идущей впереди машины, затем проскочили на красный свет, подрезали «волжанку» и наконец только чудо спасло какую-то толстую тетку, которая немного зазевалась и решила проскочить перед носом Феде.

Как он не размазал ее по асфальту, ума не приложу. Наверное, у этой тетки хороший ангел-хранитель.

А потом мы въехали в Подлипки. И началось... Когда я расплатился и вылез из машины, у меня было такое впечатление, что все мои внутренние органы оторвались и плавают в мочевом пузыре, разросшемся до огромных размеров. Я едва не обмочился, пока нашел удобный кустик...

Одно меня утешало – сколько я не оборачивался, сколько не смотрел в заднее стекло, так и не увидел, чтобы за нами ехал «хвост». Это точно. А поездка по улицам Подлипок окончательно убедила меня, что я не под надзором. Или тачке ментовской наружки прикрутилась хана, что тоже радо-

вало.

Даже подъезжая к дому Паташона, я все еще колебался – может, не надо? может, повернуть, пока не поздно, назад? Ведь Паташон, в отличие от холеного аристократического Князя, больше напоминал Плюшкина. И внешне, и внутренне.

Кто знает, какой финт он может выкинуть, увидев раритетный талер. Я теперь абсолютно не сомневался, что монета стоит бешеных денег. Эх, надо было попросить Князя, чтобы он оценил ее, подумал я с запоздалым сожалением. У меня этот момент как-то выскочил из головы.

Паташон мог объегорить любого. И при этом получал огромное удовольствие от самого процесса наматывания лапши на чьи-нибудь чересчур оттопыренные уши. Этот процесс он проделывал с иезуитским терпением и потрясающей настойчивостью. Оторваться от него можно было лишь включив пятую скорость.

Все члены нашего нумизматического общества знали эту маленькую «слабость» старика, но были к нему снисходительны. Хотя бы потому, что он был дока во всех вопросах, касающихся нумизматики. По-моему, в некоторых вопросах Паташон был посильнее даже Князя.

Я жал кнопку дверного звонка минут пять. В том, что Паташон дома, я был уверен на все сто. Откуда у меня появилась такая уверенность, мне было непонятно. Я словно просветил его жилище рентгеном и убедился, что там есть жи-

вая душа; естественно, не считая собаки. А кто кроме Паташона может обретаться в его норе?

Квартира старого нумизмата и впрямь напоминало берлогу. Паташон жил в старом доме еще дореволюционной постройки. Он был сложен из красного кирпича необычайной крепости, и на фоне окрашенных в светлые тона многоэтажек выглядел мрачным наследием прошлого.

В свое время, когда на окраине началось строительство пятиэтажек, дом (он был двухэтажным) хотели снести. Но не тут-то было. Кирпичные стены не брала никакая техника. Ну просто провинциальный Кремль.

Пытались и взрывать. Однако большой заряд не заложить, – кругом дома – а те динамитные шашки, что подкладывали под углы дома, давали только дым и пыль. Дом стоял, как замороженный.

Тогда на него махнули рукой, и элегантно вписали в проект. Наверное, как памятник дореволюционного зодчества. А он и впрямь внешне был красив; теперь так не строят. Но это на взгляд эстета. Обычному человеку дом казался мрачным уродцем. Потому что был сильно запущенным.

В доме поначалу жило несколько семей. Но когда пришли другие времена, разбогатевшие на торговле турецкими шмотками жильцы – те, кто пооборотистей и пошустрей – начали потихоньку переезжать в более благоустроенные квартиры, ближе к центру. Вот тогда Паташон и выкупил весь себе второй этаж по сходной цене, то есть, за копейки.

За сколько точно, я, конечно, не мог знать, но зато я знал Паташона. Когда он впервые сообщил в клубе эту новость, его лицо буквально светилось от радости. А радовался Паташон только в том случае, когда кого-то нагревал на приличную сумму.

– Кхе, кхе! – наконец раздалось за дверью. – Чего надобно?

И как продолжение фразы послышалось троекратное басовитое «Гав, гав, гав!».

Вот он, весь Паташон. Не спросил, кто пришел, а сразу ударил по конкретике – чего надобно?

– Иван Сергеевич, это я Никита! – повысил я голос – на всякий случай; Паташон был немного глуховат. – Дело есть!

– Какой Никита? Не знаю никакого Никиты. Гуляй себе, хлопчик. Мне недосуг тут с тобой тары-бары разводить.

– Никита Бояринов! – продолжал я драть горло. – Из клуба нумизматов!

– Бояринов? Из клуба? Ну-ка, посмотрим... – Только теперь Паташон прильнул к дверному глазку. – Гм... Может, ты и Никита, но мы с тобой о встрече не договаривались.

– Я звонил! – соврал я, долго не задумываясь. – Вы не поднимали трубку!

– И что ты хочешь?

– Иван Сергеевич! Может, мне заорать об этом на весь микрорайон!?

Паташон на некоторое время умолк. Наверное, усиленно

размышлял. Потом за дверью раздалось его характерное покашливание, и я услышал:

– Ну, коли так, входи...

И началось – звяк-звяк, щелк-щелк, трень-брынь... Это Паташон открывал многочисленные засовы и замки. Наконец «концерт» запирающих устройств закончился, и дверь, очень похожая на бронированную плиту ДОТа, медленно отворилась.

Меня встретил злобный оскал чудища, которое было копией собаки Баскервилей, описанной Конан Дойлом в своем знаменитом произведении. Не хватало лишь светящейся фосфорной краски. Но и без нее «бобик» Паташона произвел на меня потрясающее впечатление.

– Ы-ы... – Меня на мгновение переключило. – И-иван Сергеевич, вы это... собачку-то придержите...

– Держу, держу, – «успокоил» меня Паташон.

Он и впрямь держал здорового кобеля, который был ему по грудь, за ошейник, вцепившись в него обеими руками. Но если я не понравлюсь этому монстру, то старик не сможет с ним справиться, это точно. И я заискивающе заулыбался, глядя на кобеля добрым детским взглядом.

– Кажись, и впрямь Никита... – тем временем продолжал Паташон, приглядываясь. – Давно не виделись...

– Ага.

Я все еще продолжал подлизываться взглядом к собаке. И кажется, чего-то добился. Пес захлопнул пасть и спрятал

кльки, но все равно смотрел на меня не совсем доброжелательно.

Так смотрит теща на нелюбимого зятя: и цапнуть хочется, и дочери жалко – а ну как сбежит зятек? Попробуй потом оправдаться перед родной кровинушкой. А там еще нужно искать замену... Где ее сейчас найдешь? То наркоманы, то пьяница, то вообще бесполое...

– Да ты проходи, проходи... – Старик посторонился и потянул за собой кобеля.

Проход был достаточно широким, но я буквально размазался по стенке, пытаюсь стать тонким, как блин, – лишь бы не коснуться черной шерсти пса, голова которого поворачивалась вслед за мной словно локатор.

Я попал в настоящий лабиринт, состоящий, как мне показалось, из одних коридоров, заставленных всякой всячиной. Паташон, выкупив остальные квартиры второго этажа, соединил их вместе, и теперь в анфиладе комнат и комнатушек легко было заблудиться.

Единственным достоинством жилища старого нумизмата были очень высокие и сильно закопченные потолки. Наверное, поэтому Паташон не мог снять с них паутину, в которой гуляли здоровенные пауки, по идее, знавшие еще первых коммунаром, отобравших дом у какого-то буржуя.

В конце концов, руководясь указаниями Паташона, идущего вслед за мной, я очутился в настоящей келье.

Это было жилище спартанца: жесткая тахта с ковриком

на стене, два старинных кресла с изрядно потертой обивкой, очень большой дореволюционный секретер с многочисленными ящичками, возле него резной стул с высокой спинкой, на полу нечто напоминающее лошадиную попону (при ближайшем рассмотрении и при наличии фантазии в нем можно было узнать ветхий персидский ковер), а в красном углу находился большой иконостас с зажженной лампадкой.

И больше никаких штучек, подсказавших бы наблюдателю, что на дворе двадцать первый век. Я словно возвратился лет, эдак, на сто назад; как минимум. В комнате не было даже радиоприемника, не говоря уже про телевизор. Ну разве что два лебедя на пруду и задумчивая дама возле него, нарисованные блудливой рукой ярмарочного мазилы на коврике над тахтой, лучше любых объяснений говорили, что это «произведение искусства» могло принадлежать только советской эпохе.

– Ты, это, Никита, садись, садись, – сказал Паташон, указывая на одно из кресел.

– Спасибо, – поблагодарил я, опасливо косясь на пса.

Он вошел в комнату вместе с хозяином и теперь лежал возле порога, наблюдая за каждым моим движением. Не пес, а гестаповец, право слово...

– Что-то принес? – спросил Паташон, глядя на меня не по-старчески цепким взглядом.

«Нет, уважаемый Иван Сергеевич, я пришел просто навещать вас, попить чайку, и покалякать о том, о сем», – едва

не сорвалось у меня с языка. Но я тут же его и прикусил – Паташон не любил шуток и не понимал их. В этом отношении он был прямой, как шпала.

– В общем, да...

– Ну, давай, давай, что там у тебя?

Паташон нетерпеливо и чисто конвульсивно задергал своими худыми руками-лапками, будто подгробал что-то под себя. В этот момент он здорово напоминал чахлого паучка, который оплетает липкими нитями неразумную муху, угодившую в его паутину.

– Мне бы проконсультироваться, – сказал я с невинным видом.

– Так чего же ты тянешь? Что у тебя... где, где?...

Я достал из кармана все тот же бумажный листок с изображением талера графа-чернокнижника и отдал его старику. Паташон схватил его одним молниеносным движением и сразу же побежал к секретеру. Там он сел на свой «императорский» стул, включил лампу и, естественно, достал из ящичка большую лупу.

Этот жест у нумизматов просто профессиональный. Даже когда лупа совсем не нужна, все равно берешь в руки этот очень важный в нашем деле инструмент, потому что без нее и голова словно не так работает, и уверенности нет, и вообще чувствуешь себя как голая модель на подиуме, забывшая надеть очередной наряд; чего-то не хватает, и все тут.

Паташон рассматривал сканы долго. По тому, как напряг-

лась его спина, я понял, что он узнал монету. Интересно, что этот старый прохиндей мне сейчас запоет?

Когда он обернулся ко мне, я поразился его мастерству перевоплощения. Теперь передо мною был не старый прижимистый сквалыга, а дедушка – божий одуванчик. Он мило улыбался и всем своим видом показывал, до чего ему приятно созерцать мою юную физиономию.

Теперь я понял, почему его прозвали Паташоном. В старые времена, еще в немом кино, подвизалась парочка датских комедийных актеров со сценическими псевдонимами Пат и Паташон. Пат, насколько мне помнится, был длинный, как оглобля, и своим внешним видом напоминал современного бомжа, а Паташон – низенький и очень хитрый.

– Никита, а не выпить ли нам за встречу? – спросил он, лучезарно улыбаясь, и тут же ответил сам себе: – Конечно же, надо... надо! Это же сколько мы с тобой не виделись? Дай Бог памяти... года два?

– Да, примерно так.

– Вот, вот – два года. А бывало... Помнишь?

– Ну...

– Эх, где мои...

Я боялся расхохотаться.

А старик тем временем начал доставать из секретера, который, похоже, служил ему еще и кухонным шкафом, бутылку коньяка, рюмки, бокалы, тарелки, вилки, какие-то консервы, лимон (уже нарезанный), яблоки, консервный нож,

литровый пакет абрикосового сока... В общем, все по-взрослому.

Все понятно. Старый хитрец решил меня подпоить, чтобы узнать большую тайну. А в конечном итоге купить дорогую монету за бесценок.

Мне очень не хотелось его разочаровывать, сообщив, что я не Мальчиш-Плохиш, а совсем даже наоборот, и великую тайну не выдам, и что водки, а тем более, коньяка, я могу выпить ведро без особого вреда для мыслительного процесса.

Так что мне эта бутылочка, что слону дробина.

Но я ничего говорить ему не стал. Все-таки старику хоть какое-то развлечение. Пусть еще раз поупражняется в искусстве ловить клиента на мякину. Иначе в этой берлоге он совсем закиснет.

Чтобы совсем угодить поистине дорогому гостю, Паташон притащил журнальный столик и даже накрыл его белой скатеркой с кружевной оторочкой. Судя по ее внешнему виду, она пролежала в комодке лет десять без движения, а то и больше.

Накрывал он на стол быстро и профессионально – словно всю жизнь проработал половым в каком-нибудь приличном трактире. Пять минут, и все закуски на местах, рюмки налиты, сок в бокалах – тоже.

– Кхе, кхе! – с торжественным видом прокашлялся Паташон, поднимая свою рюмку. – Хочу выпить, Никита, за тебя. Ты лучший среди молодых нумизматов. Можно сказать,

наша достойная смена.

– Спасибо, не возражаю...

Мы выпили: Паташон лишь слизнул капельку с поверхности янтарного напитка, а я опрокинул рюмку не без удовольствия. Все-таки, ликер – это хорошо, но коньяк гораздо лучше. И вообще, мне нужно было немного подкрепиться. Морально.

А более эффективного допинга для восстановления душевного равновесия, нежели марочный коньяк, для меня просто не существует. Даже хорошая водка не идет с ним ни в какое сравнение.

– Ну, давай еще... по единой... – Паташон опять с потрясающей ловкостью и сноровкой наполнил рюмки.

Вот старый мудрила... Не терпится ему добраться до сути. Нет, так дело не пойдет. Еще рюмашку хряпну и пора в бой. А не то Паташон постарается доиграть свою буффонаду до конца. Что предполагает долгое сидение под надзором потомка баскервильской собаки. Мне это надо?

Вторая порция коньяка вернула меня к жизни. До этого я был немного не в себе. Меня здорово вымотала дорога в Подлипки. Но она уже была последней соломинкой, сломавшей хребет верблюду.

Я был под впечатлением рассказа Князя. И чем больше я задумывался над историей графа-чернокнижника, тем сильнее зрело во мне убеждение, что он что-то недосказал. Не мог или не захотел?

От этих мыслей, которые постепенно начали приобретать черный окрас, мне показалось, что заключенная в коробочку монета, лежавшая в кармане, начала вибрировать и разогреваться. Я даже незаметно потрогал ее, чтобы убедить в этом. Признаюсь, потрогал не без трепета.

Конечно же, талер был не теплее моего тела и я успокоился. Вернее, постарался успокоить свое подсознание, которое упрямо сигнализировало: «Опасность! Опасность! Опасность!...»

Чушь собачья! Чем может грозить мне кусочек серебра? Да, монета старинная, да, необычная, может, на ней какое-то заклятье – ну и что?

Через руки любого коллекционера-нумизмата проходит столько экземпляров, несущих в себе отрицательную энергию, что иногда диву даешься, почему они живут и здравствуют. Притом нередко дольше, нежели обычный средне-статистический гражданин нашей страны. Наверное, потому, что хобби дарит дополнительные силы.

Дело в том, что, приобретая очередной раритет, даже заколдованный, нумизмат не преследует цель **ОБОГАТИТЬСЯ**. Он всего лишь **ПОПОЛНЯЕТ** свою коллекцию. А это совершенно разные вещи, потому как коллекционер собирает монеты разных эпох не только для себя, но и для всего человечества, чтобы дать людям новые знания.

Но вот те черные кладоискатели, что занимаются своим ремеслом ради наживы, здорово рискуют. И этому было

немало примеров. Многие кончали свою жизнь при весьма странных и таинственных обстоятельствах.

Заметив, что Паташон снова потянулся за бутылкой, чтобы в очередной раз наполнить мою рюмку, и остановил его словами:

– Иван Сергеевич! Я очень ценю ваше отношение ко мне, коньяк у вас просто чудо, мы хорошо сидим, но я ведь пришел по делу. Как это говорится: делу – время, а потехе – час. Что вы скажете об этой монете?

– Кхе, кхе!

На это раз Паташон не кашлял, а смеялся. Я удивленно округлил глаза.

– Ах, Никита... – Паташон с укоризной захлопал короткими желтыми ресницами. – Учил я вас, молодых, учил, да, наверное, недоучил. Ты хотя бы в справочник заглянул, Никита. Ну да ладно, я не в претензии. Скорее, наоборот. Спасибо, что зашел. Встретились, поговорили... Мне, старику, радость.

– Иван Сергеевич, а если поконкретней? Что-то я вас не пойму...

– Это рудничный талер, Никита. Проза... – Он со скучающим видом даже зевнул, все своим видом давая мне понять, что монета не представляют никакой особой ценности. – Он стоит всего ничего... где-то полторы тысячи долларов. В лучшем случае. Нужно еще посмотреть на его сохранность.

Артист! За кого он меня держит!? Во-первых, даже обычный рудничный талер стоит раза в два-три дороже той суммы, что называл Паташон. Они в наше время, пардон, на дороге не валяются. Ну, разве что подделка потянет долларов на пятьсот, и то если она выполнена хорошим мастером.

А во-вторых, Паташон УЗНАЛ его. Это я понял сразу, по неестественному блеску уже изрядно повыцветших от старости глаз.

– Ну и Бог с ним, с эти талером, – сказал я с деланной легкомысленностью. – Тогда наливайте. Я никуда не тороплюсь. Вы, надеюсь, тоже.

– А куда мне спешить? Вот ежели бы в обратную сторону... кхе, кхе... – засмеялся довольный Паташон. – Сбросить бы сейчас годков двадцать-тридцать...

Наверное, он думал, что дело уже в шляпе. Остановка была за малым – выудить у меня адрес продавца рудничного талера. Паташон вполне резонно предполагал, что монету я еще не приобрел, иначе принес бы ему не сканы аверса и реверса, а сам образец.

На такую реакцию Паташона, собственно говоря, я и рассчитывал.

Бутылку я додал до конца. С мстительным чувством. Мне было приятно наблюдать за страданиями Паташона, который с мученическим видом на морщинистом лице наблюдал, с какой скоростью понижается в бутылке уровень очень дорогой янтарной жидкости.

Видимо, он думал, что три-четыре крохотных рюмашки завалят меня как мамонта. Размечтался...

Он пошел в бой, когда я выразительно намекнул ему, покрутив со вздохом сожаления пустую рюмку в руках, что неплохо бы и вторую бутылочку поставить на стол. Гулять, так гулять. Два года не виделись...

Похоже, Паташон наконец понял, что его план не сработал, так как гость пил спиртное, словно лошадь воду, поэтому решил больше не вводить себя в разор, а действовать по накатанной дорожке, где ему не было равных.

– Никита, а этот талер ты уже купил? – спросил он буднично безразличным тоном, разливая по чашкам только что сваренный кофе.

Оказалось, что в секретере он держит и кофеварку, и магазинную питьевую воду в пластиковом баллоне.

Интересно, а что если бы пошарить по ящичкам этого чудо-секретера? Думаю, там много интересного можно найти. В этом я уже совершенно не сомневался.

– Не-а, – ответил я ему в тон, изображая в этот момент блаженство от аромата, который исходил из моей чашки вместе с паром.

Надо сказать, что запах этот был отнюдь не на высоте. Наверное, Паташон пожадничал и предложил мне самый дешевый сорт кофе, который только мог отыскать в безразмерной утробе секретера. А может, у него и не было чего-нибудь поприличней.

Но крепостью напиток поражал, не скрою. После трех глотков моя голова стала ясной и светлой, словно внутри черепной коробки произошла генеральная уборка.

– Будешь покупать? – Тут Паташон не выдержал и метнул в меня взгляд как копье.

– Да как вам сказать...

Я изобразил колебание.

– Понятно, понятно... – Паташон по-отечески улыбнулся. – Тебе этот талер не нужен, и ты хочешь произвести ченч... или купить его для последующей перепродажи. Я не ошибся?

– Нет, торговать талер я не собираюсь...

Он у меня и так в кармане, подумал я не без ехидства.

– Попросят две штуки... но это дороговато, – продолжал я с невинным видом.

– А что, ты прав, – бодро заявил старик. – Зачем тратить деньги зря? За две тысячи долларов можно приобрести у наших «жучков» три таких монеты. Но если ты не хочешь покупать, то может, мне адресок подкинешь? Ась?

– Вам-то зачем? Насколько мне помнится, у вас такая шикарная коллекция немецких талеров, что иметь ее лучшие музеи мира посчитали бы за честь.

– Это правда... кхе, кхе... – Паташон самодовольно рассмехался. – Но и этот талер я бы пристроил. Местечко найдется.

Еще бы... Ну ладно, хватит спектакля. А то, я вижу, ста-

рик настроился на многочасовую торговлю.

Мне сейчас как-то недосуг ему напоминать, как он «учил» меня коллекционировать монеты. Паташон едва не втюкал мне новодел по совершенно баснословной цене, выдав его за подлинный раритет. Я, юный лопух, поверил ему, уши развесил, слушая его басни. Он просто заморозил меня, заболтал.

Хорошо, что в тот момент я не имел при себе той суммы, которую запрашивал Паташон. Пока собирал деньги для покупки, в моих мозгах наступило просветление, и я решил посоветоваться с Князем.

Дед долго смеялся, узнав про мой «бизнес» с Паташоном, а потом позвонил ему и прямо при мне отчитал старого брехуна, как мальчишку. И что? А ничего. При следующей встрече Паташон вел себя со мной так, словно между нами и не было никаких переговоров на предмет продажи подделки.

Старый прохиндей...

– Ладно, Иван Сергеевич, хватит притворяться, – сказал я сухо. – Вам этот талер хорошо известен. Вы видите его не в первый раз. И цену монеты вы хорошо знаете. Полторы тысячи долларов... – Я скептически ухмыльнулся. – Не надо нам ля-ля, мы уже не дети. Эта монета стоит гораздо дороже. Это говорю для того, чтобы разом снять все попутные вопросы. В данный момент меня интересует только одно: кому вы ее продали?

Паташона словно хватил столбняк. Наверное, переход был чересчур резок. Похоже, он до сих пор считал ме-

ня несмышленишем, молокососом, которым можно вертеть, как угодно. Тоже мне, зубр...

– Кхе, кхе... – наконец прокашлялся Паташон после длинной паузы. – Не ожидал я от тебя, Никита, не ожидал...

– Иван Сергеевич, я ничем вас не обидел. Мне приятно вас видеть. Это правда...

(Врешь ты, Бояринов, ой, врешь! Как самый распоследний сукин сын).

– Но будем откровенны, – продолжал я, даже не запнувшись на своих посторонних мыслях. – Талер весьма необычен, и вы это знаете. Может, вам известна и его история. Однако, это не суть важно. Главное другое – кто купил монету?

– Не знаю! – отрезал Паташон и демонстративно начал убирать со стола.

Похоже, он признал свое поражение, но не хотел в этом сознаваться.

– Иван Сергеевич!... – Я с такой ярко выраженной укоризной заглянул Паташону в глаза, что он смутился и отвел взгляд в сторону.

– Ах, Никита, Никита... – сказал он с горечью в голосе. – Обманул старика... Нехорошо.

– Да, нехорошо. Простите меня. Но теперь мы с вами квиты.

– Ты о чем?

– Вам напомнить или не надо?...

– Не надо, – сердито ответил Паташон. – Я еще не совсем

из ума выжил. Что было, то быльем поросло.

– Вот и я об этом. Я почему-то абсолютно уверен, что имя покупателя этого талера вы помните до сих пор.

– Мне бы твою уверенность, – буркнул Паташон. – Научил на свою голову... Вцепился в меня, как клещ.

– А мне было у кого учиться... – Я приятно улыбнулся. – За что вам огромное спасибо. Теперь в нумизматике я задних не пасу.

– Вижу. Обошел меня на повороте, да так ловко, что я, старый дурень, даже не заметил.

– Так вы скажете или нет?

– Зачем тебе это надо знать?

– Если я отвечу, что для удовлетворения элементарного любопытства, вы не поверите. Но и всю правду выложить не могу. Может быть, потом, попозже. Говорю вам все это, как на духу.

– Темнишь, темнишь, хлопчик... Что ж, твое право. И я бы так поступил. Признаю. В общем, ты прав, талер я помню. А вот имя покупателя я, конечно же, забыл. Старею, Никита, старею. Поймешь когда-нибудь... – Заметив, что я сильно огорчился и мгновенно помрачнел, Паташон ехидно ухмыльнулся и продолжил: – Но это не беда. У меня все записано. Погодь чуток...

Он снова нырнул в свой чудо-секретер, покопался там немного, и достал из ящика толстую линованную книгу бухгалтерского учета.

– Тэк-с... – Паташон листал книгу как автомат – с потрясающей быстротой. – Посмотрим... Год – нашел. Месяц... Дата – тринадцатое августа. Вот, есть – рудничный талер, серебро, вес, описание... Продан... – И он назвал фамилию покупателя.

Я буквально закаменел в кресле от неожиданности. Этот человек был мне более чем знаком.

Глава 13

Я пришел к родителям как раз вовремя. Мамаля приготовила свой фирменный борщ, потрясающе аппетитный запах которого я учуял еще в подъезде. Когда я вошел в квартиру, она как раз разливала борщ по тарелкам – батя приехал с работы. Он уже успел принять душ и теперь сидел за столом покрасневшийся и довольный.

– А, Ника! – воскликнул он – как обычно, экспрессивно. – В самый раз. Я тут сижу, смотрю на графин и думаю – с кем бы выпить? Одному как-то не в жилу. А мать у нас употребляет только компот.

– Перестань! – Мамаля посмотрела на него с осуждением. – К чему ты ребенка приучаешь?

– Ну, не такой он уже и ребенок... – Батя окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног. – Что-то ты, парень, неважно выглядишь. Какой-то помятый. Никак загулял?

– Проблемы... – бросил я коротко и пошел мыть руки.

Когда я возвратился, отец уже разлил настойку по рюмкам и дожидался меня, глотая слюнки.

– А мне? – Мать посмотрела на него с вызовом.

– Вот те раз! – удивился отец. – Это по какому же поводу?

– Сын наконец в гости пришел, – ответила она, взглянув на меня с укоризной.

Я виновато опустил голову и промолчал. А что скажешь?

Телефон – это проклятие века. Чего проще: поднял трубку, набрал номер, спросил у стариков «Как дела, как живете, не болеете ли, может, чего надо?», и потом с легким сердцем целый месяц считаешь, что долг перед родителями выполнен.

Настойка взорвала внутри бомбу. Серая муть в голове вдруг исчезла, и мысли стали светлыми и прозрачными. А когда вслед настойке пошел горячий борщ, я почувствовал себя на верху блаженства.

Нужно сказать, что настойку готовил сам отец. Он рассказывал, что в ней присутствуют восемьдесят семь трав. И я верил ему. Батя был помешан на здоровом образе жизни и употреблял только экологически чистые продукты. По крайней мере, так он утверждал.

Что касается трав растений, то отец привозил их с Алтая. У него там жил друг, и он навещал его раз в два года.

С Алтая батя приезжал нагруженный как ломовая лошадь. Он тащил на себе маленькую копну сена – пучки целебных трав, бочонок алтайского меда, туго набитый рюкзак каких-то корешков и сушеных ягод, а также деревянные скульптурки местных умельцев, изображающие разных страшилищ – своих древних божков.

По его словам, он общался там с шаманами и знахарками, у которых добывал диковинные рецепты. Одно время батя запал на философию буддизма под влиянием своего алтайского друга, и я уже начал опасаться за его обычно здравый

рассудок, но потом он неожиданно резко завязал с этим делом и возвратился в лоно православной церкви.

Что, впрочем, не мешало ему приносить жертвы в виде вина, хлеба, молока и так далее древним идолам разных эпох и народов, которых он в обязательном порядке посещал во время своих зарубежных командировок.

После ужина я сказал:

– Батя, надо поговорить...

Он бросил быстрый взгляд на мать, которая в этот момент мыла посуду, и коротко кивнул.

– Мы пойдем ко мне... перекурим, – объявил он матери.

Кабинет отца был просторным и светлым, несмотря на обилие антикварной мебели. Старинные дрова были в нашей семье в особом почете. Отец собирал все эти уродливые, как на меня, канапе, комоды, секретеры, столы и стулья где только мог.

Со временем я привык, что наша гостиная обставлена в стиле ампир, будуар мамани – в стиле рококо, а кабинет отца представлял собой навороченное барокко – весь в позолоте, инкрустациях и резных финтифлюшках. А когда мне стукнуло тридцать, я неожиданно понял, что мне нравится это старье; оно навевало патриархальное спокойствие, умиротворенность и рассудительность.

В принципе, батя не курил. Но иногда он брал старинную трубку с длинным чубуком, садился в свое козырное кресло, напоминающее трон, и по всей квартире разносился медо-

вый аромат табачной смеси, которую отец готовил сам, добавляя в голландский трубочный табак алтайских травок.

В такие моменты жизнь в доме замирала; все ходили едва не на цыпочках, разговаривали шепотом, а телефон накрывали подушкой. Табачный дым означал, что Чапай думает. Обычно после таких умственно-табачных упражнений у отца рождалась очередная гениальная идея, и он бежал на работу, даже если на дворе была глупая ночь

– Будешь?... – спросил отец, открывая красивый деревянный пенал, где лежали трубки в количестве семи штук.

Все эти трубки были подарками, в основном ко дню рождения. Батя был не только ученым, но еще и начальником, а подчиненные, как это всем известно, просто пылают горячей любовью к своему боссу.

– Спасибо, пап, я свои...

Удивительно, но факт: дым от трубочного табака гораздо приятнее нюхать, нежели его курить. Наверное, все дело в привычке.

Например, мой дед-академик с наслаждением смолил ядерный самосад; эту привычку он приобрел сначала в лагере, а затем работая в шарашке. Самые лучшие сигареты казались ему слабыми и пресными.

Но положение обязывало; не будешь же на приеме в Кремле крутить «kozyю ножку» из газеты, где напечатан портрет вождя. И дед, скрепив сердце, носил в кармане магазинное курило, но не сигареты, а папиросы, хотя мог позволить себе

даже самые дорогие сигары. Упрямец...

Мы закурили. Отец явно был обеспокоен моим поведением. Я знал, что интуиция у него потрясающая. Он всегда словно читал мои мысли. В детстве это его свойство даже пугало меня.

Дело в том, что в грессбухе Паташона был записан мой отец. Это он купил талер у старого нумизмата.

Фамилия и адрес там были другими, но я-то знал, что по всем командировкам, в том числе и заграничным, батя ездит по документам, выданным гражданину Борису, проживающему по улице Университетской. А в бухгалтерской книге Паташона как раз и значился Борисов.

– Ну, давай, выкладывай, что там у тебя стряслось? – с деланным спокойствием сказал отец и спрятался от меня в облаке дыма.

– Да в общем... есть небольшие проблемы...

Я колебался – говорить, не говорить? А если да, то в каком объеме? В конечном итоге я решил, что историю графа-чернокнижника можно не упоминать; это чтобы не травмировать впечатлительную отцовскую натуру.

Ну, а обо всем остальном рассказать придется. Я, кстати, был очень удивлен, когда старики не обмолвились ни словечком об убийстве Хамовича. Неужто не знают? Это меня удивляло. Обычно маманя слушала городские новости и утром, и вечером.

Может, в информационном сообщении не был указан ад-

рес дома, где случилось убийство? Весьма вероятно, что так оно и есть.

Отец выслушал меня молча и с застывшим лицом. Это был дурной знак. Обычно он всегда живо реагировал на мои рассказы, задавая наводящие вопросы и подшучивая, так сказать, по ходу пьесы.

Но сегодня он вдруг стал сам на себя не похож. Когда я закончил свое повествование (о монете я пока не вспоминал, говорил только об убийстве Хам Хамыча и о событиях, связанных с преследующими меня странностями), батя с сосредоточенным видом принялся вновь раскуривать потухшую трубку, будто в данный момент это было самым главным и важным вопросом.

Я не торопил его. Отец размышлял. У него были не мозги, а целая Государственная Дума. Естественно, в идеальном варианте. Это если убрать из нее разных проходимцев, прилипал и корыстолюбцев, оставив только порядочных и умных людей.

– Боюсь, убийством Хамовича дело не закончится, – наконец сказал он с сокрушенным видом. – Ты ничего от меня не утаил?

– В общем... да. Почти ничего.

– То есть?...

– Может, забыл что-то.

– Самое время все вспомнить и проанализировать, как следует. Увы, – он посмотрел на меня с жалостью, – в этом

деле ты не шибко силен.

– Отец, ты несправедлив ко мне. В том, что я такой болван, есть и твоя вина. Тебе ведь известно выражение, что на детях гениев природа отдыхает. А у нас в роду их уже двое – ты и дед.

– Не кидай мне леща. И не прикидывайся дурачком. Ты просто ленивый олух царя небесного. Для тебя занятие мыслительным процессом сродни разгрузке вагонов с цементом вручную. Ты воротишь нос от любой работы. Играешься в свои монетки, как школьник, да бока на диване пролеживаешь. Тебе уже давно пора жениться. Но кто за тебя такого пойдет? Девушкам нравятся мужчины, а ты все под мальчишка косишь.

– Папа, у меня есть просьба: запиши все свои наставления на бумаге. Чтобы в следующий раз мы не теряли время зря. Моя жизнь – это моя жизнь. За то, что вы меня родили, большое вам спасибо. Этого я век не забуду, можете не сомневаться. Но дальше позволь мне идти без поводыря. Как-нибудь сам справлюсь.

– Ладно, сынок, не сердись... Наверное, я старею и говорю глупости. Извини. Живи, как знаешь. Ты и впрямь уже взрослый мужчина. Только в кутузку не попадай. Это у нас семейное. Я в свое время только благодаря твоему деду не сел...

Эту историю я знал. Возле школы, где учился отец, был парк. И туда как-то привезли огромную статую воина-осво-

бодителя, разобранный на несколько частей – чтобы установить памятник к какому-то юбилею.

На большой перемене вездесущие пацаны начали играть в прятки возле бетонных глыб, взбираться на них и даже что-то там нацарапали гвоздем. А уже к концу занятий был готов донос, где батя фигурировал как злостный вредитель и антисоветчик, пытавшийся выцарапать памятнику глаза.

Не знаю, почему стукач указал именно на него. Наверное, потому, что больших умников не любили во все времена. А батя был круглым отличником.

Он говорил, что тот злополучный гвоздь даже в руках не держал. В общем, отца из школы исключили и завели на него уголовное дело. Ему грозил «червонец», несмотря на малые годы.

Но на его счастье к тому времени возвратился из очередной командировки дед (его вызвала срочной телеграммой перепуганная до смерти бабуля, которая могли пойти в зону вместе с батей – за компанию).

Он быстро разрулил ситуацию (для чего ему пришлось обращаться едва не к кремлевским «небожителям»), и отец отделался лишь легким потрясением. Хорошо, что это было после пятьдесят третьего года, и Сталин уже лежал в мавзолее вместе с Лениным. Политические репрессии еще существовали, но они здорово выдохлись и катили только по инерции.

Такие были времена...

– Вообще-то, история неприятная, – продолжал отец. – И очень странная. Каким боком ты к ней лепишься, не могу понять.

– Какая история? С тем уродливым попрошайкой? Или ты говоришь о лозоходце?

– Это частности. Детали. Но они складываются в зловещую мозаику. Я имею ввиду убийство твоего соседа.

– Позволь... При чем тут убийство!? Я не имею к нему ни малейшего отношения. Ты что, мне не веришь!?

– Не говори глупости! У меня даже в мыслях не было заподозрить тебя в чем-то таком. Дело не в том, верю я тебе или нет...

– А в чем?

– Ты помнишь, у кого Хамович купил квартиру?

– Конечно. Как я могу не помнить. Этот черный ворон всему двору намозолил глаза. Хорошо, что он съехал. Неприятный тип. Да и вся семейка у него была с прибабахом.

– Он не всегда был таким, – сумрачно улыбнулся отец. – Когда-то этот «черный ворон», как ты его назвал, работал под началом нашего деда.

– Что-о!?

– А то. Ему и квартиру давали вместе с нами, от одной и той же организации.

– Вот это новость... Почему дед ни разу мне об этом не говорил?

– На то была веская причина. В восемьдесят третьем году,

когда твой дед уже был академиком, у него завелся хороший приятель в КГБ, генерал. Они что-то там вместе изобретали. Так вот, этот генерал где-то в конце восьмидесятых годов дал нашему деду посмотреть папку с делом, по которому его отправили на Колыму. Среди множества разных бумаг находился и первоначальный донос, написанный рукой... Жовтобрюха.

Я лишь глаза таращил от изумления. Жовтобрюх жил рядом с нами столько лет, и дед ни разу не обмолвился, какая сука наш сосед! А я все думал, почему этот черный ворон, завидев меня, старался прошмыгнуть мимо как можно незаметней. На воре и шапка горит.

– Узнав об этом, отец уволил его немедленно, – продолжал батя. – Понятное дело, под благовидным предлогом. Он как-то признался мне, что совершил такую подлость впервые в жизни. Это его очень угнетало. Но простить Жовтобрюху донос он не смог. Да и как порядочному человеку работать со стукачем бок о бок, встречаясь с ним каждый день?

– Правильно сделал, – сказал я мстительно. – Надо было вообще башку этому Жовтобрюху отвернуть. Жаль, что я раньше об этом ничего не знал...

– И чтобы ты сделал?

– Не знаю. Нашел бы, как насолить этому козлу, можешь не сомневаться.

– Значит, правильно твой дед сделал, что не стал распространяться на счет Жовтобрюха. Доносчик и так был сильно

наказан. Его потом не принимали ни на одну стоящую работу. Уж не знаю, почему. В конечном итоге Жовтобрюх доказался до кладбищенского сторожа.

– Поделом ему... – буркнул я со злостью.

Жовтобрюх запомнился мне черной одеждой (он носил длинный балахон, похожий на плащ-палатку, серую рубаху, которая, как мне тогда казалось, никогда не знала стирки, и мятые-перемятые хлопчатобумажные брюки) и жидкими волосами серого цвета, обсыпанными перхотью.

Одно время соседи поговаривали, что Жовтобрюх посещает секту сатанистов, но он вел себя настолько тихо и жил так скрытно, что постепенно все эти разговоры сошли на нет. Для жильцов дома он был фантомом, потому что уходил на работу ранним утром, когда люди еще спали, а появлялся дома вечером, когда темнело.

Такая же точно была у него и жена – белобрысое, безмолвное и почти бесполое с виду существо, напоминающее летучую мышь; мелькнула серой тенью мимо бабок, сидящих на скамейке у подъезда, и словно ее и не было. Не женщина, а пустое место.

Что касается отпрысков Жовтобрюха – их у него было трое, все мальчишки – то они никогда ни с кем не дружили, держались вместе, а свои детские игры устраивали на старом кладбище, среди склепов и надгробий.

В общем, странная семейка, чтобы не сказать больше. Не скажи отец фамилию нашего бывшего соседа, я бы ее даже

не вспомнил.

– Так что ты там говорил насчет мозаики? – спросил я, быстро переварив в голове историю грехопадения Жовтобрюха.

– Насколько мне известно, газет ты не читаешь, местные новости по телевизору смотришь очень редко, поэтому о городской жизни ничего не знаешь. Верно?

– Ну, почти что так. Слушать и смотреть сплошное вранье нашего губернатора и его прихлебателей у меня нет никакого желания. Для кого они так стараются перед телекамерами, непонятно. Наш народ не так глуп, как думают чиновники разных рангов. И он еще предъявит им свой счет, можешь не сомневаться. И вообще – зачем мне этот телевизионный мусор в голове? У меня там и так мякины хватает.

– Интересно, чем ты вообще занимаешься? Кроме того, что валяешься на диване?

– Батя, я бизнесмен – кую бабки на ниве нумизматики. Это тоже, между прочим, бизнес. Он приносит мне определенный доход. На жизнь хватает, даже с лихвой. Я ведь давно не прошу у тебя денег.

– Эх, Никита... Надо было драть тебя ремнем в детстве. Да интеллигентность не позволяла. В чем я и раскаиваюсь. А сейчас за ремень братья поздно.

– Пап, ну не такой уж я и плохой. Согласись. А что касается нумизматики, то этой страстью заразил меня наш дед. Так что все претензии к нему.

Отец ласково улыбнулся и потрепал меня за вихры.

– Негодник... Умеешь ты забалтывать человека. Так вот, весною этого года Жовтобрюх был убит.

– Как... почему!?

– Вопросы у тебя... В прессе и на телевидении этот сюжет лишь промелькнул. В тот момент как раз случилась трагедия с автобусом, в который врезался груженный КАМАЗ. Помнишь?

– Это я помню. Тогда был сильный гололед и туман.

– Точно. Поэтому страницы всех газет пестрели репортажами с места аварии. Да и телевидение от них не отставало. Сенсация... черт бы побрал всех этих писак и болтунов. На людском горе паразитируют. Чем больше всяких пакостей в сюжете, тем журналист круче и талантливей. Бред...

– Ладно, с автобусом все ясно, – сказал я нетерпеливо. – Где и как был убит Жовтобрюх?

– Его убили на кладбище. В прессе об этом не сообщалось, но у меня в милиции есть приятель в больших чинах, мы с ним ходим париться в одну баню, так вот он рассказал, что над нашим бывшим соседом словно тигр поработал. Жовтобрюх был буквально разорван. Кроме того, убийца измазал кровью все близлежащие надгробья. В общем, картина была не для слабонервных.

– Убийцу нашли?

Отец посмотрел на меня странным взглядом и отрицательно покрутил головой.

– Вот в этом вся наша доблестная милиция, – сказал я не без сарказма. – Если бока намять безвинному, так менты тут как тут, а ежели преступление раскрыть, так им вечно что-нибудь мешает... как плохому танцору мужские принадлежности.

– Не в этом дело, – сказал отец.

– А в чем?

– Как намекнул мне генерал, убийство, скорее всего, было ритуальным.

– Во как... А почему он так думает?

– Возле убитого нашли несколько свечных огарков из черного воска.

– Допустим, все это правда. Но я опять-таки не понимаю, что ты подразумевал под словом «мозаика»?

– Ну, во-первых, Хамович, если отталкиваться от твоего рассказа, был убит так же, как и Жовтобрюх. Закономерность улавливаешь? Ты скажешь, что не было черных свечей. Давай этот пункт уточним: ты их просто не видел, потому что свечи изъяли как вещественное доказательство. Это может быть? Да, может.

– Надо будет спросить у Ляхова... – пробурчал я себе под нос.

– Что ты сказал? – спросил отец.

– При случае уточню этот момент у опера, который ведет расследование дела об убийстве Хамовича.

– Уточни... Так вот, это еще не все. Это уже цветочки, но

еще не ягодки. А листочками являются странные телефонные звонки, тот уродливый нищий и «лозоходец». Что касается стебля и корней – откуда ноги растут у всех этих кровавых событий – то здесь вообще темный лес. Можно только догадываться.

– Пап, я никогда не думал, что ты такой фантазер. Причем здесь одно к другому!?

– Ника, я это чувствую. Ты понимаешь, о чем я?

Еще бы не понимать... Вся наша семья знала, что дед был не только академиком, но еще и экстрасенсом. Но свои способности он применял только на работе. Какая-то часть его дара перешла по наследству и к отцу. Об этом мне стало известно совсем недавно.

Но батя постарался выбросить из головы «эти глупости», как он говорил, и посвятил всю свою жизнь прагматическим прикладным наукам. А сегодня он, похоже, решил нарушить табу.

– Понимаю, – ответил я очень серьезно.

– Попробую посмотреть, – сказал отец напряженным голосом.

Похоже, ему очень не нравилось то, чем он сейчас должен был заняться. Отец прикрыл веки и напрягся; на висках у него вздулись жилы, лоб покрылся испариной, а лицо стало бледным и чужим.

– Я вижу какую-то конфигурацию... что-то темное... и щупальца, как у спрута... – Он начал говорить каким-то за-

гробным голосом, медленно и натужно, словно выдавливая слова из горла. – Тебя я тоже вижу... но в стороне...

На какое-то время отец умолк. Создавалось впечатление, что он во что-то всматривается, но с закрытыми глазами. Отец даже шею вытянул, как это обычно делают люди в подобной ситуации.

– Нет! Не-ет!!! – вдруг вскричал он и, мотнув головой, резко отшатнулся назад; но глаз так и не открыл.

Мне показалось, что отец потерял сознание.

– Папа, что с тобой!?

Я схватил отца за плечи и начал трясти. Спустя несколько секунд, которые показались мне вечностью, веки его глаз дрогнули и поднялись. На меня смотрели совершенно чужие, какие-то стеклянные глаза.

– Батя, очнись! Папа...

Я испугался так, как никогда прежде. Меня всего трясло.

– Все нормально, Ника, все нормально... – сказал отец по-прежнему глуховатым голосом и поискал что-то глазами.

Я понял, что он хочет. На большой бронзовой пепельнице девятнадцатого века с фигурками джентльменов-охотников и загнанного оленя в окружении собак, лежала его трубка; она еще дымилась. Я подал трубку отцу, он жадно схватил ее и сделал несколько глубоких затяжек.

– Уф-ф... – Отец покачал головой. – Больше никогда... Даже под угрозой расстрела...

– Зачем ты это сделал!?

– Сынок, а можно без глупых вопросов?

Я смущенно потупился. Вопрос и впрямь был наивным. На его месте я поступил бы точно так же.

– В твоём доме ещё кто-то умрет, – сказал он с большой тревогой. – Скоро.

– Не исключено. У нас много стариков.

– Я не об этом. Будет ещё одно убийство. И оно случится в твоём подъезде.

– Ты... ты это видел!?

– Не помню. Кажется...

– То есть, как это – кажется?

– А как во сне. Все забывается, остается лишь главное – или радость, или тревога. Я просто знаю, что нужно ждать беды – и все. Больше никаких подробностей.

– Но ты же говорил, что будет убийство!

– Да. Я видел кровь. Много крови.

Мне стало не по себе. Я немного помялся, а затем осторожно спросил:

– И кого там... на этот раз?... Ты не знаешь?

– Не волнуйся, – сразу понял меня отец. – С тобой должно быть все нормально. Ты был рядом, и в то же время в стороне. Я не заметил на тебе черных теней.

– Спасибо, батя. Утешил... И что мне теперь делать? Бежать в милицию с заявлением? Мол, так и так, мой гениальный и прозорливый отец предрекает дому по такому-то адресу страшную трагедию... Блин! Меня засмеют. И хорошо,

если не дадут пинка под зад.

– Никуда не нужно бежать. Беда в твоём подъезде неотвратима. Вот уж это я знаю точно...

Отец вдруг умолк, а потом, судорожно сглотнув, продолжил, не глядя на меня:

– Ника, может, поживешь у нас недельку, другую? Мать соскучилась, я тоже...

– Пап, ты же фаталист. Чему быть, того не миновать.

– Перестань! – Голос отца сорвался на фальцет. – Я не сивилла*, а мои видения могут быть всего лишь бредом сивого мерина.

– Вот и я об этом... – Я преисполнился решительности – или сейчас, или никогда. – Ты лучше скажи мне, как попала к тебе эта монета и куда она потом девалась?

*Сивиллы – в греческой мифологии прорицательницы, в наркотическом экстазе предрекающие будущее (чаще всего бедствия).

Я подсунул ему под нос все тот же листок со сканами рудничного талера.

– Опять ты за свое... – буркнул недовольно отец и взял листок в руки.

– Узнаешь? – Я затаил дыхание.

– Конечно. Памятью я еще не слабую. Было дело. Я приобрел эту монету у какого-то старика – из ваших. Зашел как-то в клуб нумизматов и купил.

– Зачем? Ты ведь не коллекционер. И потом, я думаю, она

досталась тебе совсем не дешево.

– Верно. Тот старый хрыч все жилы из меня вымотал, пока сдался и мы сговорились. Хорошо, что тогда были не такие цены на все, как сейчас, и ходили в основном рубли, а не доллары. Что касается твоего вопроса, зачем мне нужны были монеты, то здесь нет никаких секретов. Я тогда купил их не только у зловредного старикашки, но еще у двух или трех человек. Мне нужно было для опытов серебро с определенными свойствами. Старинные серебряные монеты подходили для моих целей просто идеально. А твой дед отказался поделиться со мной частью своей коллекции, хотя я уверял его, что с монетами ничего не случится.

– Ты что, делал из раритетных монет контакты!? – Я невольно ужаснулся. – Это же варварство!

– Наука требует жертв, сынок. К тому же монеты я не портил. Меня интересовали другие вещи.

– Какие?

– Не забивай мозги разной чепухой. Это тебе не нужно. Если я скажу, что исследовал, как испарятся различные сплавы серебра в волноводах при таких-то и таких режимах, ты поймешь, о чем идет речь?

– Нет, – признался я.

– То-то. Эту монету, кстати, я хорошо запомнил.

– Почему?

– Потому что она чеканена из серебра высочайшей пробы. Когда мои лаборанты провели спектральный анализ этой

монеты, то ахнули. Старинное серебро практически без посторонних примесей – это что-то уникальное. Такую пробу можно получить только на современном оборудовании.

– Понятно, – сказал я нетерпеливо. – А потом? Что было потом?

– Потом монета исчезла.

– Как, куда?

– Полегче вопросов у тебя нет? Не знаю. Это надо было у твоего деда спросить. Он забрал ее у меня – и все, с концами. Я спрашивал, но отец в ответ сказал, что монету украли. И все, больше никаких объяснений. А она, кстати, не была моей собственностью, я за нее платил казенные деньги. Пришлось вернуть в кассу со своего кармана...

– А как он заметил эту монету? Или ты домой ее принес?

– Монета попала на глаза нашему деду случайно. Он как-то зашел ко мне на работу, пользуясь своим удостоверением. Оно у него было каким-то особенным, так что охрана пропустила отца, взяв под козырек. А у нас, ты уже знаешь, и сейчас с этим делом очень строго, а тогда и вовсе мы были за семью замками.

– Знаю, – сказал я с легкой обидой. – Дальше твоего кабинета меня так и не пустили.

Отец рассмеялся. Он уже полностью пришел в себя и на его лице вновь появился румянец. Вернее, кожа приняла свой обычный смуглый оттенок, чем отличалась вся наша семья.

– Правильно сделали, – ответил он. – Иначе пошел бы ты в науку, а там лентяям и лежебокам делать нечего. И мучился бы я с тобой, продвигая тебя, благодаря своим связям, по служебной лестнице.

– А это, конечно, противоречит твоим жизненным принципам, – подхватил я с иронией.

– Скажем так – противоречило. Нынче мы все здорово изменились. Даже академики и профессора. Деньги, деньги – вот самое страшное зло в мире. Диссертации покупаются, должности – тоже... До чего дошло – студенты должны платить за сдачу экзаменов! Мерзость...

– Пап, не растекайся мыслию по древу. Давай про деда.

– Он как увидел эту монету, так сразу и схватил ее. Где взял? – спрашивает. И вижу, что очень волнуется. С чего бы? Я объяснил. Он немного успокоился, положил ее в карман и ушел, пообещав вернуть. Даже не сказав, по какому делу приходил. С той поры я больше монету не видел. А затем через какое-то время он сказал мне, что монета тю-тю. Вот и вся история. Но самое главное: перед тем, как забрать этот талер, он положил его на стол и попросил, чтобы я передал ему монету из рук в руки. Станный у нас был дед...

Еще какой странный, подумал я. Похоже, дед сразу определил, что от этого талера за версту тянет колдовством. Уж в чем, чем, а в этом дед разбирался почище всяких там шаманов и экстрасенсов.

Но как монета попала к Жовтобрюху? Это был вопрос...

Глава 14

Я переночевал у родителей. Мать не отпустила меня, на ночь глядя. Да я и сам не хотел. Хорошо, когда есть кому голову положить на плечо... Я любил своих стариков, хотя сыном был, мне кажется, никудышным.

Родные пенаты действовали на меня как патентованное снотворное. Я уснул, едва голова коснулась подушки. И проспал до девяти утра. Отец давно уехал на работу – за ним приезжала шикарная черная «ауди» – а мать гремела посудой на кухне. Она, как обычно, стряпала что-то вкусненькое.

Только приняв душ, я вспомнил, что вчера вечером хотел позвонить матери Лизаветы. Ругая себя последними словами за душевную черствость, я набрал уже хорошо запомнившийся номер.

– Слушаю! – раздался на другом конце провода почти крик.

Я сокрушенно вздохнул – это была не Бет.

– Здравствуйте. Никита...

– Я узнала...

Голос матери моей подружки мгновенно стал невыразительным и безжизненным. Все понятно. Можно и не спрашивать. Елизавета еще не объявилась. Но я все-таки продолжил разговор:

– Вам... никто не звонил?

ши катали своих детишек в колясках, толстый мужик в шляпе, похожий на бульдога, выгуливал крохотную болонку с розовым бантом на ошейнике (надо было видеть эту идеалистическую картину), чирикали воробьи, хлопотливо подбирая с тротуара хлебные крошки...

В общем, все было как обычно. Нормальная городская жизнь. Если зло где-то и таилось, то о нем обыватель обычно узнавал в последнюю минуту, о наступлении которой он не имел ни малейшего представления.

Но я-то знал... Я не мог не поверить отцу. Что-то должно случиться... Должно случиться! В нашем доме... Когда? Неизвестно. Скоро... Скоро – это понятие растяжимое.

Нет ничего хуже ожидания!

Возле дома меня уже встречали. Я только вздохнул – опять этот опер, Ляхов. И он был не один, а с сотрудником, судя по юному лицу, рангом пониже. Неподалеку стояла милицейская машина, откуда на меня настороженно смотрели водитель и мужик в роговых очках. Интересно, кто он? На мента вроде не похож...

– Мы вас заждались, – довольно неприветливо сказал майор. – Пойдемте...

– Куда?

– К вам домой.

– Зачем?

– У вас будет обыск.

– Вы... вы что? Зачем... С какой стати!? А у вас есть ор-

дер?

– Конечно, – ответил Ляхов. – Вот...

Он ткнул мне под нос официальную бумагу с печатью, но я все равно не смог разобрать, что там написано – буквы расплывались. Словно у меня начали слезиться глаза.

– Что ж, коли так, никуда не денешься, – сказал я покорно, все еще пребывая в ступоре, и поплелся впереди неприятной компашки во главе с Ляховым.

Я пришел в себя и начал кое-что соображать только тогда, когда мы вошли в квартиру, и обыск начался. Катализатором моего душевного возрождения послужил Лукич, которого менты пригласили в качестве одного из понятых.

Он, как обычно, слонялся без дела по двору, не выпуская изо рта длинную сигарету, распространяющую окрест ароматы свободолюбивой Кубы. На моей памяти Лукич был понятым семь или восемь раз. По-моему, со временем это стало его хобби.

Впрочем, старика можно было понять – он жил один-одиношенек, что вредно сказывалось на его энергичной жизнелюбивой натуре. Поэтому Лукич успевал за день потрепать языком как минимум с двадцатью человеками, куда обязательно входил дворник, уборщица нашего подъезда, тоже большая любительница дискуссий, экипаж мусоровоза, почтальон и бездомный пес Жук, которого прикармливали всем двором.

Это была ласковая и очень симпатичная псина неизвест-

ной породы, черная, как смоль, и лохматая. Жук знал всех жильцов дома, а для детей, игравших в песочнице, был охранником.

Никто из чужаков не мог к ним даже приблизиться, потому что на его пути тут же появлялся злобный оскал Жука. За это пса любили все молодые мамыши, так как они могли болтать, сколько душе угодно, зная, что дети под присмотром такого бдительного и ответственного сторожа.

– Что они ищут? – шепотом спросил Лукич, приблизившись ко мне на расстояние шага.

– Не знаю.

– Как это не знаешь!? Ну ты даешь. Спроси. Обязаны ответить. Ну!

Я понимал Лукича. Ему очень хотелось знать все подробности происходящего. Он не мог себе простить, что не участвовал в обыске на квартире убитого Хамовича. Это для него стало трагедией.

Когда приехала милиция, Лукич был на рынке. Он ходил туда с утра пораньше, чтобы опередить спекулянтов, скупавших у крестьян все подряд, а потом повышавших цены раза в два. Лукич перехватывал деревенские машины, стоявшие в очереди на въезде в рынок, и, как ни странно, ему не отказывали, продавали все, что он просил.

Короче говоря, когда он возвратился с покупками, поезд уже ушел. Команду понятых набрали с других подъездов.

И впрямь, подумал я, в чем меня обвиняют? Лукич прав,

нужно узнать. Я подошел к майору, который в это время давал какие-то указания мужику в роговых очках (как оказалось, это был эксперт), и спросил каким-то деревянным голосом:

– В чем я провинился?

– Вы обвиняетесь в убийстве гражданина Чарнецкого, – сухо ответил Ляхов.

– Кого!?

– Чарнецкого Вацлава Казимировича, – повторил майор, добавив имя-отчество.

Я был сражен наповал. Меня обвиняют в убийстве! Да что же это такое творится!? С ума сойти...

Чарнецкий... Кто это? Я не знаю такого. Постой, постой... Вацлав Казимирович... Нет, не может быть!!! Не верю!!!

Это был Князь. По фамилии мы вообще его звали чрезвычайно редко (я узнал ее, только просмотрев – по случаю – списки членов городского общества нумизматов), а что касается имени-отчества, то они звучали лишь на наших торжествах, которые случались раз или два в год.

Дед убит... Я тупо посмотрел на опера и, не удержавшись на ногах, буквально рухнул в кресло. Ляхов посмотрел на меня с каким-то странным выражением и отошел в сторону. Его место тут же занял Лукич.

– Ну, чего? – спросил он нетерпеливо.

– Лукич, меня сватают на роль киллера... – произнес я непослушным языком.

Меня поразило то, что Лукич даже не удивился. Он лишь сказал с мстительными нотками в голосе:

– Менты есть менты, что там говорить... Для них найти крайнего – первое дело. Кому хочешь, дело сошьют. Уж я-то знаю... Козлы! А ты молчи, не дай себя расколоть. Только так можно отмазаться.

– Лукич! – возопил я трагическим шепотом. – Ты что мелешь!? Разве я похож на убийцу!?

– Конечно, нет, – поспешил меня «успокоить» Лукич. – Ты хороший мальчик. Воспитанный. Но, знаешь, бывает всякое...

– Спасибо тебе за доверие, – буркнул я обиженно.

И начал усиленно ворочать мозгами. В голове немного прояснилось, и я начал соображать более-менее здраво.

Князь убит... Кем? За что? Это вопросы к следствию. В убийстве я точно не виноват. Если только на некоторое время я не сошел с ума. В таком случае и впрямь ни за что ругаться нельзя. Но этот вариант лежит в мистико-фантастической области.

А вот время, когда свершилось преступление, это уже зацепка. У меня есть шанс соскочить с крючка. Но в этом случае я должен предъявить оперу серьезное алиби.

– Майор! – позвал я Ляхова.

– Слушаю вас, – сказал опер, который в этот момент с интересом рассматривал мою коллекцию монет.

Естественно, ключи от сейфа, где я хранил коллекцию,

мне пришлось отдать его помощнику.

– Скажите мне, когда я убил Кня... извините, Чарнецкого?

– А вы уже не помните? Странно. Такой умный молодой человек, а страдаете провалами памяти...

– Вам никто не говорил, что вы обладаете юмором висельника?

– Ну-ну! Не забываетесь.

– Я всего лишь хочу услышать ответ на свой вопрос. Это для меня очень важно.

– Вообще-то, задавать вопросы – это моя прерогатива...

– Знаю, – ответил я, с вызовом глядя прямо в глаза Ляхову. – Мы академий ваших не проходили, но кое-что читали. Однако на этот вопрос ответить вам все равно придется. Рано или поздно. Иначе я откажусь с вами разговаривать вообще.

– Ничего страшного. Посидите месячишко в нашем СИЗО, пока у вас голос не прорежется. Я человек терпеливый. Подожду. Там у нас атмосфера, я бы сказал, раскрепощающая.

– Майор, не забывайте, что я не бомж из подворотни. В беде меня не оставят. И не нужно мне хамить.

Ляхов готов был сожрать меня. Глазами. Но нужно отдать ему должное, мой весьма прозрачный намек он понял сразу. Конечно, по своему статусу я не принадлежал к сильным мира сего, но у отца были очень серьезные связи. И не толь-

ко в нашем городе.

Естественно, опер этого не знал, но предполагал нечто подобное. Наверное, ему уже не раз приходилось сталкиваться с «телефонным» правом. Поэтому майор хорошо понимал, что в таком случае недолго и погоны потерять.

Он принял мудрое решение – перестал собачиться и изображать из себя крутого полицейского, непреклонно стоящего на страже закона.

– Извините, – буркнул он, отводя глаза в сторону. – Чарнецкий был убит вчера, примерно в семнадцать часов.

– Плюс-минус?...

– Плюс-минус час.

У меня сразу отлегло от сердца – в это время я беседовал с Паташоном. Вот оно, алиби! Лучше не придумаешь.

Но я сдержал свой радостный порыв и уже почти спокойно спросил опера:

– А как вы определили, что убийца Чарнецкого – это я?

Ляхов иронично ухмыльнулся и ответил:

– Пальчики...

– То есть?...

– Вы здорово наследили в квартире Чарнецкого.

– А конкретней можно?

– Пожалуйста. Мы нашли следы ваших пальцев на дверной ручке, на рюмке... и еще где-то. Про то нужно спросить эксперта. Он может уточнить. Но для меня этого вполне достаточно – отпечатки пальцев на рюмке самые свежие. По-

хоже, вы со своей жертвой ликеры распивали.

– Настраивался на злодеяние, – сказал я с вызовом. – Какая чушь!

– Это не чушь, гражданин Бояринов. Совсем не чушь.

– Да, я гостил у Чарнецкого. В какой-то мере он мой наставник, учитель. Я был с ним в очень хороших отношениях. Ну разве можно предположить нечто подобное!?

– То, что вы были в его квартире, подтверждают не только следы ваших шаловливых пальчиков. Есть и свидетели. А насчет того, что человек не способен убить своего учителя, вы здорово ошибаетесь. Тем более, когда на кону сотни тысяч долларов.

– Вы о чем?

– Об очень ценной коллекции золотых и серебряных монет Чарнецкого.

– Она... украдена!?

– Не переигрывайте, – поморщился Ляхов. – Все вы знаете... Не повезло вам. Вы так и не смогли выбить из Чарнецкого шифр замка сейфа. Какая жалость...

– Выбить... шифр... – Я смотрел на опера, как баран на новые ворота.

Князя пытали! Господи...

– Именно так. Поэтому у меня есть все, что нужно: мотив преступления, свидетель, который видел убийцу, и наконец, отпечатки пальцев. Все, круг замкнулся. Пора признаваться. Признание смягчит вашу участь.

Я огрызнулся:

– Спасибо за совет!

– Рад стараться.

– А где вы взяли для сравнения отпечатки моих пальцев?

Ляхов посмотрел на меня, как на малыша-несмышлени-

ша, сморозившего глупость.

– Я вам как-то говорил, – ответил он, – что мы не зря государственные харчи едим. Эксперты сняли ваши пальчики с бутылки минеральной воды, которую я любезно предложил вам после посещения квартиры Хамовича.

«Вот сволочь ментовская! – подумал я негодуя. – Доброхот хренов... Ну да ладно, что теперь скажешь. Все равно мне деваться некуда. Был я у Князя? Конечно, был. Зачем мне темнить? Но что он сейчас скажет, когда я сообщу ему о своем алиби?»

– Лихо, – сказал я и широко улыбнулся.

Заметив улыбку, майор нахмурился. Я знал, что Ляхов сейчас думает, словно опер был монитором, на котором высветился текст: «Сукин сын! Почему он лыбится!? Неужели в своих рассуждениях я где-то допустил ошибку?»

Допустил, и еще какую...

– Должен вас огорчить, – сказал я спокойно и немного с ленцой. – Я никак не гожусь на роль убийцы Чарнецкого. При всех ваших так называемых «фактах».

– Объясните, – сурово нахмурил брови опер.

– Дело в том, что в тот момент, когда убийца вошел в квар-

тиру Чарнецкого, я был на другом конце города. Всего лишь.

– Ложь!

– Это легко проверить. Почему вы не спрашиваете про алиби? Вы ведь такой крутой профессионал...

– Насчет моего профессионализма поговорим позже, – сдержанно ответил майор, хотя внутри у него все кипело; это было видно, что называется, невооруженным глазом. – А что касается алиби... Это мы проверим.

– В этом у меня нет никаких сомнений. То, что я невиновен в убийстве Чарнецкого, вам может подтвердить водитель такси, который вез меня в Подлипки, а также... – Тут я назвал фамилию Паташона. – Что касается таксиста, то найти его будет несложно.

– Ловко... – сказал Ляхов, криво ухмыльнувшись.

– Вы о чем?

– Ловко вы пытаетесь уйти от ответственности...

– Почему вы мне не верите!? Я ведь не какой-то там прожженный негодяй, рецидивист, на котором клеймо негде ставить.

– В том-то и все мои трудности. Вы человек с головой. Поэтому я уверен, что преступление было совершено продуманно, а не под влиянием сиюминутного порыва. А касательно алиби... Как же без него? Вы человек грамотный, начитанный...

– То, чем вы сейчас занимаетесь, называется «шить дело»! Только я хочу сразу вас предупредить – ко мне эта грязь не

пристанет. Я такой же убийца, как вы проповедник буддизма.

– Ну, в риторике мне с вами трудно тягаться...

– Причем тут риторика? Если я совершил убийство не спонтанно, то как тогда можно объяснить мои следы в квартире Чарнецкого, которых, по вашему утверждению, не было только на потолке? Получается, что вы сильно ошибаетесь во мне. Выходит, я полный идиот, коль не допер, что нужно тщательно пройтись везде тряпочкой, чтобы стереть отпечатки. Потом этот ваш свидетель... Ну разве умный человек будет светиться всем подряд, когда идет на такое дело?

– Лихо...

– Что значит – лихо?

– Аргументация у вас железная. Наверное, вы считаете себя крепким орешком.

– А вы попробуйте ее опровергнуть.

– Это мой хлеб. – На этот раз улыбка Ляхова была просто зловещей. – Но сейчас мне недосуг. Поговорим в управлении.

– Значит, все-таки, вы решили посадить меня в СИЗО...

– Непременно.

– Могу я сделать один телефонный звонок?

– Зачем?

– Странный вопрос... Поставьте мысленно себя на мое место и вы сразу поймете, откуда у меня появилось такое желание.

– Ваша начитанность вас погубит. Мы не в Америке, гражданин Бояринов. Так что я не могу вам это позволить.

– А как насчет адвоката?

– Нет возражений. Но несколько позже. После первого допроса. Мне хочется, чтобы нам никто не мешал.

«Вот сука! – подумал я с чувством, близким к ненависти – Чтоб ты обгадился! Прямо сейчас... законников хренов...»

В следующую минуту случилось то, чего просто нельзя было даже предположить. Лицо Ляхова вдруг покраснело, словно ему стало сильно жарко, затем он сделал чисто инстинктивное движение, знакомое всем тем, у кого хоть раз в жизни был понос, – схватился за живот, а потом майор, круто развернувшись и, едва не сбив по дороге молодого опера, ринулся в направлении туалета.

Пробыл он там довольно долго. Гораздо дольше, чем я приходил в себя от изумления. Это что же получается – я обладаю даром внушения!? Все выходило на то. А иначе, с каких таких радостей Ляхов исполнил мое самое заветное желание на тот момент?

Удивительно, но майор, как мне показалось, что-то понял. Возвратившись после длительной отсидки на толчке, он больше ко мне не подходил и начал посматривать на меня с опаской. Неужто ему что-то привиделось в поносном ажиотаже?

Я поискал глазами Лукича и нашел его выходящим из кухни. Этот старый сукин сын, воспользовавшись отсутствием

главного начальника ментов, нырнул в мой бар и причастился там по полной программе.

Я этого, по идее, не мог знать, но мои чувства были настолько обострены, что действия Лукича проплыли перед моим внутренним взором как замедленная киносъемка.

Заметив мой осуждающий взгляд, Лукич понял, что мне известно его маленькое кухонное приключение. Нимало не смутившись и помогая себе руками, он изобразил на заплетаящихся ногах некое подобие танцевального па, таким образом передав сообщение, которое, если перевести его с языка жестов в человеческую речь, гласило: «Никита, век свободы не видать, прости меня, фраера, за мной не заржавеет».

Интересно, сколько он выпил? Судя по тому, что Лукич мгновенно окосел, мой дорогой армянский коньяк приветливо помахал мне крылышками.

В этом деле Лукич прослыл большим мастером. У него был козырный номер для спора – он выпивал бутылку водки из горлышка, не сделав ни единого глотка. Просто лил спиртное в горло – и все.

Естественно, спор велся только на бутылку...

Я позвал Лукича кивком головы, и он, стараясь не шататься, поспешил на мой зов. В своих предположениях я не ошибся – от него разлило коньяком как из винной бочки. Но меня сейчас это мало волновало.

– Лукич, меня забирают в СИЗО. Позвонить не дают. Срочно звякни моим старикам. Номер знаешь?

– Спрашиваешь... ик! – Лукич икнул, с некоторым опозданием стыдливо прикрыв рот. – У меня все записано. Ик!...

– Трубку, скорее всего, поднимет маманя. Ты ничего ей не объясняй. Скажи, пусть срочно даст тебе рабочий номер отца. Если будет спрашивать, зачем тебе он нужен, что-нибудь соври. Понял?

– Ну.

– Смотри. Главное – маманя. У нее сердце слабое. Не испугай ее. Отцу расскажешь все. Майора, который ведет следствие, зовут Ляхов. Запомнил?

– Чего этих ментов запоминать? Все они... ик!...

– Понятый! Отойдите от него! – Это подал голос молодой опер. – Не положено.

– Все, все, командир, я уже линяю... – Лукич порулил к противоположной стене, где ему заманчиво предлагал свои услуги мягкий диван.

Обыск, как и следовало предполагать, не дал никаких результатов. Интересно, что Ляхов хотел найти в моей квартире? Наверное, длинный мясницкий нож по рукоятку в крови невинных жертв. Или зловещую черную маску, которую я надевал, выходя на свою страшную охоту.

Идиот... Тупая скотина... Жандарм!

С такими нехорошими мыслями меня посадили в милицейского «козла», и я отбыл под конвоем в то место, от которого, как и от суммы, никогда нельзя зарекаться.

Глава 15

Мы как-то не задумываемся, что все в нашей жизни происходит впервые. Я имею ввиду, в ЭТОЙ жизни. Потому что некоторые религии предполагают (нет, даже утверждают), что человек приходит на Землю много раз, при этом его воплощения бывают самые разные – от собаки или крокодила до разумного мыслящего существа.

Выходя утром на улицу, человек вступает уже в новый, измененный мир. Земной шарик за ночь переместился в пространстве, сделал столько-то оборотов вокруг своей оси, кто-то умер, кто-то родился, соседская кошка сбежала из дому, а под крышей в ласточкином гнезде появились птенцы, на клумбе в сквере расцвели какие-нибудь лютики, где-то прорвало магистральный водопровод, и теперь человек идет уже не по тротуару, а по берегу бурного ручья...

Все течет, все изменяется. Не говоря уже о том, что за ночь в организме человека произошло огромное количество изменений, о которых он даже не подозревает. Мы находимся в вечном движении, даже если просто валяемся на диване и изнываем от ничегонеделания.

Но если ты едешь в милицейском «воронке» в качестве преступника, то мир за окнами машины меняется просто до неузнаваемости. Мало того, что солнце вдруг тускнеет, так ты еще и улицы перестаешь узнавать. И люди какие-то не

такие, и ходят они не так, и машины не машины, а шустрые монстрики в панцирях.

Кажется, что тебя везут по чужой планете зеленые человечки, чтобы доставить в лабораторию, где над тобой будут производиться разные опыты.

Меня определили в довольно приличную камеру. Там было всего четыре койки и три человека. Полный комплект. Так что мне немного повезло. Я был наслышан, что камеры СИЗО переполнены и на спальное место нередко претендуют по два-три человека.

Наверное, мне такая «удача» выпала как кровожадному маньяку.

– За что взяли? – поинтересовался давно небритый мужик бандитской наружности.

Наверное, когда-то он был бригадиром рэкетиров, затем остепенился, завел фирму, но старые привычки меня трудно, и он опять загремел под фанфары.

– «Мокруху» шьют, – ответил я на босяцком жаргоне бодрым голосом, хотя внутри дрожал, как заяц.

– Круто... – Мужик окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног. – Бытовуха?

– А ты что, папа римский?

– Не врубаюсь... Причем здесь папа?

– Ему ни в коем случае нельзя врать на исповеди.

– Почему?

Мужик смотрел на меня с тупым любопытством.

– Потому, что папа – самый близкий к Богу человек. Можно сказать, проводник с наименьшим сопротивлением. Так что ложь, высказанная ему, сразу же попадет боженьке в ухо. В связи с этим большому грешнику даже Страшного суда ждать не надо, наказание придет гораздо раньше.

– Грамотный, – сказал мужик то ли с осуждением, то ли с пиететом.

– В школе учился, – ответил я ему в тон.

На том мое знакомство с обитателями камеры и закончилось. Двое других обитателей «чистилища», не высказали ко мне почти никакого интереса.

Один из них явно был рафинированным интеллигентом. В пиджачке от какого-нибудь зарубежного Дольче Габбана и козырных шузах, которые стоили как минимум «штуку», он напоминал мне зайца, попавшего на пир к волкам.

Это когда волки пьяны и сыты, сидят за столом, ковыряясь в зубах, и с ленивым интересом наблюдают за скачками и ужимками потенциального кандидата на жаркое к ужину.

Практически не приседая, он метался по камере туда-сюда, бессознательно бормоча себе под нос что-то типа «Не виноватая я! Он сам ко мне пришел!» Похоже, клиент влип конкретно.

По всему было видно, что он происходил из касты чиновников и арест оказался для него, во-первых, большой неожиданностью, а во-вторых, настоящей трагедией.

Это всегда так бывает. Тот, кто лезет вверх, наступая со-

перникам на головы, должен всегда помнить, что чем выше ты забрался, тем больнее падать.

Третий арестант явно был помешан на религии. Он сидел на койке, поджав под себя ноги, и, раскачиваясь со стороны в сторону, очень тихо мычал, почти ныл. Возможно, это была молитва каким-то неизвестным богам.

Сейчас много развелось разных сект, нередко находящихся на содержании зарубежных «праведников», в свою очередь получающих финансирование от ЦРУ. Одно время меня долго доставали молодцы из «самой правильной церкви», как они говорили. Эти козлы так достали меня своими липкими речами, что я не выдержал и напустил на них Лукича.

Видел бы кто, как эти юные «праведники» мелькали пятками, когда Лукич рассказал им о своем видении мира и о месте в нем всех сектантов. На удивление благовоспитанных и богобоязненных юношей, в его длинной и задевающей за живое речи не матерными были только два или три слова. После этой «проповеди» они резко забыли дорогу к нашему дому и ко мне конкретно.

В общем, компашка мне попалась вполне приличная. Никто никому не мешал переживать личную трагедию, никто не лез в душу, никто не качал права, как это бывает в среде уголовников.

Я лег на койку и начал усиленно напрягать мозги. Мне было очень жаль Князя. Какая же сволочь его убила!? Грабители? Вряд ли. Князь просто не пустил бы их в квартиру.

А замки и засовы у него будь здоров.

Он кого-то ждал... Мне это сразу бросилось в глаза. А в конце нашего разговора Князь начал с нетерпением поглядывать на часы. Видимо, гость должен был явиться с минуты на минуту.

Все сходится. Как только я уехал, он вошел в квартиру Князя. И похоже, Дед хорошо знал этого человека. Иначе убийца поцеловал бы порог – и все дела. Князь, насколько мне было известно, не пускал к себе в квартиру даже милицию.

Он был очень осторожным человеком.

Майор сказал, что коллекция цела. А откуда он это знает? Ведь шифр замка сейфа, где хранилась главная часть коллекции, Князь держал в голове. По крайней мере, я так думаю.

Скорее всего, сейф был замкнут, и менты не стали его открывать. А потому Ляхов думает, что коллекция старинных золотых и серебряных монет никуда не делась.

Что убийца хотел узнать у Князя? Шифр сейфового замка? Возможно. Но вынести пытки трудно, практически невозможно. Редко кто из людей обладает таким эпическим мужеством, нечеловеческим терпением и нестигаемой волей.

Впрочем, от Князя можно было всего ждать. У него внутри находился стальной стержень, это я точно знал. Сломался ли он?

Ну да ладно, хрен с ней, с коллекцией. Жалко, конечно,

если она ушла на сторону, но тут уж ничего не поделаешь. Когда-нибудь монеты все равно всплывут на поверхность. А там и ниточка потянется к убийце.

У коллекционных вещей, как это ни странно, есть привязанность к своим владельцам. И они могут жестоко отомстить обидчику хозяина.

Конечно, мои утверждения находятся на грани мистики, но, тем не менее, случаев таких я знал немало. Ведь каждый истинный коллекционер обращается со своими раритетами как с живыми, одушевленными существами. Даже нередко разговаривает с ними.

Поэтому если простой обыватель послушает такого энтузиаста со стороны, то у него, скорее всего, создается впечатление, что у клиента крыша поехала. Но это не соответствует истине. Просто свое дело нужно любить всеми фибрами и жабрами души. Только тогда ты сможешь достичь сияющих вершин.

А вот Князя жалко. Как жалко...

В этом заключается весь человек: мы осознаем, что потеряли, только тогда, когда уже поздно. Князь был для меня образцом. Я даже ходить научился, как он, – широко развернув плечи, с достоинством и без плебейской спешки.

Не исключено, что в его жилах текла дворянская кровь. Но нас не интересовало его происхождение. А он никогда на эту тему не говорил...

Ладно, все это так, мысли на отвлеченные темы. Что бу-

дет со мной? Смогу ли я выпутаться из той сети, которую набросил на меня Ляхов?

Корефан хренов... А еще прикидывался порядочным человеком. Я на него свой кофе тратил... Подумал бы своей ментовской тыквой, как следует: зачем мне убивать Князя!? Так нет же, сразу меня под микитки и в кутузку. Сукин сын!

На шконке – так, кажется, называют тюремные кровати – долго отдыхать мне не дали. Часа через три-четыре, растянувшихся для меня до бесконечности, дверь камеры отворилась, и грубый голос надзирателя вмиг разрушил хрупкую конструкцию версии убийства Князева, которую я успел соорудить за это время:

– Бояринов! На выход.

Взгляды сокамерников подтолкнули меня в спину, и я вылетел из камеры пулей. Наверное, это моя душа так рвалась на свободу.

– Не спеши, – буркнул надзиратель. – Руки за спину, лицом к стене!

Да понял я, понял... В кино теперь что хочешь показывают. Поэтому меня совсем не возмутил и не обидел хамский тон надзирателя – у него служба такая.

Ляхов встретил меня очень официально. На стандартные протокольные вопросы я тоже ответил сухо и безо всяких эмоций. Для меня он сейчас был совсем чужим и враждебным элементом. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец...

Потом началась процедура опознания. Меня посадили вряд еще с тремя мужиками, зашла какая-то тетка, посмотрела на нас, ткнула с победным видом в мою сторону, сказав «Этот! Я сразу его узнала», и все удалились. В кабинете остались только мы с Ляховым.

Он смотрел на меня ничего не выражающим взглядом. Примерно так настраивается спортсмен перед прыжком в высоту. Примеряется.

Все эмоции прочь, только сверхзадача – перелететь через планку.

Что ж, лети, орелик. Все равно я безгрешен. И дело мне ты не сошьешь. Все твои потуги в этом направлении – пустышка.

– Та-ак... – наконец протянул майор. – Начнем...

– Продолжим, – поправил я своего инквизитора.

– Хорошо, продолжим.

– Мне нужен адвокат. Я буду с вами говорить только в его присутствии.

– Это ваше окончательное решение?

– Нет, промежуточное, – ответил я с вызовом.

– А какое окончательное?

– Выйти из тюрьги и плюнуть в ее сторону. Сделаю это с наслаждением.

– Значит, вы утверждаете, что не виновны...

– Несомненно. И не утверждаю, а категорически настаиваю.

– Что вам сказать... Обычно поначалу все так говорят.

– Кто же будет на себя напраслину возводить?

– И так бывает, – возразил Ляхов.

– Я знаю. Это когда кто-то хочет скрыть более тяжкое преступление. Но мне скрывать нечего. Я прозрачен как хрустальное стекло. А вы хотите сделать из меня Раскольниковва. Я не бедный и не жадный до денег.

– То, что вы не бедняк, мне известно. Но факты – упрямая вещь.

– Какие факты!?! То, что меня узнала эта тетка, вы считаете фактом? Так я и не скрывал, что был у Чарнецкого в гостях. Но это случилось раньше, до убийства. Вы, кстати, проверили мое алиби?

– Успокойтесь, проверили.

– Ну и?...

– Тут вы не соврали. Все сходится.

– Так что вам еще надо от меня?

– Совершенно точно определить момент, когда произошло убийство, практически невозможно. Это вам скажет любой судмедэксперт. Так что в словах «плюс-минус» заключается и страховка врача от необъективности суждения, и кончик ниточки для оперативника, который может помочь ему размотать клубок. Вы могли убить Чарнецкого и сразу же уйти из его квартиры.

– Это не факт, а всего лишь предположение. Которому могут поверить только предвзятые судьи.

Ляхов как-то странно улыбнулся, открыл папку, которая лежала перед ним, и достал оттуда несколько бумажных листков, скрепленных скобами.

– Это заключение экспертизы по делу Хамовича...

Он глядел на меня как удав на кролика – не мигая. Наверное, хотел подсмотреть мою реакцию на его слова.

– Ну и что? – сказал я беспечно.

– А то, что мы нашли в его квартире ваши шаловливые пальчики. Но вы ведь утверждали, насколько мне помнится, что никогда там не были...

Меня словно обухомхватило по голове, хотя внешне я остался невозмутим. Где они их нашли!? Неужто после ухода Васьки Штыка со товарищи в квартире Хам Хамыча не убирали?

Мама миа...

Я ответил, не задумываясь:

– Вы еще поищите отпечатки моих пальцев на троллейбусной остановке. Там вы их тоже найдете. Откуда я знаю, как они очутились в квартире Хамовича!? Возможно, я заходил, когда там жили другие люди... не помню.

– Хорошая позиция для защиты, – язвительно сказал майор. – Ничего не помню, ничего не знаю, никому ничего не скажу.

– Я не защищаюсь. Я говорю чистую правду. Мне как-то не приходило в голову вести дневник, в котором каждый день расписан по часам – где был, что делал, какие планы

строил. У вас есть такой кондуит?

– Нет. Но с памятью у меня все в порядке.

– А я тупой. Иногда даже забываю, как меня звать. Это преступление?

– Это болезнь. Вам нужно лечиться.

– Так вы хотите отправить меня в зону на лечение?

– Да, хочу.

– Спасибо за откровенность. Но с какой стати?

– Что ж, пришло время выложить свои карты на стол. Вот тогда и посмотрим, как вы запоете...

– Валяйте, – ответил я равнодушно.

Да пошел он!...

– Итак, проанализируем ситуацию, – начал майор. – За короткое время случилось четыре тяжких преступления, в которых просматривается ваше участие.

– Не понял... Почему четыре? Вы пока только два предъявили. Или мылите мне «паровоз»?

– Что ж, перечислим, – охотно согласился опер. – Убийство Хамовича – раз, убийство Чарнецкого – два, якобы похищение вашей подруги – три...

– Минуту! Что значит – якобы?

– А то и значит, что она до сих пор не объявилась. Так где вы ее закопали?

– Потом покажу, – процедил я сквозь зубы, едва сдерживая ярость. – Надеюсь, вы подскажете мне это место.

– И четвертое преступление, – продолжал, как ни в чем не

бывало, Ляхов, – смерть некоего гражданина Жовтобрюха. Как вам такой расклад?

– Момент... Кто этот Жовтобрюх?

Удивительно, но я был спокоен и холоден как айсберг. Откуда в меня начало вливаться это потрясающее спокойствие, я не знал. Но у меня внутри вдруг начала произрастать уверенность, что уже сегодня я буду дома, а весь этот треп с опером не больше чем мелкая неприятность.

– Как, вы и его не знаете?

– А почему я должен знать?

– Ну, хотя бы потому, что он бывший ваш сосед.

– Не понимаю...

– Это у него купил квартиру Хамович. Теперь вспомнили?

– Нет.

– То есть?...

– Наша семья с ним не общалась. Это был замкнутый человек. Так что я и впрямь не знаю его фамилии. И никогда не интересовался. Для меня он был пустым местом.

– Ловко вы умеете наводить тень на плетень...

– Это по-вашему. Но я на вас не обижаюсь. У вас такая профессия – никому не верить. Когда выйдете на пенсию, вам будет нужна помощь психолога. С такими установками очень трудно жить.

– Возможно. Спасибо за совет.

– Пожалуйста.

– А почему вы не спрашиваете, что случилось с вашим

бывшим соседом?

– Я похож на человека, страдающего манией любопытства?

– Как будто нет.

– Вот и весь сказ. Повторюсь – мне этот ваш Жовтопуз до лампочки.

– Жовтобрюх, – поправил меня Ляхов.

– Не важно.

– Придется просветить вас на сей счет...

Майор гнул свое; пусть его, думал я. Каждый развлекается, как может. Меня в данный момент почему-то больше интересовал таинственный талер, нежели допрос. Образ монеты засел внутри меня, как заноза, и все время напоминал о себе неприятным зудом.

Правда, я не мог не отдать должное майору. Ляхов все-таки сумел меня разговорить, хотя я и хотел закрыть рот на замок. Но что мне скрывать? К тому же протокол допроса опер не вел.

Похоже, Ляхов хочет взять меня на абордаж своими человеческими качествами.

Для начала он наехал на меня, как паровоз на Анну Каренину, а теперь начнет изображать из себя сочувствующего и сулить молочные реки и кисельные берега. А может для этой цели пригласит в кабинет какого-нибудь милягу.

– Просвещайте, – сказал я спокойно.

– Жовтобрюх был убит, – сказал майор, внимательно на-

блюдая за моей реакцией на его сообщение. – Притом как-ким-то садистом.

– Что я должен сейчас сделать, зарыдать? На кой ляд мне нужна эта информация? Это ваш крест – сталкиваться каждый день с изнанкой человеческой души. А меня увольте, я обычный обыватель.

– Дело в том, что Жовтобрюх был изуродован так же, как и Хамович.

– Вы предполагаете, что они оба были убиты одним и тем же человеком?

– Да. Практически со стопроцентной вероятностью. «Почерк» один и тот же.

– Я догадываюсь, что вы не договариваете...

– Кто бы сомневался... – Ляхов холодно улыбнулся. – Что вы умный человек, видно за версту.

– Значит, вы так и не оставили мысль, что я тот самый зловещий маньяк, который бегает по городу с топором, уничтожая в первую очередь соседей и своих возлюбленных.

– Я так не сказал.

– А вы скажите. Может, я проникнусь большим уважением к вашему сыщицкому таланту и расколуюсь, как гнилой орех. Послушайте, гражданин начальник, неужели вам не видно, что я не дотягиваю до уровня Синей Бороды, этого сказочного маньяка?

– Согласен. Не дотягиваете.

– Вы еще скажите, что воспитание не позволяет... – Я ед-

ко ухмыльнулся. – И что во времена Синей Бороды нравы были попроще и покруче.

Он хотел мне что-то ответить, но тут вдруг резко и требовательно зазвонил внутренний телефон. Ляхов даже вздрогнул от неожиданности.

Майор быстро схватил трубку, а когда услышал голос звонившего, то даже привстал. Я понял, что на другом конце провода какая-то большая милицейская шишка.

– Майор Ляхов! Да, да, так точно... Но я не могу!... Товарищ генерал!... Слушаюсь...

Положив трубку на рычаги, Ляхов, обуреваемый явно недобрыми мыслями, некоторое время смотрел сквозь меня, будто я был стеклянным. Что касается моего душевного состояния, то я неожиданно почувствовал колоссальное облегчение. Почему, с какой стати?

Вскоре все стало понятно. Через какое-то время майор тяжело вздохнул и сказал:

– Вы свободны, Бояринов. Но я отпускаю вас под подписку о невыезде! Вы будете обязаны являться в милицию по первому зову.

Я молча и в некоторой растерянности кивнул. А что скажешь? Как это в стихотворении – «И свобода вас примет радостно у входа...» Золотые строки. У меня словно гора с плеч свалилась. Свобода!

Мне только теперь стал до конца понятен глубинный смысл этого слова...

– Все равно вы причастны к этому делу, Бояринов, – сказал опер, когда было покончено с формальностями. – И я это докажу... несмотря на ваших высокопоставленных покровителей и защитников.

– Бог в помощь, – ответил я легким сердцем. – Меня интересует только одно: откуда у вас такая уверенность, что именно я тот самый кровожадный изверг? Ваши так называемые факты – полная лажа. И вы это знаете не хуже меня.

– Вот что я скажу вам, Бояринов. Поверьте, я кое-что смыслю в своей профессии. И в управлении нахожусь на хорошем счету. Есть такая вещь, как интуиция. Она в нашем деле первый помощник. Так вот, интуиция подсказывает мне – нет, даже кричит! – что вы имеете отношение ко всем этим убийствам. Пока точно не могу сказать, прямое или косвенное, но все вертится вокруг вашей персоны.

– А что если меня кто-то хочет крупно подставить?

Ляхов недобро рассмеялся и ответил:

– Вы что, банкир какой-то или олигарх? Или вы наследник многомиллионного состояния, на которое претендует еще кто-то? Нет, здесь что-то совсем другое. И вы в нем – гвоздь программы.

– Что ж, как говорится, да обрящет ищущий. Но коль уж пошел такой откровенный разговор, то почему вас не удовлетворил отчет службы наружного наблюдения? Они бежали за мной все эти дни, как бобики, и должны знать, в котором часу я пришел к Чарнецкому, когда ушел от него, куда

потом поехал и кто меня вез... Ась?

Ляхов мгновенно покраснел от злости и надулся, будто был воздушным шариком. При этом он втянул голову в плечи и вцепился руками в столешницу, словно хотел одним прыжком перескочить отделяющий нас письменный стол и сожрать меня с потрохами.

Наверное, опер думал, что я полный лох и абсолютное ничтожество в его конгениальной профессии. Может, он и так, но ведь и на старуху бывает проруха. Тоже мне... миссис Марпл в штанах.

– Так это по вашему наущению в «Чебурашке» избили нашего сотрудника? – спросил он зловещим голосом.

– А что такое «Чебурашка»? – спросил я с невинным видом.

– Бояринов, вы играете в плохие игры...

– Ой, только не надо меня пугать! Можете спустить на мой след хоть всех своих ищеек. Мне даже лучше – буду иметь бесплатную охрану. Только не нужно устраивать из серьезного дела театр.

– О чем это вы?

– Я имею ввиду опознание. Оно вам нужно было, как пятое колесо до воза. Вы просто хотели скрыть от меня, что у вас давно лежит в папке отчет, где черным по белому расписаны все мои маршруты и дела.

– И все равно вы замешаны в этих делах, – с неподражаемым упрямством сказал Ляхов; похоже, внутри он даже не

кипел, а бурлил как лава перед извержением вулкана.

Я не стал больше драконить опера – вдруг от мстительной злости он не станет выполнять приказ начальства и отправит меня обратно в камеру? – и промолчал. Вежливо попрощавшись, я покинул кабинет Ляхова, и едва не бегом спустился на первый этаж управления внутренних дел.

Вечерело...

Глава 16

Я ехал в троллейбусе и думал: «Как могли оказаться отпечатки моих пальцев в квартире Хамовича? На чем я мог их оставить? Да еще так, что до них не дотянулась тряпка уборщицы...» Это был нелегкий вопрос.

В конечном итоге я решил, что задачка эта явно не для среднего ума. Возможно, я и впрямь что-то там трогал руками, – скорее всего, понравившиеся мне старинные бронзовые канделябры в прихожей – но точно поручиться за это не мог.

В тот момент меня переключило на рудничном талере; все мои мысли были с ним, и я мало что замечал, а тем более – запомнил.

У своего подъезда я вдруг резко тормознул, словно наткнулся на невидимую стену. Это было странное, доселе не испытанное чувство. Чья-то чужая воля властно вторглась в мой мозг и начала там шебаршиться, словно что-то выискивая.

Я резко обернулся – и поймал взгляд человека, который стоял на противоположной стороне улицы. Несмотря на то, что он был далеко от меня, мне показалось, что я где-то его видел.

Поняв, что я засек его, человек отвернулся и торопливо засеменял прочь. Судя по тому, как он шел, человек был

немолод, и быстрая ходьба давалась ему нелегко.

Ментовский топтун? Может быть. Ну и хрен с ним. Если нашим органам делать больше нечего, пусть упражняются на мне. Больше я не буду доставлять им больших хлопот. Закроюсь в квартире и начну работать над монографией по нумизматике, которую давно обещал одному солидному журналу.

Иногда на меня находил такой стих, и я брался за перо – пардон, садился за компьютер, и кропал статейки по коллекционированию монет. Это из меня рвались наружу дедовские и отцовские гены исследователя и ученого, не совсем еще задавленные мещанской ленью. Но такие вдохновенные порывы случались у меня очень редко.

И только стоя под горячим душем – такого балдежа мне еще не доводилось испытывать; для этого стоило немного посидеть на тюремных нарах – я вспомнил, где видел этого типа.

Это «лозоходец»! Только теперь он был одет по-другому, но все равно в старье, а на голове у него, вместо колпака, красовался огромный бархатный берет с небольшим пестрым перышком и каким-то значком.

Да это был тот самый старик. Его длинный унылый нос и гипнотизирующий взгляд забыть невозможно. И теперь я почему-то совсем уверился в том, что он не имеет никакого отношения к правоохранительным органам.

Во-первых, таких древних старцев там не держат. (Если,

конечно, он не загримирован). Но кто тогда этот хмырь? И что ему было нужно в нашем доме? Может, это он грохнул Хамовича? Эта блудливая мыслишка возникла тогда, когда я брился. А что: пришел с общеизвестным паролем «Подайте, Христа ради», Хамович открыл входную дверь, чтобы дать ему копеечку, а может, и стольник, и «лозоходец» разделал банкира, как Бог черепаху.

Чушь собачья! Во-первых, Хам Хамыч не страдал чело-веколюбием и был жаден до неприличия, во-вторых, мог согнуть старика одной левой, а в-третьих, незнакомому человеку дверь он никогда не открыл бы.

И самое главное – если кто-то и приходил к нему домой, то только по предварительной договоренности.

Мне доводилось несколько раз слышать переговоры Хамовича с гостями, которые он вел по домофону. И должен доложить, что покойный банкир впускал их в подъезд только после того, как точно убеждался, что это свои люди.

Так ничего толкового и не придумав, я прошел на кухню, потому что у меня разыгрался просто зверский аппетит, и начал быстро сооружать себе холостяцкий ужин – яичницу с беконом.

Телефонный звонок раздался, когда я заваривал чай. Вернее, это был даже не звонок, а зуммер. У меня стояли два телефона: один современный, кнопочный, а второй – с наборным диском – засекреченный, оставшийся в наследство от деда.

Когда мой дедуля ушел в мир иной, мы не стали отказываться от этой телефонной точки, благо платить за нее нужно было сущий мизер, притом деньги я вносил авансом, сразу за год. Главная ценность этого телефонного номера заключалась в том, что он нигде не значился. То есть, не числился в официальной базе данных. И мы могли говорить по нему о чем угодно без опасения быть подслушанными.

А у меня в последнее время появились небезосновательные опасения, что кнопочный телефон ретивый Ляхов поставил на прослушку. О чем я и сообщил отцу, когда мы с ним беседовали.

Я поднял трубку и услышал голос бати.

– Ты уже дома? – задал он глупый вопрос; наверное, от большого волнения.

– Нет, папа, я еще там.

– Перестань ерничать! Расскажи, что случилось.

– Разве ты не знаешь? Тогда как меня вытащили из СИЗО? Вдруг я и впрямь маньяк, которого обязательно нужно держать под замком.

– Перестань! Раз тебя выпустили, значит, ты не виновен.

В противном случае даже мой друг-генерал не помог бы.

– Как хорошо иметь такого отца...

– Ты о чем?

– Должен тебе доложить, что человек без связей на моем месте торчал бы в камере как минимум месяц.

– Ты расскажешь, что натворил, или нет!?

– А что Лукич тебе рассказал?

– Он много чего наболтал. Балаболка твой Лукич. У меня волосы дыбом встали от его разговоров. Даже сердце прихватило. Хорошо, что корвалол был под рукой.

– Прости, папа. Так получилось... Трагическое совпадение.

И я рассказал отцу про убийство Князя. Я не утаил от него ни единого факта, ни единой своей мысли. Он должен был знать все, в том числе и полную историю рудничного талера. А кому еще расскажешь о самых сокровенных тайнах, как не родному человеку?

А еще я вдруг почувствовал себя маленьким-маленьким и совершенно незащитным. И мне захотелось, как в детстве, прижаться к отцовской груди и отгородиться от всего мира его широкими ладонями, которые казались мне тогда самым надежным укрытием.

– Я говорил, что будет еще убийство, – очень серьезно сказал отец. – К несчастью, я оказался прав. Однако, что-то здесь не так... Не вяжется. Непонятно...

– Что именно?

– Меня подвела интуиция.

– То есть?...

– Я видел МЕСТО преступления. И это наш... теперь уже твой дом.

– Значит, ты ошибся.

– Возможно. Хорошо бы... Но раньше этого никогда не

случалось.

– Что значит – раньше? Ты что, практиковал в качестве экстрасенса?

На другом конце провода на некоторое время воцарилось молчание. Затем отец несколько смущенно признался:

– Было... немного. Наш дед ставил на мне опыты. Вот тогда я и узнал, что тоже кое-что могу. Правда, не в такой мере, как твой дедушка. Живи он в средневековье, его называли бы магом. Он мог загипнотизировать любого человека, притом мгновенно, едва войдя с ним в контакт. Это было потрясающе. А вот со мной у него ничего не получалось.

– Почему?

– Он не сказал.

– И что, ты потом никогда больше не интересовался этим вопросом?

– Интересовался. Но наш дед только загадочно улыбался и щелкал меня по носу. Это когда я был маленьким. А когда стал старше, он сказал, что лучше мне этого не знать. Мало того, он настоял, чтобы я обучался техническими дисциплинами, хотя мне очень хотелось выучиться на психолога и работать под его руководством.

– Да, дед у нас был кремень. Спорить с ним – себе было дороже.

– Как там?... – осторожно спросил отец.

Я понял, что его интересовало.

– Все нормально, пап. Мне попалась интеллигентная ка-

мера. Никто меня не прессовал.

– А милиция?

– Тоже пока не применяли свои «особые» методы.

– Думаю, что тебя еще будут допрашивать. Ты там не дерзи, ладно? А то я тебя знаю.

– Пап, я сама вежливость. Но мне так не нравится ментовская бесцеремонность...

– А кому нравится? Потерпи, сынок, потерпи. Я уверен, что все образуется. Есть у меня такое ощущение.

– Когда?

– А это уже вопрос. Думаю, что скоро. Но меня сильно беспокоит твоя монета. Что-то с ней не так. Я не большой поклонник мистики, хотя наш дед и занимался такими вопросами в своем институте, и не очень верю в оккультизм. Однако, нельзя отрицать, что в этой области человеческих заблуждений есть некое рациональное зерно. Мне кажется, что монета играет во всей этой истории какую-то роль.

– Почему ты так думаешь?

– Есть такое понятие как причинно-следственные связи. Идеалисты и агностики утверждают, что существуют беспричинные явления. Но это совсем не так. Даже капля дождя, упавшая с небес, имеет свою предысторию. И почему она упала на землю именно здесь, а не где-нибудь в Сибири тоже вполне обоснованно...

– Папа! – взмолился я. – Я терпеть не могу философию! Ты можешь выразить свою мысль простым народным язы-

ком?

– Могу. Этот талер вполне может быть одним из звеньев в цепи событий, в которые тебя втащил его величество Случай. Теперь тебе понятно?

– Не совсем. Но даже если это так, то напрашивается вопрос: мне что, выбросить монету?

– Поздно, – угрюмо сказал отец. – Нужно ждать развязки.

– Почему поздно?

– Потому что внутри у меня вызрело именно это ощущение. Поезд идет под откос, Ника. Его уже не остановишь. Но мне очень не хочется, чтобы ты оказался в одном из вагонов этого поезда.

– Да, пап, умеешь ты успокоить человека... История из серии «Спокойной ночи, малыши».

– Это я к тому, сын, что ты должен быть готов к любым перипетиям. К сожалению, может так случиться, что я буду не в состоянии тебе помочь; хотя бы потому, что в самый ответственный момент окажусь далеко от тебя. Но поскольку ты предупрежден, то у тебя есть шанс выйти сухим из воды.

– Папа, не пугай меня.

– Я не пугаю. Я просто констатирую факты. А они упрямо говорят о том, что некая сила буквально за шиворот втаскивает тебя в круговорот опасных событий. Почему это так, что это за сила, я не знаю. И даже не догадываюсь. Но что-то в этом есть. Ведь не зря же ты присутствовал в моем видении.

– Может, мне и впрямь закрыться и посидеть дома с

недельку... – подумал я вслух.

– Это было бы очень разумное решение. А я буду навещать тебя каждый день, и привозить продукты. Береженого Бог бережет. Да, кстати, мать все телефоны оборвала. После того, как Лукич попросил, чтобы я звякнул ему, она места себе не находит. Сердцем почуяла, что у тебя проблемы. Ты позвони и успокой ее. Только ничего ей не рассказывай!

– Обижаешь, батя. Я же не совсем тупой... А ты откуда звонишь? Разве не из дому?

– Нет. Сегодня я немного задержался на работе. Звоню из машины. Разве ты не слышишь?

– Да, теперь слышу.

– Когда ты купишь себе мобилку!? Или денег не хватает. Так я подарю.

– Не надо, пап. На кой она мне? И кстати, в СИЗО все равно не разрешают иметь телефоны.

– Ты еще больший упрямец, чем твой дед. Два сапога – пара. Ладно, как знаешь. Все, спокойной ночи, сынок. Держись.

– Держусь...

На этом разговор с отцом и закончился. Следуя его совету, я позвонил мамане и имел с нею нелегкий разговор. Она даже на расстоянии умудрилась прогрызть мне дырку в голове своими упреками.

Но я на мать не обиделся. Мне было понятно ее волнение. Успокоив родительницу, как мог, я быстро закруглил разго-

вор и возвратился к своему ужину.

Чай уже давно остыл, поэтому я вылил его в мойку и нашел в холодильнике пакет с томатным соком. Яичницу из шести яиц и поджаренный бекон я не съел – проглотил. Да еще и вымакал хлебным мякишем весь жир со сковородки.

Есть такое выражение: позавтракай сам, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу. Сегодня мне хотелось отдать этой вражине, засевшей в моем желудке, еще и кусок ветчины или колбасы, но, к сожалению, в холодильнике такого добра не оказалось.

Я никогда не следовал общепринятым правилам питания. Хочется есть – ешь, нет – не насилуй себя. И уж тем более мне были до фонаря все новомодные диеты. Что может быть лучше и полезней куска свежего мяса, запеченного над костром?

Но с одним существенным добавлением – ты должен сам этот кусок мяса найти, уполевать и приготовить. Привычка человека наедаться на ночь до отвала ясна и понятна. Она пришла к нам с древних времен.

Пока забьешь мамонта, пока его освежуешь, пока притащишь мясо в стойбище – вот уже и вечер. А съесть побольше нужно было потому, что на следующий день добычу может отобрать или более сильное племя, или пещерный лев, с которым нету никакого сладу, или начнется какой-нибудь катаклизм, когда нужно будет спасать не запасы харчей, а собственную жизнь.

Так что не стоит пенять на свой мягкий характер по части еды. Обжорство сидит в наших генах. А супротив природы идти очень трудно.

Я еле дополз до кровати. Сон напал на меня как убийца и сразил наповал, едва я снял свои шмотки. Наверное, я уснул, что называется, в падении. Так может засыпать только едва родившийся щенок, который пока не понимает, что такое сон, а что – явь.

Удивительно, но, несмотря на нечеловеческую усталость – как физическую, так и моральную – мне снился сон. Один и тот же, притом до самого момента пробуждения. Будто я летел в темном пространстве, а откуда-то издалека доносился голос флейты. Он ныл на одной ноте, как мне показалось, целую вечность. Я просто озверел от этого нытья.

И когда я, наконец, проснулся, то обрадовался до поросычьего визга. Изыди, нечистыя!

Глава 17

Но радость моя была недолгой. Неожиданная тревога воорвалась в душу как предгрозовой порыв ветра в открытое окно. Светящийся циферблат электронного будильника показывал цифру «четыре» с двумя нулями, и я невольно удивился – никогда прежде мне не доводилось просыпаться так рано, практически среди ночи.

Сна не было ни в одном глазу. Я включил ночник, отметился в туалете, сел на кровать и бездумно уставился в пространство. Что за чертовщина!?! Неужели ко мне начала подбираться старость? Не рано ли?

По молодости я очень удивлялся тому, что дед вставал ни свет, ни заря, когда сон наиболее крепкий, и садился за свой письменный стол решать какие-то глобальные проблемы.

В ответ на мой вопрос он сказал:

«Ника, доживешь до моих лет – сразу поймешь, почему у старых людей так часто случается бессонница».

«А все-таки?» – не отставал я.

«Организм чувствует, что пора ему на вечный покой. И противится этому со страшной силой. Но единственное, что он может сделать, это увеличить время бодрствования».

«Что-то ты загибаешь, дед... О каком покое может быть речь!? Ты что, надумал?...».

«Шучу я, Ника, шучу. Мы еще покувыркаемся на этом

свете. Просто работы невпроворот. За день не успеваю».

Тогда я поверил деду. Он и впрямь был трудоголиком. Но сейчас я вдруг понял, что причины его бессонницы были иного характера. И одной из них являлось огромное внутреннее напряжение.

События последней недели буквально перевернули мой тихий и уютный мирок. Слишком много трагедий и драм свалилось на мою бестолковую головушку, которая привыкла к спокойной и размеренной валятельно-созерцательной жизни.

Я, конечно, бодрился, но червь беспокойства уже залез внутрь моего организма и начал потихоньку подтачивать его своими крохотными, но острыми зубками. В особенности меня поразила смерть Князя.

Что касается исчезновения Елизаветы, то я удивлялся сам себе, не чувствуя в душе особых переживаний. У меня создавалось впечатление, что она просто играет в какую-то игру – чтобы позлить родных и близких.

С какой стати!?! Понятное дело, это была чушь, которая могла взбрести в голову лишь придурку, и тем не менее, из-за Бет я почему-то особо не волновался. Мало того, временами она вообще выпадала из моего мыслительного процесса, словно ее и не существовало никогда.

Неужели я такой черствый и бездушный эгоист!?

Эти мысли пролетели в моей голове как стайка стрижей: фыр-р, фыр-р – и нету. А беспокойство осталось.

Что-то происходит... Что-то происходит, думал я встревожено. Где? Этого я пока не знал. Но чувствовал, что где-то близко.

Я решительно встал и, включая свет, обошел всю квартиру. У входа в каждую не освещенную комнату у меня начинали бегать по спине мурашки – словно там притаился какой-то опасный зверь; или нечто из разряда мистических явлений.

Ничего. Везде было нормально. Только в ванной из крана капала вода. Я уже месяц собираюсь вызвать сантехника, чтобы поменял прокладки, да все забываю. Умываюсь – помню, вышел на улицу – все вылетело из головы.

Правда, я пытался несколько раз дозвониться в ЖЭУ, но это было все равно, что искать связь с внеземными цивилизациями – телефон жилищного управления постоянно занят.

Поэтому я всегда лично приходил на слесарный участок и, взяв за жабры какого-нибудь Федю-Васю, тащил его к себе домой на крепком поводке из обещаний хорошо оплатить его непосильный труд.

Но в последнее время и деньги уже не являлись приманкой для слесарей-сантехников. Вернее, малые деньги. Им подавай фронт работ дня на два (например, поменять все трубы, приобретенные за свои кровные) и баксов пятьсот в качестве премиальных. Ну, народ пошел...

Возвратившись в спальню я опять угнездился в кровати и насторожил уши. И тут, наконец, я услышал.

Что-то происходило наверху. Шум какой-то, возня, тихие, словно потусторонние, голоса... Неужели снова?...

«Снова» – это значило, что мой сосед с верхнего этажа опять взялся за старое. У него в свое время произошел сдвиг по фазе по причине азартных игр. Однажды он выиграл в казино крупную сумму, и с той поры просадил в рулетку целое состояние.

Потом он лечился – жена едва не силком отправила его к какому-то психологу или психиатру – и по выходу из лечебницы завязал с азартными играми напрочь. Это было удивительно (азартные игроки сродни маньякам, и такая «болезнь» в принципе не лечится) но факт.

Обычно, возвращаясь домой после очередного залета среди ночи и с пустыми карманами, Альфред (так его звали) ползал в ногах у своей жены добрый час, плакал крокодиловыми слезами и клялся, что это последний раз. Но через неделю все повторялось с потрясающей точностью – и по времени, и в постановке самого «концертного номера».

В свое время Альфреда кликали Джумбо и был он бригадиром братков. Затем в двухтысячном году его ненадолго посадили (смешно сказать – за драку в ресторане), и по выходу на свободу Альфред перековался – заделался бизнесменом. Поговаривали, что криминальные боссы поставили его на должность городского «смотрящего».

Но это были всего лишь слухи, а конкретно никто ничего о бизнесе Альфреда не знал. Чем-то он торговал, что-то за-

купал, куда-то отправлял – в общем, его дело, если посмотреть со стороны, было так себе, средненькое.

Но, тем не менее, денег у него водилось столько, что куры не клевали. И кстати, после отсидки он вел себя на удивление скромно. Вернее, тихо.

И то верно – зачем его хозяевам буйный, неуправляемый тип, привлекающий всеобщее внимание? Криминальный бизнес, чаще всего подпольный, старается избегать лишней суеты и наездов со стороны правоохранительных органов.

Откуда я знал Альфреда? Дело в том, что он заливал мою квартиру уже три или четыре раза. Когда его жена уезжала за границу на отдых (это случалось несколько раз в году), Джумбо имел привычку сесть на хорошем подпитии в ванную, включить воду и уснуть. Так что мы «общались» довольно регулярно.

Правда, все мои убытки он покрывал без лишних слов. Но кому понравятся сплошные ремонты с заменой обоев и даже части паркетного пола?

Тем временем шум наверху усиливался. Я был в недоумении, так как знал, что благоверная Альфреда улетела со своими слонятами (их было двое, и они пошли в папашу – такие же плотно сбитые, полные, коротко остриженные и наглые), кажется, на Кипр.

Может, Джумбо решил потрянуть стариной и привел в свою квартиру девиц?

Мои недоуменные размышления прервал крик, полный боли. И он доносился сверху. Затем наверху что-то грохнуло – будто свалился книжный шкаф, и снова кто-то закричал; нет, скорее зарычал.

Что там такое!?! Меня будто шилом укололи в заднее место. Я подскочил, как ошпаренный, и заметался по комнате, не зная, что мне делать.

Если честно, выходить на лестничную площадку я боялся. Убийство Хамовича сделало из меня пуганую ворону, которая шарахается от каждого куста. А тут еще разговор с отцом...

Что делать, что делать!?! Кричать перестали, но я слышал громкие стоны. Неужели опять?... От этой мысли я мгновенно покрылся липким потом.

Нет, я так не могу! На глаза мне попалась двустволка, которую я для понта повесил давным-давно над кроватью. Я сорвал ее со стены и начал искать по всем ящикам патроны.

Ружье подарил мне дед. Оно было штучного изготовления, – спецзаказ – и поражало красотой и дороговизной отделки.

Но из меня охотник точно такой же, как и рыбак. То есть – никакой. Я как подумую, что нужно впустую бить ноги целый день по бездорожью, чтобы потом для отмазки купить на рынке дохлую утку и выдавать ее за дичь, так у меня сразу весь охотничий азарт пропадает.

Я долго недоумевал, зачем дед сделал мне такой дорогой и

ненужный подарок. И лишь в последнее время я интуитивно почувствовал, что однажды ружье может и впрямь здорово пригодиться. Я даже патроны купил, только забыл, куда их засунул.

Наконец я нашел, что искал. Быстро зарядив ружье, я подошел к входной двери и посмотрел в дверной глазок. Площадка была пуста. Но тут я вдруг услышал, что под дверью кто-то возится.

Может, мину подкладывают? От этой мысли мне стало нехорошо. Конечно, у меня дверь сейфового типа, чтобы ее взорвать, динамита много нужно. Если такое количество взрывчатки шарахнет, то весь подъезд завалится. Но от этого мне все равно легче не будет.

Спрятавшись на всякий случай за выступ стены, я крикнул:

– Кто там!?

В ответ послышался стон. «Заманивает, гад! Нет, меня на жалость не возьмешь...»

– Отойди от двери! Иначе буду стрелять!

Стон только усилился. Мне показалось, что кто-то пытается выговорить мое имя. Блин! Открывать, не открывать...

А, была, не была! Сколько той жизни. Кому суждено быть повешенным, того не утопят в проруби. Ежели что – бабахну.

Постаравшись напрочь отключить инстинкт самосохранения, и подбадривая себя лозунгами типа «Смелость города берет», «Или грудь в крестах, или голова в кустах» и «Трус

умирает много раз», я отомкнул замки, открыл засов и медленно, медленно, по миллиметру, начал открывать дверь.

То, что я увидел на лестничной площадке, сразило меня наповал. У меня задрожали руки от ужаса, и я удержал ружье только невероятным усилением воли.

У моей двери лежал Альфред. А в его спине торчала рукоятка ножа.

Здоровенная туша Джумбо еще подавала признаки жизни; он даже силился поднять голову и что-то сказать. Я знал, что к ранениям Альфред привычен – на него покушались раза три или четыре, когда он был бригадиром бандитов. Поэтому, наверное, у моего соседа и хватило силы спуститься этажом ниже.

Везде была кровь – на лестнице, на стене, на перилах... Много крови. Джумбо лежал в красной луже и хрипел. Похоже, он вот-вот должен был потерять сознание.

По идее, я должен был спросить Альфреда, кто его ранил, чтобы как можно быстрее найти негодяя. Но слова застряли у меня в горле, потому что никого искать не нужно было – убийца стоял возле тела Джумбо!

Откуда он взялся!? Ведь когда я смотрел в дверной глазок, на лестничной площадке никого не было.

При взгляде на его лицо меня едва не стошнило. Похоже, этот человек болел проказой. Он был весь в лишаях, язвах и струпьях и казался родным братом тех монстров, которых показывают в американских фильмах ужасов.

Что касается одежды, то она очень напоминала шмотки «астролога»-лозоходца. С одним существенным отличием: на голове убийцы (я уже был абсолютно уверен, что это именно его нож торчит в спине Джумбо) красовался хорошо начищенный старинный шлем (обладеть можно!) с поднятым забралом.

Мне показалось, что я схожу с ума. Страх сковал меня незримой цепью, и я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. А может, это был не страх, а гипнотический взгляд убийцы, приковавший меня к полу.

Так простояли мы друг против друга, как мне показалось, целую вечность. Я онемел и казался сам себе лягушкой, которая стоит перед удавом.

Наконец урод шевельнулся и открыл рот; похоже от удивления и какой-то зловещей радости. Я едва успел отметить про себя, что во рту у него лишь несколько сильно пожелтевших больших зубов, похожих на лошадиные, как убийца, переступив через тело Альфреда, двинулся ко мне.

Что у него были за намерения, я так и не сообразил. Оцепенение начало проходить, и я даже нашел в себе силы, чтобы поднять опущенный книзу ствол ружья и направить его на уroda.

Убийца уже намеревался перешагнуть через порог, но тут его словно что-то обожгло, и он отскочил назад. С диким изумлением на уродливом лице он еще раз попробовал проникнуть в мою квартиру, и опять получил незримый отпор.

Только на этот раз еще более сильный.

Тогда, дико вращая белками безумных глаз, он протянул ко мне свои заскорузлый грязные руки, и начал что-то быстро-быстро говорить (нет, не говорить, а умолять!), притом, как мне показалось, на латыни.

Тут меня, наконец, прорвало.

– Изыди! – хрипло каркнул я, мало соображая, что говорю. – Уйди, стрелять буду!!!

И на последнем слове я чисто машинально нажал на курок.

Но за долю секунды перед тем, как указательный палец правой руки ощутил упругую податливость спускового крючка, мне показалось, что фигура уroda неожиданно поблекла, скукожилась, а когда громыхнул выстрел, она вообще рассеялась, растаяла, словно плотное дымное облако под порывом ветра.

Отдача с непривычки была такой сильной, что я отшатнулся назад и, зацепившись за половик, шлепнулся на пятую точку. Однако ружья из рук не выпустил. Оно словно прикипело к ним.

Некоторое время я сидел, будто меня обухом хватили по голове. В принципе, так оно и было. Звук выстрела в замкнутом пространстве усиливается многократно и оглушает человека. Потому я был немного контуженный.

Но вот в подъезде послышались чьи-то голоса и топот шагов. Бежали, как мне показалось, и сверху, и снизу. Что ка-

сается моей площадки, то она молчала.

На каждом этаже нашего шестиэтажного дома было по три квартиры – четырехкомнатная, трех- и двухкомнатная. Например, покойный Хамович выкупил весь этаж, Альфред – тоже, а вот мой сосед, имени которого я не знал, потому что видел всего два раза, и то издали, заграбастать мои четыре комнаты не смог.

Он как-то подослал ко мне своих агентов на предмет продажи моей квартиры, но я послал их куда подальше с наказом больше никогда не тревожить меня своим дурацким предложением. На том все и закончилось.

Может, потому, что, как поговаривали, у моего соседа по площадке начались большие проблемы с налоговой инспекцией, и он удрал за рубеж. А еще я знал, что у него уже была одна квартира, тоже в центре, и загородная вилла. Плюс недвижимость за бугром.

Так что квартиры в нашем доме для него были что-то вроде банковского вклада. Ведь жилье с каждым годом становится все дороже и дороже. Хитрый, козлина...

В общем, как бы там ни было, но две квартиры на моей площадке пустовали. И естественно, полюбопытствовать, что там так сильно грохнуло среди ночи, никто из виртуальных соседей не мог.

Несмотря на контузию, я все-таки встал, хотя во время этого процесса чувствовал себя столетним старцем. Мне даже показалось, что у меня суставы скрипят.

Альфред все еще подавал признаки жизни – тихо мычал; наверное, стонал. Но не шевелился. Видимо, вместе с кровью из его большого тела утекла и энергия.

И тут я едва не сделал очередную глупость. По запарке мне почему-то подумалось, что если я выдерну нож из спины Альфреда и положу тампон на рану, то облегчу его страдания и, главное, остановлю кровотечение. И возможно, Джумбо сможет выкарабкаться с того света, хотя крови он потерял очень много.

Я уже примерился, как удобней взяться за рукоятку ножа, но тут меня словно кто-то схватил за руку. Притом вполне конкретно схватил; я даже почувствовал чьи-то железные пальцы на запястье, хотя самой руки призрака не видел.

А затем в голове раздался чей-то очень знакомый голос: «Остановись, дурачина! Прежде подумай, что делаешь, и чем для тебя это может закончиться. Снимут отпечатки твоих пальцев с рукоятки ножа, и загремишь в зону лет на двадцать».

Я машинально отступил назад. Мне показалось, что я схожу с ума. Сначала растворившийся в воздухе убийца, затем голос...

Мне захотелось завопить во весь голос и спрятаться мамке под юбку. Я вдруг ощутил себя маленьким и беззащитным перед какой-то страшной напастью.

Но тут я увидел, что сверху спустился Андроник – еще один жилец нашего подъезда. Он был ученым и всегда хо-

дил с отсутствующим видом, не замечая никого и ничего вокруг. Наверное, размышлял над какими-то глобальными проблемами. Правда, при случае поговорить он любил. Работал языком, как молотилка. Наверное, упражнялся перед защитой докторской диссертации.

Я знал, что Андроник работает по ночам, поэтому не удивился, что он был одет в спортивный костюм и что так быстро прибежал на шум. В руках Андроник держал бейсбольную биту. Хотелось бы мне увидеть, как этот глист в очках ввяжется в драку...

– Кто это!?! – воскликнул он, увидел распростертое у моих ног тело Альфреда.

– Джумбо, – ответил я заржавевшим голосом.

– Какой Джумбо!?!

Я понял, что Андроник не знает кличку нашего криминального соседа, – понятное дело, ему опускаться с высоких сфер до нашего бордюрного уровня не пристало – и уточнил:

– Альфред...

– А... – Он поправил очки, которые сползли на кончик носа. – Это ты... его?...

Андроник только сейчас заметил, что я держу в руках ружье, и опасно отступил на шаг. Интеллигент хренов... Куда бы он делся, будь я убийцей. От пули (ладно, дробь) не сбежишь.

– Нет, – ответил я по-прежнему непослушным языком.

– А кто?

– Не знаю... Сбежал...

Присутствие Андроника меня немного подбодрило – защитник появился, ядрена вошь, и я начал потихоньку оттаивать. Поэтому, когда на площадку поднялись те, что бежали снизу, я уже чувствовал себя более-менее сносно. И голова стала светлей – до такой степени, что я начал кое-что сообщать.

Теперь я понял, почему мне нельзя было касаться рукоятки ножа – тогда на ней остались бы отпечатки моих пальцев. И попробуй потом докажи следствию, в частности майору Ляхову, что не я воткнул нож в спину Альфреда. С моим-то шлейфом подозрений в нескольких тяжких преступлениях...

Мысленно поблагодарив своего ангела-хранителя – а кто бы еще позаботился обо мне в такую ответственную минуту, как не он? – я обратил свой взор на вновь прибывших. Их было двое, притом я их не знал; они явно не были жильцами нашего подъезда. И оба парня держали в руках пистолеты.

Бедный Андроник при виде вооруженных людей уронил биту, поднял руки и буквально прилип к стене, как банный лист к заднице, а его лицо стало белее эмульсионной краски, которой та стена была окрашена. Что касается меня, то мои реакции были несколько заторможены. Наверное, сказался сильный стресс.

Поэтому я, вместо того, чтобы как можно быстрее последовать примеру Андроника и поднять лапки кверху, развер-

нулся в сторону парней, чисто механически держа ружье наготове.

Я не успел даже рта открыть, чтобы объяснить ситуацию, как один из парней, завидев направленный на него ствол, вдруг шарахнулся назад и, наверное, чисто инстинктивно нажал на спусковой крючок своего пистолета.

Однажды я видел в кино, как пуля, выходя из ствола, затем продолжает свой полет медленно-медленно. Понятно, что этот спецэффект получается благодаря современным технологиям в операторском искусстве, но все равно зрелище впечатляет.

Однако мне даже в голову не могло прийти, что все это я увижу воочию, в натуре. Пуля не летела в мою сторону, а ползла как букашка по стеклу. Но я откуда-то точно знал, что смогу от нее увернуться, и начал отклоняться в сторону.

Мне хотелось сделать это очень быстро, но, на мое удивление, тело почти не повиновалось. Создавалось впечатление, что вокруг меня не воздух, а прозрачное желе, и оно не дает возможности передвигаться в пространстве с нормальной скоростью.

Я преодолевал сопротивление этой желеобразной субстанции с неистовым напором, близким к отчаянию. Мне было ясно: не успею уйти с траектории пули – мне хана.

Конечно, со стороны все мои потуги выглядели просто – я бросил ружье и закричал:

– Сдаюсь! Не стреляйте!

Но мое внутреннее зрение зафиксировало, что перед этим я отклонился, ушел из-под выстрела, благодаря непонятному замедлению времени, и пуля лишь обожгла мне бок, оставив небольшую царапину.

– Лежать! – заорал другой парень. – Милиция! Руки за голову!

Этот был менее импульсивным. Может, потому, что ему уже стукнуло тридцать с хвостиком. А второй был совсем зеленый. Похоже, он только-только окончил школу милиции. Возможно, это было его первое боевое крещение.

Но как они здесь оказались? Неужели Ляхов опять поставил меня на контроль, прикрепив наружное наблюдение? В таком случае надо будет сказать ему спасибо...

Все эти мысли пронеслись в моей голове, пока я грел своим телом кафель лестничной площадки, а менты в штатском пытались найти у меня в трусах оружие, так как я выскочил из квартиры почти голым, и пока они не обыскали Андроника, который совсем потерял разум после выстрела.

На все вопросы милиционеров он лишь что-то нечленораздельно бормотал и глупо тарачил свои большие черные глаза навывкате, увеличенные линзами до размера царского рубля.

– Это ты его убил!? Колись, сука! – подскочил ко мне все тот же юный «орел», когда меня поставили на ноги, и ткнул пистолет под мой нос. – Ну! Иначе грохну, как собаку! Прямо здесь!

Но я уже немного успокоился и приобрел способность мыслить здраво и обстоятельно.

– Двустволка ножами не стреляет, – заявил я дерзко. – Вы лучше присмотритесь. И не нужно тут меня стращать. Уберите ствол.

– Ты!...

– Успокойся! – придержал за руку молодого да раннего держиморду его старший напарник. – Быстро беги к машине, – приказал он молодому, – и вызови «Скорую», а также опергруппу. Будь осторожен!

– Есть...

Бросив на меня недобрый взгляд, молодой без особой охоты повиновался приказу. Когда он ушел, другой мент сначала осмотрел Альфреда (но к ножу прикасаться не стал), сокрушенно покачал головой, и уже совсем спокойно попросил:

– Расскажите, что тут произошло.

Я рассказал почти все, что видел и знал. Но безо всякой мистики. Иначе мент точно мне не поверил бы. Выслушав меня, он все равно недоверчиво покачал головой, а затем перевел взгляд на стену напротив, под которой все еще стоял бедный Андроник с поднятыми руками.

– Отойдите в сторону, – сказал мент Андронику и тот послушно проелозил по стене, словно его приклеили к ней. – Руки опустите...

Поглазев на следы, оставленные на стене дробью, он пе-

ревел взгляд на меня.

– Вы говорите, что убийца сбежал, – сказал он, пристально глядя мне в глаза. – Куда, в какую сторону?

– Наверное, вниз, – ответил я не очень уверенно.

– Не понял... Вы что, не заметили, куда он делся?

– В общем... да, не заметил. Раз – и его нету. Если честно, я здорово струхнул.

– Странно... Тогда, может, он побежал наверх?

– Не думаю.

– Почему?

– Вверху, конечно, есть люк, но он закрыт на замок. Серьезный такой замок, его так просто не откроешь.

– Но из подъезда никто не выходил!

– Как это – не выходил? – изобразил я удивление, хотя сам в этот момент подумал, что так оно, скорее всего, и есть. – А куда же он тогда девался?

– Вот и мне об этом хотелось бы знать...

Взгляд мента потяжелел, и он начал смотреть на меня остро и настороженно. Я понимал, что ему хочется немедленно обыскать весь подъезд, начиная с моей квартиры, но один он ничего не мог поделать. Нужно было ждать подкрепление – напарника и опергруппу.

Тем временем очнулись от своего «летаргического» сна и остальные жильцы нашего подъезда (в период летних отпусков их было не так уж и много), но мент, который оказался майором, предъявил всем свою ксиву в красной обложке и

сказал, чтобы они убирались к чертям собачьим.

Народ упираться не стал (что было вполне понятно; кровь редко у кого вызывает положительные эмоции), и быстро разбежался по своим норкам. Но я почему-то думал, что до утра никто из них уже не сомкнет глаз.

Наконец к ментам прибыла подмога – дежурная опергруппа с экспертом и кинологом с очень симпатичной овчаркой на длинном поводке. Затем ко мне попытался прорваться Лукич, но его не пустили, чем сильно обидели. Вот уж точно – кому не спится в ночь глухую...

Потом приехала «Скорая помощь» – как всегда, с получасовым опозданием. А за нею примчался и немного помятый майор Ляхов.

Завидев мою физиономию (мне уже позволили одеться), он даже зубами заскрипел; наверное, от ярости. Интересно, что он в этот момент подумал? Наверное, сожалел, что меня не пристрелили его коллеги, когда застали над Альфредом с ружьем в руках.

Ну, такая себе ошибочка могла выйти, с кем не бывает. Труп лежал? Лежал, весь в кровище. Оружие в моих руках было? Было. А кто знает, что там у меня в голове. Уж он-то, наверное, не упустил бы такой удобный случай...

Альфреда увезли еще живым. Но за его жизнь я уже не дал бы и ломаного гроша. Так же, как и за свою...

Глава 18

Мы сидели друг против друга как два сыча. Но с одной разницей: я смотрел на него тупо и безразлично, потому что в моем организме наступил откат после огромного душевного напряжения, а Ляхов буквально сверлил меня своим ментовским беспощадным взглядом.

Он все-таки забрал меня в управление. Эдакая маленькая месть за то, что я намеренно соскочил с его крючка.

Конечно, перед этим он не поленился опять устроить шмон в моей квартире – пытался найти или самого убийцу, или моего помощника, который отправил на тот свет Альфреда. Но я даже не протестовал. Лишь спросил, не открыть ли ему еще и сейф – вдруг именно там засел этот вражина.

Нужно отдать должное Ляхову – он промолчал. Но в его выпученных от бешенства глазах я прочитал целую энциклопедию сленга, приправленную солеными морскими словечками.

– Ну что, – наконец сказал майор, закончив с поеданием меня глазами, – будем говорить?

Я не ответил, лишь безразлично пожал плечами.

– Бояринов! Вы уже достали меня! – Ляхов сорвался на фальцет и резко умолк.

– А как вы меня достали...

Опер никак не прореагировал на стон моей души и начал

сразу с места в карьер:

– Кто убил Пилацкого?

Это была фамилия Альфреда, который происходил из прибалтийских немцев. Одно время он мыкался с идеей возвратиться на свою историческую родину (нет, не в Прибалтику, а в Германию), но его соплеменники вовремя разобрались, что он за фрукт, и поставили на его намерениях жирный крест.

Обозленный Альфред месяца два костерил «родственников» на все заставки, называя их фашистами, арийской сволочью и другими нехорошими словами, но потом успокоился и воспылал к неисторической родине еще большей любовью. Он даже организовал какой-то фонд, чтобы помогать бедным и обездоленным.

Так что смерть перековавшегося Альфреда Пилацкого была большим ударом по нашим городским бомжам.

– Не знаю.

– Вы видели убийцу?

– Я уже говорил.

– Да или нет!

– Да, видел.

– Кто он?

– К сожалению, у меня в тот момент котелок не сварил попросить его показать свой паспорт. Простите.

– Не держите, Бояринов. Вы опять по уши в дерьме. Снова убийство, в котором виден и ваш след. И опять вы будете

утверждать, что не имеете к нему никакого отношения.

– Вы удивительно догадливы. Буду.

– Куда же тогда девался убийца!? Из подъезда он не выходил, в квартирах его нет, люк на крышу закрыт на замок. Объясните мне.

– Если я скажу, что убийца просто растаял в воздухе, вы мне все равно не поверите.

– Бояринов, в сказки я и впрямь не верю. Я вполне конкретный, земной человек.

– Вот и я об этом...

Мне хотелось подсыпать соли на его раны, сказав, что он не столько земной, сколько приземленный, но я сдержался (правда, с трудом). Незачем дразнить быка красной тряпкой, он и так уже копытами землю роет.

– А потому, скорее всего, – продолжал я, – он все-таки сбежал обычным путем, как все люди ходят, – вышел через парадное. И все дела. Что касается ваших сотрудников, которые кемарили в машине неподалеку от подъезда, то они просто дали маху. Не разбуди я их выстрелом из ружья, они преспокойно спали бы до самого утра.

– Но розыскной пес не смог взять след! Как вы это объясните.

– Объяснять факты – это ваша прерогатива, – огрызнулся я без особого азарта. – Наверное, вашего песика разбудили слишком рано, а потому он был не в форме.

Действительно, ищейка повела себя странно. Ей дали об-

нюхать нож, но она вдруг начала чихать, словно он был обсыпан махоркой.

Через какое-то время псина все-таки спустилась вниз по лестнице, но не по своей доброй воле, а потому что ее потащил кинолог. Но дальше решетки перед подъездом, о которую в плохую погоду вытирали ноги, она не пошла.

Когда же я, будучи немного не в себе, сказал, что убивец растаял передо мной, словно фантом, на меня все посмотрели, как на круглого идиота, а Ляхов даже кулаки сжал в карманах, испытывая непреодолимое желание дать мне в морду. Как я его понимал...

– И вообще, я не буду с вами говорить, пока вы не угостите меня чашкой чая. – Я указал кивком головы на тумбочку, где стояли все принадлежности для чаепития. – У меня в горле пересохло.

– У меня тут не чайхана!

– А моя квартира – не кофейня. Тем не менее, мой кофе вы пили, притом с большим удовольствием.

– Вам никто не говорил, что вы жлоб?

– Говорили. Но я им не верил. Я иногда даже нищим подаю. Так как насчет чая? Время в самый раз – раннее утро. Птички уже поют...

Похоже, я попал в точку. Ляхов тоже хотел немного взбодриться, потому что его подняли среди ночи с постели, и он примчался на место событий, даже не побрившись и не продрав, как следует, глаза.

Поэтому майор молча встал и сноровисто приготовил две большие чашки круто заваренного чая. Правда, мне он подсунул надтреснутую чашку со щербинками на ободке; наверное, из мести.

– Кто мог его убить? – задал риторический вопрос Ляхов, с удовольствием прихлебывая горячий чай.

Рекламная пауза, господа! – подумал я с иронией. Пока мент возился с кипятивником и заваркой, в нем вдруг проснулся нормальный человек. Он даже смотреть на меня стал по-другому – более мягко, что ли.

К тому же, судя по вопросу, майор начал склоняться к мысли, что к убийству я не имею никакого отношения. Однако не исключено, что он просто прощупывает меня.

– Да кто угодно.

– Не понял... Почему?

– А потому, что Альфред Пилацкий – это Джумбо.

– Джумбо? – Ляхов озадаченно наморщил лоб. – Что-то знакомое...

– Когда-то с ним весь город был знаком. Притом накоротке. А уж милиция должна знать его как облупленного. Он был «бригадиром».

– А! Вспомнил. Да, клиент был еще тот... Когда он крутил свои дела, я как раз закончил юрфак.

– Так у вас университетское образование!?

– Удивлены?

– Да как вам сказать...

– Лучше ничего не говорите. Так получилось...

– Что, с работой было трудно?

– А вы разве забыли те времена? Когда людей выбрасывали за ворота заводов, фабрик и проектных институтов пачками.

– Ну, тогда я еще в школе учился и меня этот бардак почти не коснулся.

– Вы счастливчик...

– Да уж...

Мы подумали одновременно об одном и том же и нахмурились. Ляхов допил чай одним богатырским глотком и резко отставил чашку в сторону. Я последовал его примеру.

– Спасибо за чай, – поблагодарил я вежливо и потянул из кармана пачку сигарет. – Можно?...

– Курите...

Майор пошарил по своим карманам в поисках курева, а затем беспомощно посмотрел на меня. Все понятно, опер по ходу дела оприходовал весь свой запас сигарет, а бежать в магазин или киоск еще рано да и недосуг.

– Угощайтесь, – предложил я великодушно, и мы задымили, как две фабричные трубы.

Только теперь я почувствовал, что пришел в норму. Мысли потекли плавно, непринужденно, а все мои подсознательные фобии исчезли.

– Скажите, Бояринов – только честно, и не для протокола – что вы обо всем этом думаете?

– То же, что и вы. Только наоборот.

– Извините, не понял...

– Всех убивает маньяк, но я им не являюсь. Делайте со мной, что хотите, но я чист.

– Хотелось бы в это верить...

– Правда?

– Не такая уж я ментовская сволочь, как вы себе представляете. Просто я в тупике. Мне неприятно в этом сознаваться, но это факт. Никогда прежде я не сталкивался с делом, в котором царит полный мрак. Мне даже не за что ухватиться.

– И вы вцепились в меня.

– А как бы вы поступили на моем месте? Куда не ткнишь, везде найдется ваше присутствие. Как это объяснить?

– Если бы я знал...

– То-то же.

– Ладно, я сейчас кое-что расскажу. Не знаю, поможет ли вам этот рассказ, но теперь я начинаю думать, что тут не все так просто...

И я, в порыве непонятной откровенности, рассказал Ляхову про нищего, про «астролога»-лозоходца, детально описал внешность убийцы Альфреда и то, как сначала он не смог войти в мою квартиру, а потом растворился в воздухе, и наконец фантастическую историю рудничного талера, которая, по моему мнению, может иметь какое-то отношение ко всем этим событиям.

(Признаюсь, последнее предположение я добавил в свое

повествование скорее по наитию, нежели по здравому размышлению. Меня словно кто-то за язык потянул).

– Ах ты, мама моя родня! – схватился за голову майор. – Почему я только сейчас об этом узнаю!?

– До сих пор я считал, что мои наблюдения и выводы – это бред больного воображения. Но сейчас я уже так не думаю. Все, что с некоторых пор начало происходить вокруг меня, здорово пахнет мистикой. Я знаю, что это чушь собачья, не верю в это, да и вы, судя по всему, законченный прагматик, реальный человек. Но некоторые факты подсказывают мне два варианта: или весь мир сошел с ума, или у меня с головой что-то не в порядке. Все. Другого не дано.

– Так вы говорите, убийца Пилацкого лопнул как мыльный пузырь...

– Что-то вроде этого. Конечно, можно предположить, что он очень сильный гипнотизер и внушил мне это невероятное видение. Такие люди есть, я лично читал об этом в газетах. Но почему он не убил меня, как Альфреда? Ведь я теперь могу слепить из обрывков воспоминаний его фоторобот. И тем не менее, я до сих пор жив. А он сбежал, притом так, что его не увидели даже ваши сверхбдительные сотрудники. Может, у него другого ножичка не было?

– Кстати, о ноже. Должен вам сказать, что такой экземпляр я вижу впервые. Кинжал словно из музея. И лет ему триста-четырееста. Но сохранность отличная. Сталь – супер. А рукоятка на первый взгляд сделана из серебра с золотой

насечкой. Кроме того, в рукоятку вставлен большой красный камень, и опять-таки, не дешевая стекляшка. Эксперт говорит, что рубин. Интересно, сколько может стоить это ножик, и кто настолько богат, что запросто оставляет такой драгоценный раритет?

– Я заметил, что нож старинный... – Я немного замялся; но все-таки продолжил: – Отпечатки пальцев на рукоятке... уже определили, кому они принадлежат?

– Предварительно – да. – Ляхов нахмурился. – Жду официальное заключение эксперта, чтобы быть уверенным на все сто процентов. Должен вас успокоить – отпечатки не ваши. – И тут же он быстро добавил: – Как будто.

– Что вы заикнулись только на мне!? – спросил я возмущенно. – Кроме моего камня на вашей дороге, есть булыжники и размером побольше. И не факт, что вы ушибли ногу именно об этот валун.

– Не учите меня, как нужно работать!

– Все, все, умолкаю. Хозяин – барин. Просто мне обидно...

– Поймите, я на вас не наезжаю...

Ох, и мастер вы заливать, гражданин начальник! Безопасней поцеловать кобру, нежели повестись на сладкие речи следака. Это меня так учил Лукич.

– Но что касается фактов, – продолжал майор, – то они говорят как раз не в вашу пользу.

– Понимаю, – буркнул я в полной безнадеге.

– А если понимаете, то почему не хотите мне помочь?

– Как!? Каким образом? Я уже все вам рассказал; нет, даже больше, чем все. А толку? Как что, так вы сразу меня за шкуру и тащите в свою «контору». Между прочим, я не щенок, а человек. И не иду на вас в контратаку только потому, что знаю как вам трудно.

– Спасибо за сочувствие. Только я в нем не нуждаюсь. Вы покажете мне этот ваш таинственный талер?

– Да. Но только скан. Он у меня, кстати, с собой.

Я достал из кармана порядком измятый листок с изображением монеты, который так и остался лежать в моем кармане после «консультаций» со всеми причастными к нему лицами.

– А саму монету можно увидеть?

Сейчас! Так я и разбежался. Этот талер стоит такую сумму, что вы, гражданин майор, за три жизни ее не заработаете.

Отдать монету в качестве вещдока в руки представителя правоохранительных органов, это все равно, что выбросить ее. Коль из милицейских сейфов оружие тырят, притом свои же сотрудники, чтобы толкнуть знакомым браткам, то монету, которая стоит как квартира в Москве, и подавно сопрут.

Доказывай потом, что это был не просто копеечный металлический кругляш, а бесценный раритет. Кто мне поверит?

– Вы тоже собираете коллекцию монет? – поинтересовался я не без иронии.

– Послушайте!...

– Товарищ майор, не нужно нервничать. Эта монета вам не нужна. Она мое личное имущество. Если вам приспичит ее у меня отнять, то только после того, как монету оценят специалисты, составят акт оценки, а затем и акт изъятия по полной форме в присутствии понятых. И не просто понятых, а моего адвоката и авторитетных нумизматов, готовых подтвердить в любое время и в любом месте, что вы изъяли именно тот талер, о котором идет речь в вышеуказанных бумагах. Я доходчиво объяснил?

– Куда уж более...

– Вот мы с вами и договорились. Я законопослушный человек, хотя вы обо мне, кажется, другого мнения. (Нет, я не скажу, что совсем прозрачный, в нашей стране каждому россиянину можно найти соответствующую статью уголовного кодекса, но и на маньяка – повторюсь в который раз – никак не тяну). Поэтому, ежели для следствия это надо, то я готов. Монета лежит в моем сейфе, она никуда не сбежит. Но чтобы все было по процедуре. Нумизматика, это мой хлеб, чтобы вам было до конца все понятно.

– Добро. Пока замнем вопрос для ясности. Я вам верю. А с этими сканами я попрошу поработать наших специалистов. И если они вдруг начнут настаивать, чтобы им предоставили оригинал, тут уж извините...

– Понял. Не возражаю. Но только по закону.

– Экий вы законник...

– Не нужно было запихивать меня в каталажку. Это меня там просветили в кое-каких моментах, – соврал я, не моргнув глазом.

– Так что зря вы на меня обижаетесь, – сделал неожиданный вывод из моей эскапады Ляхов. – Лишние знания никому еще не вредили.

– Может, мне за ваше здравие еще и свечку в церкви поставить?

– Свечки не нужно, а за откровенность спасибо. Возможно, мы что-нибудь и выкрутим из этих фактов. У вас еще есть время?

– Для вас – сколько угодно. Я тунеядец, как называли подобных мне людей в советские времена, сиречь, безработный, и времени у меня навалом. Что вам еще от меня нужно?

– Ну, во-первых, надо оформить ваши свидетельские показания, как положено. А во-вторых, – ловлю вас на слове – помогите нам составить фотороботы убийцы, «лозоходца» и того самого нищего, который так сильно вас доставал.

– Физиономии первых двух я хорошо запомнил. Что касается нищего, то здесь за точность своих наблюдений ручаться не буду. Но, может, что-то и получится.

– Тогда приступим...

В ответ я лишь тяжело вздохнул – до чего же мне не нравится всякая канцелярщина!

Глава 19

Когда я наконец к обеду возвратился домой, мне позвонил отец. «Секретный» телефон зазуммерил как раз в тот момент, когда я в прихожей снимал туфли.

– Привет, – сказал я усталым голосом.

– Что там у тебя опять случилось?

– А ты откуда знаешь?

– Сорока на хвосте принесла.

– Перестань... Мне сейчас не до загадок. Их и без того полон короб. Ко всему прочему, я сейчас как выжатый лимон. Тебе кто-то звонил?

– Нет. Я почувствовал. Прямо с утра. Но дозвониться до тебя не смог. Где ты был?

– В ментовке, – буркнул я, скорчив сам себе кислую мину.

– Ника, что за жаргон? – В голосе отца послышалась укоризна.

– Извини... Меня опять потащили в городское управление внутренних дел, и все тот же настырный господин майор.

– На предмет?...

– Соседа сверху завалили. Пардон, зарезали. Помнишь Альфреда? Джумбо...

– Что ты говоришь!?

– А чему тут удивляться? Он и так зажился на этом свете, откровенно говоря. Его должны были грохнуть еще лет де-

сять назад, когда он мочил в городе всех налево и направо.

– Ника, не будь таким жестоким...

– Ладно, понял. О мертвых или хорошо, или ничего. Правда, есть вариант, что ему может повезти в очередной раз.

– Это как?

– Когда его увозили, он, мне кажется, еще дышал. Теперь все зависит от наших эскулапов.

– Как это случилось и почему тебе пришлось ехать в управление?

– В последнее время так получается, что я постоянно оказываюсь не в том месте и в не то время. Наверное, приближается «парад» планет...

И я обрисовал ночное происшествие – пусть и предельно сжато, но стараясь не упустить ни единой важной (с моей точки зрения) детали.

– В своих пророчествах ты оказался прав, папа. В нашем доме еще один труп.

– Увы...

– Однако меня, если честно, больше поразило другое...

– Что именно?

– Убийца на моих глазах растаял, превратился в облако, в туман. Или этот сукин сын меня загипнотизировал, или... Или у меня с головой что-то не в порядке. Но его, кстати, не заметили и менты из наружного наблюдения. Куда он девался?

– Весьма возможно, что убийца – очень сильный гипнотизер. Тогда все объясняется очень просто.

– Ты хочешь сказать, что он приказал Альфреду открыть дверь квартиры...

– И не только ему, но и Хамовичу. В противном случае его и на порог бы не пустили.

– Все это так, но, насколько я знаю, гипнотизеру нужен непосредственный контакт с человеком. А такого уroda и Хамович, и Альфред послали бы не церемонясь и безо всяких предисловий на три буквы. От веяло выгребной ямой... и угрозой. Страшный человек... бр-р!

– Мне как-то пришлось присутствовать во время опытов, которые ставил в своем институте наш дед, – сказал отец. – То, что я там увидел, потрясло меня до глубины души. Все-го рассказывать не буду, тебе это ни к чему, но что касается гипноза, внушения на расстоянии, то я наблюдал, как гипнотизер (или экстрасенс; не знаю, как его назвать) внушал свои мысли лаборанту, находясь от него на расстоянии десяти метров, в изолированной комнате. Правда, твой дед говорил, что таких людей единицы. И способность к внушению нужно тренировать годами.

– Но это еще не все. Убийца, как я понимаю, хотел наброситься на меня и сделать мне секир башка – я все-таки свидетель и застал его на месте преступления. Однако, какая-то сила не дала ему войти в квартиру. Его будто ошпарили. По-моему, такого облома убийца не ожидал и, кажется, здорово

струхнул. Или растерялся. (Ружье, кстати, он вообще игнорировал, будто я держал в руках простую палку). По правде говоря, и я был сильно удивлен, чтобы не сказать больше. Этого урода будто человек-невидимка по харе съездил.

Отец ответил не сразу. В трубке слышно было, как он шуршит бумагами – скорее всего, бесцельно перекладывает их с места на место; это такая манера у него думать.

Но вот все затихло, и я не слышал даже его дыхания. Пауза несколько затягивалась, и я, подув в трубку, сказал:

– Алло! Пап, где ты пропал?

– Здесь я... На месте.

– Ну, что ты на это скажешь?

– Плохи наши дела, Ника...

– Это я и без тебя знаю. Действительно, хуже не придумаешь.

– Еще как придумаешь. Похоже, до этого дня были всего лишь цветочки. И нужно молить всех богов, чтобы ситуация еще больше не усугубилась.

– Папа, ты о чем? Что-то я тебя не пойму...

– Может, ты сейчас будешь смеяться, но дело в том, что твой дед наложил на свою, то есть, теперь уже на твою, квартиру какое-то оберегающее заклятье.

– Ты шутишь?

– Вовсе нет. В эти дела он свято верил. Такая у него была, с позволения сказать, специальность. Вернее, одна из специальностей. Ты знаешь, что твой дед был широко образован.

– Допустим это так. Я имею ввиду заклятье. Ну и что? Дед много чего таинственного делал, но это были его проблемы. Нас они не должны касаться.

– Уже коснулись.

– Каким образом?

– А ты разве не понял?

– Что я должен понять?

– Тогда и впрямь у тебя проблемы. Если не с головой (что маловероятно), то с воображением и способностью анализировать ситуацию.

– Это вы с дедом большие умники, – окрысился я. – Между прочим, в том, что у меня башка дубовая, не только я один виноват.

– Принимается, – согласился отец. – Свою долю вины признаю. Но здесь дело не в голове, а в воспитании. Надо было тебя голыми коленками на горох ставить, как это делал твой дед, когда я получал плохие оценки. Ты тоже из тех индивидуумов, которым знания нужно силком вдалбливать. А я как-то об этом забыл.

– Все, батя, поезд ушел. Что имеем, то имеем. Я бездельник и сибарит. Согласен с этим утверждением. Лишний член общества. Когда-то про таких, как я, лучшие умы эпохи гениальные книги кропали, а теперь, в этом гребаном капитализме, нам место даже не на обочине столбовой дороги, а и вовсе под колесами.

– Не обижайся. Это я по привычке бухчу.

– Да понял я, понял. Какие обиды... Так что там с заклятьем?

– Ну, во-первых, если ты думаешь, что дед просто поводил туды-сюды руками – и все дела, то здорово ошибаешься. Он сделал по всей квартире какие-то закладки: корешки трав, кусочки разных металлов, обрывки старинных пергаментов и еще черт знает что – по внешнему виду так сразу и не определишь.

– А ты откуда знаешь?

– Я помогал ему.

– Да ну!

– Точно. Все это добро мы замуровали в стены – в тех местах, где указал дед. Должен тебе признаться, мне много пришлось дырок долбить в кирпичной кладке. Даже мозоли кровавые с непривычки набил.

– Странно...

– Что именно?

– Дед был очень скрытным человеком, а тут все тебе показал...

– И не только показал, но и кое-что разъяснил. Он говорил, что когда-нибудь может наступить такое время, что в мире начнутся различные непонятные простому смертному коллизии. Вот тогда и...

– Погоди! Какие коллизии?

– Он не стал особо конкретизировать. Сказал лишь, что это будет тогда, когда люди ударятся в мистику, появится

много разных сект и ответвлений от основных религий, и начнутся локальные войны, которые – так он выразился – РАЗБУДЯТ ДРЕВНЕЕ ЗЛО.

– Это как раз наше время – кругом одни экстрасенсы и колдуны. И американцы разбойничают по всему миру: несчастную Югославию разбомбили, разорвали на куски, захватили многострадальный Афган, разрушили Ирак, теперь на Иран грозят наехать по-взрослому, а там на очереди Северная Корея, Куба... Блин! Так кто теперь «империя зла»?

– Что да, то да... – По-моему, отец очень тихо выдал по поводу американцев несколько непечатных выражений; я только молча кивнул, соглашаясь. – Так вот, дед все эти заморочки настраивал против древнего зла. Он сказал, что только так можно от него уберечь нашу семью. Оказывается, он был прав. Ты сегодня имел возможность в этом убедиться. Тот страшный урод так и не смог переступить некую незримую границу. Значит, заклятье еще не утратило свою силу.

– Хочешь сказать... хочешь сказать, что убийца – это то самое древнее зло!? Пришелец с того света? Батя, по-моему, это уже чересчур. Ты же ученый, а веришь в разную лабуду. Не знаю, как все это объяснить, но думаю, что разгадка лежит на поверхности и находится в пределах здравого смысла.

– Есть много чего на этом свете, мой друг Горацио... С годами категоричности у меня несколько поубавилось. Придет время, сам поймешь. Нет, я не очень верю во все эти дела. И всегда посмеивался над твоим дедом. А вот он пресекал мои

хохмы самым решительным образом. Говорил – не знаешь, молчи. И не суйся туда, куда тебя не просят. Для него это было очень серьезно. Может, он был прав?

– Господи, как я устал от всех этих проблем! Жил тихо-мирно, никого не трогал, и тут – здрасте вам. Потусторонние убийцы, гипнотизеры, заколдованная квартира, наконец, менты, что хуже нашествия гуннов... С ума сойти! Нет, папа, я не боец. А судя по твоим словам, мне еще придется хлебнуть лиха. Может, уйти в монастырь? От греха подальше.

– Я так не сказал! – запротестовал отец. – Я имел ввиду, что у нас еще могут быть какие-то проблемы. И не обязательно трагического характера. По крайней мере, моя интуиция молчит.

– Он уже раз изрекла... – пробурчал я обречено.

– Да, изрекла, – не сдавался отец. – А теперь я не вижу над тобой и этим домом черной ауры. Нет ее, и все тут.

– Ты не видишь, а я вот чувствую, что добром ситуация не закончится. У меня внутри будто еж с иголками, во все мои органы шпыняет, колет, зараза.

– Перебирайся к нам на время. Будете вдвоем с матерью. И ей спокойней, и ты под присмотром. А мне будет с кем футбол смотреть. Одному скучно. Скоро чемпионат мира, не забыл?

– Нет. Дожить бы до него...

– Перестань! Что это у тебя за похоронное настроение? Все образуется, верь мне.

– Пап, у нас в институте была военная кафедра, где меня учили на артиллериста. Все, что я оттуда вынес из военных знаний, так это то, что есть такое понятие в артиллерии как «вилка». Это когда кладут два снаряда подряд, – один с недолетом, другой с перелетом – а третьим бьют посередине, точно в цель. У меня как раз такая ситуация – сначала Хамович, потом Альфред, а дальше... В общем, понятно. Но почему, почему!?

– Выбрось эти глупости из головы! Говорю тебе – все будет нормально. Я сейчас пришлю за тобой машину, собирайся.

– Нет, па, так не пойдет. Не ты ли меня учил, что от судьбы не сбежишь?

– Я, но...

– Все, вопрос закрыт! Никуда я не поеду. Мне нужно самому разобраться во всей этой истории. Я чувствую, что разгадка где-то близко... но где она?

– Ника!...

– Папа, между прочим, куда-то пропала моя девушка. Отчасти и по моей вине. Не нужно было отпускать ее среди ночи одну. А ты хочешь, чтобы я спрятался от всех проблем под одеяло, как в детстве, и чего-то ждал. Да я себя просто уважать перестану! Тоже мне, фраер, маменькин сынок...

– Ты иногда бываешь таким упрямым...

– На себя посмотри. Ты тоже далеко не ангел.

– Ладно, не будем пикироваться. Головой я с тобой согла-

сен, но сердце говорит другое. Я все-таки, отец... И мне не безразлично, что с тобой может случиться.

– Извини, папа, я не хотел тебя обидеть. Но мне уже за тридцать и я не трансвестит. Настоящий мужчина должен уметь постоять за себя. По-моему, сейчас пришло и мое время. И мне от этого никуда не деться.

– Ах, Ника, Ника... Что ж, коль ты так решил, то я ничего не могу поделать. Я прошу только одно – будь осторожен и внимателен. Какое-то время тебе придется ходить по городу как по минному полю. Старайся делать это не пехом, а езди в такси. Так безопасней.

– Спасибо за совет, па. Бывай здоров.

– До свидания, сынок. Храни тебя Господь. И звони нам почаще.

– Непременно...

На этом наш разговор и закончился. Он оставил на душе какой-то странный осадок. Так бывает, когда пьешь воду из старого и очень ржавого трубопровода. Как ты ее не очищай, а во рту все равно чувствуется привкус железа.

Сонное состояние, которое одолевало меня по дороге домой, куда-то испарилось. Разъяснения отца по поводу дедовских шуточек меня не очень удивило. Дед, сколько я его помню, всегда чудил. Он точно был не от мира сего.

Но мы привыкли к его странностям и считали, что так и должно быть. Нам почему-то казалось, что он занимается детскими игрушками, настолько несерьезными (на наш

взгляд) были темы его исследований.

Мне, например, они казались сродни средневековым схоластическим диспутам, когда монахи и другие ревнители католической веры спорили, сколько может уместиться дьяволов и дьяволят на кончике иглы.

Только став гораздо старше и начитавшись эзотерической литературы (во времена перестройки это было ново и модно), я вдруг понял, что мой дед и впрямь был серьезным исследователем непознанного, которое лежало за пределами материального мира.

И все равно мне это было неинтересно. Меня больше увлекала история – та ее часть, которая касалась денежного обращения. Нумизматика закрыла весь мой горизонт, и мне было наплевать на всяких домовых, леших, вурдалаков, гномов, инопланетян и параллельные миры.

Оказалось, я был неправ.

Глава 20

Когда ситуация прижимает человека, что называется, к стенке, и перед его мысленным взором уже маячит отделение солдат со стволами, нацеленными ему в грудь, он сразу же сбрасывает с себя тонкую скорлупу цивилизованности и начинает драться за свою жизнь всеми подручными средствами – ногтями, зубами, кулаками, увесистой дубиной...

Так случилось и со мной. Первый испуг прошел, и где-то в глубине моей души начал просыпаться питекантроп. Нет, не питекантроп; скорее, средневековый типаж. Я вдруг уверовал во всяческую чертовщину, в колдовство и даже переселение душ.

А что мне оставалось делать?

Слишком много необъяснимых происшествий, с точки зрения нормальной логики, случилось за очень короткий период. И почти все – с мои участием.

Назойливый нищий, чокнутый «лозоходец», любитель лодочных прогулок с физиономией, исполосованной шрамами, и уродливый убийца-фантом нанизывались на нить времени как бусины одного ожерелья. Что все это значит?

Я теперь почему-то был совершенно уверен, что все убийства – дело рук этих монстров. Эта уверенность снизошла на меня как озарение, хотя в деле я видел лишь убийцу Альфреда.

От этих мрачных мыслей меня начало трясти. Я прошел на кухню, достал из холодильника бутылку водки, налил полный стакан и выпил его одним духом, словно это была не сорокоградусная, а слабенькой сухое винцо.

Занюхав водочный дух хлебной коркой – мне кусок в горло не лез – я прошел в кабинет и начал поочередно открывать все ящички и дверки дубового секретера-монстра. Мысль, которая пробила меня, когда по жилам пробежала горячая спиртовая волна, показалась мне очень даже толковой.

Я искал оберег, который подарил мне дед незадолго до своей кончины. Это была совершенно нелепая вещица на гайтане, сплетенном из разноцветных шелковых нитей. Она представляла собой бесформенную серебряную пластинку с какими каббалистическими знаками, в которую были впаяны девять маленьких камешков. Из них я знал только рубин и изумруд. Остальные показались мне разноцветным галечником, который можно свободно найти на берегах Черного моря в районе Коктебеля.

«Спасибо, дедуля, – поблагодарил я, когда дед надел оберег мне на шею. – Классная штучка. Модец...»

В то время и впрямь было модно носить на шее разные побрякушки и псевдоамулеты. А самым козырным приколом была замшевая безрукавка и медвежий клык на кожаном шнурке, болтающийся в районе солнечного сплетения. Как у вождя индейцев-апачей.

«Эта штучка, как ты выразился, когда-нибудь может спа-

сти тебе жизнь, – сурово ответил дед. – Носи оберег постоянно, и у тебя не будет никаких серьезных проблем. Только прячь его под одежду».

Конечно же, слова деда я пропустил мимо ушей. Еще чего – носить на своей интеллигентной шее примитивную блямбу, весившую почти сто грамм.

Какое-то время – пока дед не ушел навсегда – я таскал оберег в кармане и надевал на шею только тогда, когда приходил к нему в гости – чтобы не обидеть нашего дорогого патриарха. А потом и вовсе забыл про наказ деда, положив блямбу на вечное хранение в одну из ячеек секретера.

Но в какую именно?

Я рылся в своем скарбе битый час, пока мне, наконец, не попался на глаза искусно сплетенный шелковый шнурок. Как это обычно бывает, нужная вещь лежала на самом дне самого большого ящика, доверху забитого различными инструментами и химикалиями.

Созерцание оберега длилось не менее двадцати минут. Я тупо пытался понять, чем может мне помочь этот кусочек металла с галечными вкраплениями, если на меня из-за угла с ножом в руках набросится тот урод, что убил Альфреда.

Решив, что такая сложная задача не для среднего ума, я протер оберег и гайтан спиртом и не без внутреннего сопротивления повесил его на шею – рядом с православным крестом. В такой ситуации, подумал я с отчаянием, мне не помешает помощь всех верхних сил, как совсем светлых, так

и не очень.

Господи, прости меня грешного...

Прочитать молитву (или что-то вроде, так как знал лишь «Отче наш» и то с ошибками) я не успел – вновь зазвонил телефон. Но на этот раз обычный. Наверное, маманя, подумал я с легкой досадой. Начнется сейчас «плач славянки»...

Чтобы в очередной раз ее успокоить, мне нужно как минимум час времени. У мамани, как и у всех мужчин нашей семьи, были сильно развиты интуиция и предвидение. Если я где-то ушиб ногу, ей тут же это становилось известно. А стоило мне забуриться с теплой компашкой на чьей-нибудь даче, как маманя непонятно каким образом узнавала, где ее балбес пьянствует и номер телефона нашей «секретной» базы.

Это и впрямь была мистика. Став постарше, я уже не скрывал, где буду кантоваться следующую ночь. Зачем лишний раз напрягать родного человека?

Я поднял трубку:

– Алло!

И тут же невольно вздрогнул – голос в трубке был мужским.

– Никита, это ты?

– Кгм! В общем, да... это я. С кем имею честь?...

– Не узнаешь?

– У меня со слухом неважно.

– Бывает... Кхе, кхе... – Мой собеседник то ли прокаш-

лялся, то ли коротко рассмеялся.

А вот теперь я узнал, кто звонит. На другом конце провода находился Паташон! Это удивило меня до полного изумления. Паташон не знал номера моего телефона и до сих пор не выходил со мной на связь ни разу.

Обычно мы все свои дела решали в клубе. Но наши бизнесовые контакты были очень редки, так как я не доверял Паташону, предпочитая общаться по вопросам пополнения своей коллекции с Князем.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич. Какими судьбами?...

– Здравствуй, здравствуй, хлопчик. Не буду тебя долго интриговать. Ты в большой опасности, Никита. Прими меры.

Мое сердце екнуло от дурного предчувствия.

– Простите, но я не понял. О какой опасности вы говорите?

– Сегодня ко мне приходили какие-то странные люди... чтобы не сказать – нехорошие. Два старика в лохмотьях. Я сначала подумал, что это бомжи-попрошайки. Но по их речам понял, что это не так. Они очень интересовались тем самым рудничным талером...

Блин! У меня по спине побежал мороз, а ладонь, которая держала трубку, мгновенно вспотела.

– А причем здесь вы?

– Ну, им откуда-то стало известно, что я купил его у Вацлава. Но я сказал, что монету мне пришлось перепродать. Деньги были нужны...

Я похолодел. Неужели Паташон назвал им адрес отцовской квартиры!?! Кто эти два старика, я догадался сразу.

– Вы... вы сказали им, кто покупатель?

– Обижаешь старика, Никита... кхе, кхе... Мы с тобой коллеги, а своих я не продаю. Очень подозрительные типы... И говор у них странный. Будто иноземцы.

– Спасибо, Иван Сергеевич! – Я облегченно вздохнул. – Я ваш должник.

– Сочтемся... Ты на этот талер вышел первым, поэтому монета твоя. Зачем кому-то еще путаться под твоими ногами? Я верно говорю?

– Абсолютно. Еще раз благодарю. Кстати, они что, заходили в вашу квартиру?

– Пытались... – И Паташон снова коротко засмеялся. – Нахальные глупцы... Для таких у меня всегда наготове сюрпризы. Но им достаточно было одного Гурда*... кхе, кхе... Он слегка их потрепал. Больше не сунутся.

*Гурд – французское название песо, денежной единицы многих стран – Аргентины, Мексики, Колумбии и т. д.

Похоже, Гурд – эта тот самый отпрыск баскервильской собаки, который во время моего посещения жилища Паташона просто алкал поточить о меня свои внушительные клыки. Да, незваным гостям Паташона пришлось несладко... несмотря на все их гипнотические штучки. Видимо, на пса они не действуют.

Я совершенно не сомневался, что к Паташону приходили

«лозоходец» и убийца Альфреда. Чтобы у меня не осталось по этой части ни малейшего сомнения, я спросил:

– Как они выглядели?

Паташон, немного подумав, описал мне своих «гостей» в деталях. Оказывается, старый прохиндей, несмотря на весьма преклонные годы, обладал очень цепкой памятью. Действительно, как я и предполагал, его посетили мои знакомцы.

Только вместо убийцы Джумбо к Паташону приходил тот самый назойливый нищий, что не давал мне проходу. А на голове его напарника-«лозоходца» был надет не дурацкий колпак, а большой берет с фазаньим пером; я уже его видел.

– Значит, они дали деру...

– Не сразу, – сказал Паташон. – Это меня здорово озадачило.

– Неужто они сделали еще одну попытку взять вас на абордаж? – спросил я с удивлением.

– Куда им... Супротив Гурда у них кишка тонка.

– Так что тогда вам показалось странным?

– Кое-как дав лад своему рванью – Гурд все-таки немного перестарался – они, вместо того, чтобы смазать пятки салом, начали ходить вокруг дома. Я наблюдал.

– Зачем?

– Откуда я знаю? Тот, который в берете, держал в руках окоренную ветку, похожую на крестьянские двузубые вилы, только поменьше размером. Такими сено в стога складыва-

ли... раньше. Ты не знаешь... А второй нелепо размахивал руками и глаза под лоб закатывал, будто ему было дурно...

Колдовские пассы делал, подумал я как-то отстраненно. Мать моя женщина... Во что я вляпался? Ведь они идут по моему следу, это и к бабке не нужно ходить, чтобы понять ситуацию. Эта зловещая тройца что-то ищет.

Я и уже догадываюсь – нет, знаю! – что именно. Но зачем?... Зачем им столько крови и убийств?

– На третьем круге, – тем временем продолжал Паташон, – они успокоились, как мне показалось, и убрались восвояси.

– Что значит – успокоились?

– Такое впечатление, что у них пропал ко мне интерес.

– Почему вы так думаете?

– Когда они уходили, приятель того сукиного сына, что в берете, обернулся и, дурашливо сооротив мне рога, показал язык. Такой грязный и длинный... как у змеи. Только не раздвоенный. Отвратительно... Но откуда он знал, что я за ними наблюдаю? Я ведь смотрел в узкую щель между портьерами, и видеть меня они не могли.

– Это такие типы, что видят сквозь стены, – ответил я угрюмо. – Не предавайтесь иллюзиям, они могут вернуться. И тогда вам будет худо. Поберегитесь. Должен вам сказать, что эти двое владеют колдовскими приемами. Мне так кажется.

В ответ раздался веселый смех Паташона. На этот раз он хохотал дольше, чем обычно. Куражился, что ли.

– Ах, хлопчик... В мои годы уже можно бояться только одного – что я не умру сразу, в один момент, а буду дожидаться конца, валяясь в постели никому не нужный и всеми забытый. Это и впрямь страшно. А что касается различных колдовских штук, то мы тоже не лыком шиты...

Он ненадолго замолчал, а затем продолжил:

– Может, ты и прав... Я что-то чувствовал, но не придал этому значения. Интересно... Спасибо за предупреждение.

– Извините, что не сделал этого раньше. Но я даже не мог предположить, что они выйдут на вас.

– Да, Никита, мне кажется, ты играешь в опасные игры. Теперь я уже не хочу знать, в какие именно, хотя перед этим разговором имел такие намерения. Если ты верующий, сходи в церковь.

– Я так и сделаю.

А про себя подумал: «Может быть...»

– Тогда бывай, – попрощался со мной Паташон. – Заходи, ежели что понадобится. Буду рад.

– Всенепременно. Будьте здоровы.

– Кхе, кхе... Твои бы слова да Богу в уши...

На этом наш разговор закончился. И только когда в трубке раздались короткие гудки, я вдруг вспомнил, что не сказал Паташону о смерти Князя. Видимо, он еще не знал про трагедию, потому что не обмолвился об этом ни единым словом, что на него не похоже.

Паташан и Князь не были закадычными друзьями, но

относились друг к другу по-товарищески, и пикировались только тогда, когда им становилось скучно, и требовалась небольшая ссора для поднятия жизненного тонаса. Друг друга они уважали – большей частью потому, что оба были признанными корифеями в области нумизматики.

Я сидел в полной неподвижности, отрешенно уставившись на телефонный аппарат, добрых полчаса. Информация Паташона сдвинула мне мозги набекрень, открыв свежий пласт серого вещества. Так бывает в природе, когда оползень уносит с собой в долину замшелые выветрившиеся камни, обнажая прочное гранитное основание.

Мозаика начала складываться. Притом практически без усилий с моей стороны. Отдельные ее кусочки сами начали сползаться к единому центру и клеиться на основу.

Охота шла за талером графа-чернокнижника. Кому-то он сильно понадобился. Что касается самих охотников, то их кровожадность и настойчивость в достижении цели были поистине дьявольскими. Они будто выползли на свет ясный из адских глубин, где существует одно зло.

Мне теперь стало ясно, что хотел найти лозоходец в моем подъезде. Он искал квартиру, где находится монета. Но почему тогда его напарник, уродливый убийца, не сориентировался, как должно, а сначала искал талер в жилище Хамовича, затем добрался и до квартиры Альфреда?

У меня уже не было сомнений, что вилообразная ветка – точный инструмент. Лозоходец сразу определил, что у Пата-

шона талера нет, когда ходил вокруг его дома. Скорее всего, он даже не определял, – это было сделано раньше – а уточнял свои данные. Потому старик так легко отделался.

Если бы монета находилась у Паташона, то ему не помог бы и свирепый Гурд...

То, что эти страшные оборванцы пришли не ко мне, могло значить только одно – Князь даже под пытками не сказал им, что талер уже в моих руках. Он направил своих истязателей к Паташону, так как знал, что того голыми руками не возьмешь. И в принципе Князь сказал им правду.

Он не учел лишь один важный момент – что эти исчадия ада не удовлетворятся только информацией, но отберут у него еще и жизнь. Скорее всего, так они заматают следы – чтобы никто не узнал, за чем идет охота. Поэтому и были убиты все, кто имел хоть малейшее отношение к талеру чернокнижника.

А каким образом они вышли на Князя? Скорее всего, через того человека, который когда-то продал ему злополучный талер. Кто он – неизвестно, но думаю, что в милицеских сводках, в графе «Убийства», его фамилия уже отражена.

Ладно, допустим все это так. Но как они вышли на наш дом? Ветка показала? Сомнительно. Не могли же эти уроды шлындраить по городу с лозой в руках, выискивая нужный объект. Для этого нужно очень много времени. К тому же, как они узнали, что монета находится в нашем городе, а не,

скажем, в Москве или в Казани?

Естественно, объяснений может быть множество. В том числе и такие, которые относятся к запредельным областям человеческого бытия. Мистика, одним словом.

Но мне казалось, что у меня был ответ на этот вопрос. Я вспомнил свою первую встречу с назойливым нищим. Это было еще до звонков телефонного хулигана. Однако тогда этот оборванец ничего не просил, а шел по тротуару, не поднимая головы.

Нищий выглядел очень робким, и мне показалось, что он просто в ужасе от пронесившихся мимо автомашин. Иногда он даже шарахался в сторону, когда очередной лихач, поравнявшись с ним, добавлял газу.

Оборванец старался казаться как можно незаметней, но разве можно не заметить таракана, который ползает по праздничному столу, накрытому белой скатертью? Прохожие – в основном молодежь – брезгливо обходили его по дуге, а некоторые отпускали в адрес нищего разные нехорошие шуточки.

Короче говоря, создавалось совершенно фантастическое впечатление, что оборванец каким-то образом попал в двадцать первый век прямиком из средневековья. Хотя бы потому, что его одежда сильно отличалась от шмоток наших родных бомжей, да и сам он словно сошел с рисунков и гравюр западных художников шестнадцатого века.

По правде говоря, в тот момент я особо к нему не при-

смастривался. Это сейчас мне все вспомнилось в деталях. А тогда я чересчур был занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на очередного бездомного, коих после развала Союза расплодилось великое множество.

Я возвращался от Чикина – большого мастера по подделкам нумизматических раритетов. Нет, мне не нужен был но-водел, чтобы временно – до приобретения подлинника – заполнить пробел в коллекции. Я всего лишь носил ему на чистку приобретенный у Васьки Штыка рудничный талер.

Конечно, я и сам в этих делах не пас задних, и кое-что умел, но Пал Саич работал просто гениально. Из его рук даже самая забитая и истертая монета выходила как новенькая.

Он чистил монеты каким-то специальным раствором собственного изобретения, который совершенно не нарушал слой патины, покрывающий экземпляр (а патина в глазах коллекционера обладала большой ценностью). И в то же время этот раствор «проявлял» самые мельчайшие детали изображения на аверсе и реверсе монеты.

Я шел окрыленным и думал только о своем сокровище, которое лежал, завернутое в мягкую фланельку, во внутреннем кармане пиджака, застегнутом на «молнию».

Пал Саич чистил талер при мне. Я не хотел выпускать монету со своего поля зрения, чтобы не дать возможности Чикину ее скопировать; за ним такие грешки водились. Особенно когда ему в руки попадал редкий, а значит, ценный экземпляр.

Что поделаешь – была у этого очень талантливого человека такая слабость...

Перед тем, как приступить к чистке, Пал Саич долго вертел талер в руках и цокал языком от восхищения. У него был потрясающий нюх на раритеты, но то, что он держал в руках, видимо, сразило его наповал.

Мастер даже не стал упрашивать меня, чтобы я продал ему этот талер. Он сразу прикинул, сколько может стоить монета на аукционе, а потому был уверен, что на эту сделку я не пойду – у него не имелось так много денег.

(Чикин не считал себя коллекционером, однако некоторым его раритетам могли позавидовать и солидные музеи. Для чего Пал Саич приобретал уникальные и очень дорогие монеты, думаю, объяснять не нужно...)

Когда я проходил мимо оборванца, его будто током ударило. Он даже споткнулся. А затем потопал за мной, как привязанный невидимой, но прочной нитью. Но я обратил на это внимание лишь тогда, когда стал переходить улицу, на противоположной стороне которой находился мой дом.

Естественно, я не стал дожидаться, когда загорится зеленый свет для пешеходов, а по привычке устроил забег с препятствиями в виде несущихся под всеми парами автомашин. Перебежав улицу, я обернулся и с видом победителя показал большой палец какому-то чересчур нервному водиле, которые за считанные секунды успел рассказать мне чей я сын, как зовут меня, моих родителей, а также обозначил мою сек-

суальную принадлежность.

Тут-то я и увидел, что нищий в отчаянии мечется на противоположной стороне улицы, не решаясь последовать моему примеру. Он даже начал подвывать от страха и бессилия. Удивительно, но, несмотря на шум моторов, этот вой я все-таки услышал.

Однако в тот момент проблемы этого бомжа, как я определил его общественный статус, меня мало волновали. Развернувшись, я почти бегом направился к своему подъезду, горя желанием рассмотреть талер через лупу – вдруг после чистки открылись еще какие-то детали изображения.

А потом через некоторое время начались телефонные звонки...

Похоже, нищий каким-то образом почувал, что талер лежит в моем кармане. Для него это открытие было сродни раскату грома среди ясного неба. Однако он смог узнать лишь дом и подъезд, в котором я жил, но не квартиру.

Тогда с какой стати меня терроризировали телефонными звонками? И тут я вдруг вспомнил разговор жены Альфреда с какой-то дамой из соседнего подъезда. Супруга Джумбо жаловалась, что из-за телефонных хулиганов муж в течение месяца два раза менял номера телефонов.

Кстати, и Андроник однажды начал что-то говорить мне на этот счет, но я постарался побыстрее уйти от него в отрыв. Дело в том, что заумные бесконечные речи ученого соседа вызывали у меня чисто щенячье желание поднять но-

гу и помочиться на его спортивный костюм времен позднего социализма и стоптанные домашние тапочки, а затем еще и обляять.

Значит, звонили не только мне одному! Почему – это другой вопрос. Может, все это делалось ради психологического давления. Ведь нищий не знал точно, в какой квартире я живу, поэтому его подельники (а может, и он сам) звонили по всем телефонам нашего подъезда.

Скорее всего, готовилась почва для будущего гипнотического внушения, вспомнил я одного очень известного «экстрасенса-чудотворца», в смутные времена развала Союза заряжавшего «чудодейственной» энергией с экранов телевизоров бутылки и банки с водой. Именно тогда была унавожена и вспахана почва для грядущей прихватизации с последующим оболваниванием бывших советских граждан всякими финансовыми пирамидами и инвестиционными фондами.

Наверное, те, что искали талер графа-чернокнижника, думали, что и нынешнему владельцу он представляется огромной ценностью, выражающейся в каких-то его магических свойствах. (Действительно, не ради же самого серебра, из которого была изготовлена монета, ее так жаждали заполучить).

Поэтому они хотели заставить нового владельца талера нервничать и бояться, чтобы он сдался и отдал раритет без сопротивления. Именно ОТДАЛ – сам, по своей доброй воле.

Эта мысль пронзила меня раскаленной иглой. Где-то в какой-то книге я читал (или мне дед рассказывал, точно не помню), что только в таком случае магическая сила предмета переходит вместе с ним к его новому владельцу.

Ладно, допустим все это так. Но почему тогда эти уроды сразу не пришли в мою квартиру, как к владельцу талера, а убили скольких людей? Объяснение напрашивалось само по себе. Итак, мозаика вроде сложилась, теперь все по порядку.

Сначала мрачной гоп-компании, которая явно была не от мира сего, здорово повезло, что их товарищ, нищий, нечаянно наткнулся на владельца талера, то бишь, на меня. Они только не смогли тогда точно вычислить мою квартиру. Да и как ее вычислишь, если подъезд закрыт на замок.

В принципе, для них это была не помеха; по крайней мере, им так казалось. Но для начала эти таинственные личности затеяли эпопею с телефонными звонками, а поскольку не знали, в какой квартире я живу, то начали обзванивать всех подряд.

Как они узнали номера телефонов жильцов подъезда? Чего проще. Пиратскую копию базы данных по абонентам городской телефонной сети на жестком диске запросто можно приобрести на радиорынке. Притом, недорого.

Потом они стали обрабатывать меня при помощи трюка с назойливым попрошайкой. Когда человек выходит из себя, истощая свою нервную систему злобой или какими-нибудь выходками, его легче контролировать. Этот постулат я тоже

где-то вычитал.

Во время этой кампании они время даром не теряли и вышли на Жовтобрюха. Наверное, эти страшили работали двумя группами, обеспечивая максимальный охват потенциальных владельцев вожделенного сокровища, – для большей эффективности.

Достать Жовтобрюха было проще всего. В отличие от жильцов нашего подъезда (у многих были и личные водители, и охранники), он оказался совершенно беззащитным. К тому же, Жовтобрюх, как теперь стало ясно, часто совершал свои сатанинские мессы на кладбище. Похоже, те, к кому он обращался в своих заклинаниях, наконец услышали его просьбы, и пришли за ним...

Итак, телефонный терроризм закончился, нищий свою роль сыграл, и началась череда убийства. Первым в кровавой очереди оказался Жовтобрюх. С ним почти все ясно. Он украл талер из лаборатории деда, где в свое время работал, принес его домой и спрятал подальше, в тайник, вместе с царскими рублями, не подозревая об истинной ценности монеты.

Во время переезда на новую квартиру, в суматохе сборов, Жовтобрюх забыл про свой «клад». В принципе, для обычного человека серебро, хранившееся в тайнике, большой ценности не представляло. Так, похоже, думал и Жовтобрюх, а потому не особо беспокоился о своей заначке.

А когда вспомнил про тайник, уже было поздно – Хам Ха-

мыч не таким был человеком, чтобы разрешить постороннему (пусть и бывшему хозяину квартиры) шарить в своих отремонтированных по высшему разряду апартаментах.

Затем на Жовтобрюха вышла «бригада» колдунов-гипнотизеров, или кто они там. Выпытав у бывшего стукача, что им было нужно, уроды зарезали его, как цыпленка. И не только зарезали, но и выпотрошили. Это у них такой «фирменный» почерк... мать их так.

Почему он был убит на кладбище, да еще и в окружении черных свечей? Ответ прост, как выеденное яйцо: Жовтобрюх, похоже, как раз занимался своими сатанинскими штучками. И попал словно кур в ошип. Откровенно говоря, мне совсем не было его жалко.

Потом убийцы пришли к Хамовичу – именно туда направил Жовтобрюх своих истязателей, рассказав, где находится тайник с монетами. Но у них вышел облом – тайник оказался пуст.

Но они ведь точно знали благодаря нищему, что колдовской талер находится в одной из квартир нашего подъезда. В какой именно? Это была загадка. И тогда появился «лозоходец», который указал на жилище Альфреда. Джумбо они тоже отправили вслед Хамовичу и Жовтобрюху – чтобы соседям не было на том свете одиноко и скучно.

Правда, «препарировать» Альфреда убийца не успел. Джумбо был очень силен и сумел вырваться из лап урода. Но он добрался только до моей двери...

И снова у шайки-лейки получился прокол. Почему? Мне кажется, на этот вопрос ответил мой батя. Дед «закрыл» бывшую свою квартиру каким-то заклинанием (или чем там еще – поди знай), поставив невидимый экран, который все же был пронцаем – сверху и снизу.

Какие-то эманации, излучения от колдовского талера, проникали через пол и потолок в квартиры соседей, создавая определенный фон, который и был замечен «лозоходцем». А мое жилище было для него пустышкой – вилка из лозы на моей лестничной площадке даже не шевелилась.

И только когда я отворил дверь, изумленный убийца Альфреда понял, что попал впросак благодаря силе, которая была неподвластна его шаманским штучкам. Правда, сообразил он это только тогда, когда попытался «зачистить» свидетеля – оторвать мне башку.

А он был силен, очень силен, несмотря на свои лохмотья и уродливую физиономию. Его лапищи с длинными узловатыми пальцами показались мне большими кузнечными клещами, а рельефные мышцы не могла скрыть даже нелепая одежда.

Что касается убийства Князя, то на него вышли, скорее всего, благодаря слежке за мной; или оперативно сработали члены другой группы – «поисковики», которые вычислили маршрут талера по нашему городу.

(У меня сложилось мнение, что шайка экстрасенсов-гипнотизеров, если так можно назвать всех этих более чем

странных нищих и уродов, состоит из двух подразделений: поисковиков-теоретиков – то есть, «белой кости», и силовиков-практиков – «шестерок». К первым я отнес «лозоходца» и хмыря с лицом в шрамах, который нарушил мне пищеварение в ресторане «Ё-мое». Уж очень глаза у него были умными и проницательными. А то, что он работает с этой компашкой, у меня практически не было сомнений, хотя я больше его не встречал).

Но теперь уже все, круг замкнулся. Последнее звено найдено. Мне очень хотелось верить Паташону, что он не подсказал им адрес человека, который купил у него монету. Если это так – дай Бог! – то мои старики останутся в стороне, и мне нечего о них беспокоиться.

Что касается меня, то здесь все обстоит гораздо сложнее. Они просто обязаны выпотрошить мой сейф, в котором находится талер графа-чернокнижника. И меня вместе с сейфом заодно. Как-никак, я живой свидетель убийства Альфреда. К тому же, эта шайка-лейка имеет скверную склонность к кровожадности, а значит, меня прикончат в любом случае.

Что делать, что делать!?! Я в полном отчаянии обвел взглядом стены комнаты, словно они могли подсказать мне выход из сложной ситуации. Но стены молчали.

Глава 21

Ночь у меня получилась как конкурсный просмотр фильмов ужасов. Кошмарные сны просто толпились в очереди, чтобы прокрутить перед мной свои рекламные ролики. Почему только ролики? А потому, что я ни один из снов не досмотрел до конца. Они сменяли друг друга как в калейдоскопе, с каждым новым показом становясь все страшнее и кровавей.

Последним моим сном был кошмар: монстр-гигант, очень похожий на уродливого убийцу Альфреда (только с двумя головами), схватил меня за горло и, подняв вверх, начал душить. Я хрипел, задыхался, сучил ногами, бил по его двум харям кулаками...

И проснулся от того, что свалился с кровати на пол, вцепившись мертвой хваткой в подушку, как в злейшего врага. Мои ноги продолжали конвульсивно дергаться, словно клешни монстра все еще тисками сжимали мне шею, дыхание было хриплым и неровным, а сердце билось в груди как бесконечно длинная очередь из скорострельного пулемета.

– Чтоб ты сдох, урод! – с чувством сказал я своему видению, постепенно возвращаясь к действительности.

«Ты чего ругаешься?» – раздался в моей пустой и гулкой башке знакомый голос.

«А что мне остается? Как не вертись, все равно хана», –

ответил я обречено.

«Я мог бы сказать, что трус умирает много раз, а храбрец – один-единственный, но это избитое изречение, штамп, и оно тебе известно. Да и вообще мне сегодня почему-то не хочется читать моралите».

«Тогда какого хрена ты опять явился – не запылится?»

«Чтобы тебя предупредить».

«О чем?»

«О том, что нужно читать сообщения, которые цепляют возле парадного на доске объявлений работники ЖЭУ».

«Не понял...»

«Если ты уже сдался и желаешь сегодня предстать перед нашим небесным творцом, то тебе не грех побриться и помыться, потому что в девять ноль-ноль отключат горячую воду – намечается плановый ремонт теплотрассы. Вспомнил, олух царя небесного?»

– Вспомнил!

Меня словно пружиной подбросило с пола. Я и впрямь выглядел как злой абрек – заросший черной щетиной, волосы всклокочены, весь помятый и нервно-настороженный, будто находился не в комфортабельной квартире, а сидел в каком-нибудь горном ущелье на Кавказе, четвертые сутки поджидая в засаде врага-кровника.

Нежась под горячим душем, я постепенно обретал душевное равновесие. «Надо что-то делать, что-то предпринять... Что!?

Милиция, конечно, разыскивает убийцу. Но мне-то от этого не легче. Хотя бы потому, что пока неясно, кто первым придет к финишу – менты или эти таинственные оборванцы.

А у них финишная ленточка и приз – это некий Никита Бояринов. Может, отдать им этот талер – и дело с концом? Я согласен, но где их искать? И как произвести этот ченч, – мою жизнь в обмен на кусочек серебра – чтобы все было без обмана?»

Так ничего и не придумав, я позавтракал – съел бутерброд с сыром, запив его чашкой кофе – и закурил. Критическим взглядом окинув квартиру (пора бы пропылесосить ковры, да все некогда), я открыл балконную дверь и вышел на балкон.

Город уже давно проснулся. По улице сплошным потоком неслись автомашины, и в воздухе висел такой густой смог, что даже мелкие птички со сквера улетели на окраины, где больше кислорода и меньше свинца из выхлопных труб. Остались только вороны. Их не берет никакая зараза.

Похоже, главное предназначение этих птиц – это почистить землю от разных биологических остатков, когда закончится заседание Страшного суда.

Неожиданно я почувствовал себя очень неуютно. Мне не приходилось бывать на войне, я никогда не находился под обстрелом, на линии огня, но сейчас испытывал такое ощущение, будто в меня целится снайпер.

Я не знал, что предпринять: резко заскочить в квартиру

или упасть на бетонную плиту балкона и спрятаться за ящиком, где у меня лежал всякий технический хлам – лень было вытащить весь этот металлолом в мусорный ящик. Все никак руки не доходили.

Пока мысли в голове плясали канкан, глаза искали. Мне показалось, что остротой зрения в этот момент я сравнялся с орлом. Я видел мельчайшие детали; вплоть до спичечного коробка, который валялся возле урны на противоположной стороне улицы.

И я увидел! Это был не снайпер. Но мне от этого легче не стало.

Он стоял в крохотном скверике возле нашего дома и неотрывно смотрел в мою сторону. Это был тот самый пропыленный насквозь сукин сын, который появился передо мной словно видение, когда я обедал вместе с Клипером в ресторане «Ё-мое». Я уже мысленно дал ему кликуху – Дасти*.

Наши взгляды встретились, столкнулись, и по моему телу пробежала дрожь. Гипнотический взгляд человека в длинном плаще (несмотря на летнюю жару, он так его и не снял) вонзился мне в мозг как змеиное жало. На какое-то мгновение мне показалось, что я даже начал терять сознание.

*Дасти – пыльный (англ.)

Но тут откуда-то издалека я услышал... голос флейты! Это была флейта из сна; я не мог ошибиться – та самая тягучая, заунывная мелодия, вызывающая неприятие, раздражение, злость непонятно на что или на кого. Я встрепенулся.

ся и с силой тряхнул головой, разом сбросив гипнотическое оцепенение.

Похоже, незнакомец в длинном плаще сильно удивился. Я это сразу почувствовал. Давление его дьявольского взгляда ослабло, и я уже мог смотреть в его сторону без особых эмоций.

Я понял – он пришел по мою душу. Вернее, пришел забрать талер, а заодно и мою жизнь. Мне оставалось лишь одно – попробовать договориться миром. Звать кого-нибудь на помощь – артель напрасный труд. В этом я был уверен. Разве что батюшку с близлежащей церкви.

На меня вдруг снизошло неземное спокойствие. Я криво улыбнулся, приветливо помахал своему будущему убийце рукой (чем удивил его еще больше), и жестами показал, что сейчас спущусь к нему.

Дальше я действовал как испортившийся робот. В моей душе не шевелилась ни единая струнка; полное безразличие к своему будущему раскрепостило меня полностью, и я вышел из подъезда легкой, уверенной походкой человека, которому нечего терять.

– Здравствуйте, ваше благородие! – сказал я с наигранной веселостью и слегка поклонился; играть, так играть до конца. – Или как вас там – ваше сиятельство, граф?... А может, ваше высочество, князь?...

– Зовите меня монсеньор...

– Приятно познакомиться, Никита. Ах, да, пардон, – мсье

Никита. Вы хотели меня видеть?

– Немножко... – Этот гребаный монсеньор говорил с иностранным акцентом.

В советские времена его уже давно бы зацапали наши славные гэбисты, а нынче всякая иноземная шваль запросто разгуливает, где ей заблагорассудится, ни перед кем не отчитываясь и даже иногда без документов. То и дело слышишь, что поймали очередного зарубежного педофила или гомика на горячем. Полный отстой...

Конечно, большинство иностранцев вполне приличные люди. Такие же, как мы. Только они оболванены своей пропагандой, потому в своем повышенном самомнении не догадываются, что их сытость происходит не от их большого ума, цивилизованности и богатства стран, где они проживают, а от щедрот тамошних олигархов.

Заграничные боссы-богатеи уже давно нажрались, поэтому теперь кое-что небрежно бросают в народную кормушку от своих щедрот – чтобы электорат не бузил. А наша бизнес-голота, пусть и с миллиардными состояниями, все еще голодная. Потому и хакает в три горла, прозапас, подметая за собой даже мелкие крохи, да гражданством иностранным запасается, чтобы вовремя смайнуть за бугор – вдруг возвратится развитой социализм?

– Немножко чего? – спросил я, закосив под дурика.

– У вас есть... одна вещь. Она принадлежит... мне.

Новоиспеченный Дасти говорил очень медленно, тща-

тельно подбирая и немного коверкая слова – ну вылитый тебе эстонец. Я видел, что в его черных глазищах появилось недоуменное выражение, которое все усиливалось по мере того, как шел наш разговор. Он явно был удивлен. По какой причине?

– О какой вещи вы говорите?

– Вы имать аргентеус кинг* Соломон. – От волнения монсеньор снова начал коверкать слова еще больше.

Чтоб мне так жить! Сребреник Соломона! Ну и дела... Как же это я не распознал такой раритет?

Впрочем, и Князь, и Паташон – наши зубры от нумизматики – тоже не въехали в тему. Так что мне нечего пенять на свою необразованность. Тем более, что история этого талера в нумизматической науке считается вымыслом. Что не мешает ей смущать умы многих коллекционеров.

*Кинг – царь (англ.)

Сребреник или талер Соломона – это не цюрихский талер 1773 года, чеканенный по рисунку поэта и художника Соломона Гесслера. Это гораздо круче и таинственней. О нем столько легенд ходило начиная с десятого века, что впору серию авантюрных романов писать. Аргентеус Соломона еще называют монетой из Мегиддо.

Я знал несколько вариантов повествований, но одно мне особенно понравилось. Будто существует на свете вечная монета – своего рода нумизматическая птица Феникс. Она ведет свою родословную от денег библейского царя Соломона,

обладавшего огромными познаниями, в том числе и в колдовских науках.

Монета изначально была серебряная, хотя во времена царя Соломона серебряные деньги считались презренным металлом, чем-то вроде современных алюминиевых монет. Тогда в обращении было в основном золото, которое добывалось в легендарной стране Офир. Золота в государстве царя Соломона было очень много; им даже крыли крыши храмов и дворцов.

Короче говоря, царю Соломону в один прекрасный момент золото настолько приелось, что он решил пошутить над своими подданными, а заодно и над остальным человечеством.

В своей лаборатории он отчеканил монету из какого-то особого серебра. Тот, кто ею владел, очень скоро становился богатым человеком. И это богатство к нему так и перло: хочешь, загружай его в закрома, а хочешь – отмахивайся.

Эту монету он бросил в общую кучу, и с той поры народ начал относиться к серебру с должным почтением. Еще бы – вдруг попадетсЯ заветная монетка царя Соломона.

Шли годы, столетия, но как-то так получалось, что находился умник, который в итоге воссоздавал монету Соломона, но только под другим названием. И она обязательно была из серебра, необычного по составу. Римский император Диоклетиан, проводя денежную реформу, назвал один из серебряных номиналов аргентеусом – наверное, хотел, чтобы

богатство лилось в его империю широким полноводным потоком.

Правда, это мало ему помогло. В начала новой эры Римская империя потихоньку клонилась к закату.

Выходит, мне в руки попало даже не сокровище, а нечто совсем уж невероятное... Господи, какой я идиот! Мог бы сразу догадаться, когда отец рассказывал о своих опытах с серебряными монетами, какой раритет мне упал буквально с небес. Старинное серебро и без примесей... Дураку понятно, что это нонсенс.

Ах, Никита, Никита... Болван!

Выходит, граф-чернокнижник и впрямь был очень даже неглупым человеком. Скорее всего, он очень хорошо знал алхимию и прочие науки, в том числе колдовские, коль сумел воссоздать в талере монету Соломона.

Только граф маленько ошибся с составом, мне так кажется. Теперь этот талер вместо богатства приносит одни несчастья.

– Талер у меня есть. Но не уверен, что это аргентеус Соломона.

– Покажите! – резко выдохнул монсеньор по кличке Дасти.

– Вы думаете, я ношу свою коллекцию в кармане?

Мой собеседник засунул руку в карман плаща и достал оттуда какой-то прибор, похожий на миниатюрный анероид, но очень архаичного вида. Проделав с ним какие-то пассы,

он с уверенностью заявил:

– Аргентеус находится во внутреннем кармане вашего пиджака. Это он.

– Круто, – сказал я с уважением. – Да, монета со мной. Ну и что?

– Отдайте мне ее!

– Ну-ну, не так быстро... монсеньор. Эта монета стоит денег.

– Сколько?... – быстро спросил незнакомец.

– Но меня больше устраивает обмен... – продолжил я после многозначительной паузы.

На меня снизошло вдохновение. Мой язык молот сам, без подсказки головы. И я почему-то совершенно перестал бояться этого страшного человека. А может, не человека? Об этом я старался не думать.

– Понимаю... – Шрамы Дасти пришли в движение, и на его аскетической физиономии появилось некое подобие улыбки. – Так мы и предполагали...

– Вот и я об этом. А вы, я вижу, народ предусмотрительный. Догадались, что вам потребуется заложник. Где моя девушка? Она жива?

– Да, жива. Она у нас.

– Тогда считайте, что дело в шляпе. Мах на мах – вы мне девушку, я вам талер.

– Хорошо, я согласен. Дайте мне аргентеус и мы поедем.

Он протянул ко мне свою сильную жилистую руку.

– Не так скоро, – ответил я, отступая назад. – Я же сказал – мах на мах. Ченч, монсеньор, ченч.

– Монету!

Дасти буквально горел от вожделения. Я со своей нумизматической колокольни понимал его – столько лет искать, и вот она, долгожданная удача, рядом, в двух шагах. Остановка была за малым – получить монету из рук в руки, а потом свернуть шею простолюдину, который имеет наглость качать права.

– Терпение, монсеньор, терпение. Я же сказал – сначала девушку, потом...

Но незнакомец все-таки сорвался. На мгновение он потерял голову, утратил над собой контроль и буквально взбесился.

Этот Дасти был выше меня, крупнее и мощнее, поэтому совершенно не сомневался, что сможет силой принудить своего визави отдать ему раритетный талер. Правда, его несколько смущало то обстоятельство, что он никак не мог меня загипнотизировать.

А попытки применить гипноз были. Я это кожей ощущал. Но я старался не смотреть ему в глаза и не следить за движениями его рук. А еще мне словно кто-то помогал держаться твердо и уверенно, какая-то незримая внутренняя сила.

Дасти одним прыжком преодолел разделяющее нас расстояние, схватил меня за лацканы пиджака и...

И увидел мой оберег, который выглядывал через широко

распахнутый ворот рубахи. Дасти вдруг начала бить пляска святого Витта, изо рта полетели брызги слюны. Глядя на меня какими-то сумасшедшими глазами, он с невероятным усилием отпустил мой пиджак, и со скрюченными пальцами, держа руки так, как это делает хирург перед операцией, – на уровне плеч, отступил назад.

Спасибо, дед. Как я тебя любил и люблю, мой родной!

Я понял, что случилось. Оберег. Это его работа. Никакая нечисть не может преодолеть незримый барьер, сооруженный вокруг меня оберегом! Вот тебе и камушки... Ур-ра! Ай да дед! Оказывается, мой дедуля занимался очень серьезными вещами.

Закончится вся эта история, пойду в церковь, поставлю свечу за упокой. Клянусь! На этот раз дам своей лени по шапке.

– Куда едем? – спросил я с потрясающим спокойствием, будто ничего и не было.

Мой собеседник с удивлением посмотрел на свои руки и спросил – кажется, по-немецки:

– Вас пассирт?

– Извините – не понял... – Я учил английский язык.

– Что случилось? – переспросил он, пытаясь согнуть-разогнуть онемевшие пальцы.

Оказывается, оберег ему даже память отшиб. Клево!

– Ничего, – ответил я, нахально ухмыляясь. – Вам вдруг почему-то стало плохо. Я уже думал, что нужно «Скорую по-

МОЩЬ» вызывать...

– Найн! Не надо «Скорая помощь».

Похоже, теперь до него кое-что дошло. Он смотрел на меня хищным взглядом, в котором явно читались изумление и опаска.

– Мы едем...

С этими словами Дасти развернулся и с видом царственной особы пошагал впереди меня к машине, стоявшей неподалеку. Это был коллекционный «майбах», черный как вороново крыло. Он весь сиял, так много на нем было никелированных деталей.

Уж не тот ли это «майбах», в котором увезли мою подружку злополучной ночью, когда был убит Хамович? Очень даже похож...

Мне стоило лишь взглянуть на водилу, который предупредительно распахнул перед монсеньором заднюю дверь салона, чтобы понять, что он находится под воздействием гипноза – глупая кривая улыбка, пустые глаза, какие-то неуверенные движения... В таком состоянии он может нас и не довезти до пункта назначения. Настоящий зомби.

Эти мысли мелькнули у меня в голове как стайка стрижей и исчезли. Я снова стал насторожен и сосредоточен. Приблизился финал, и каков он будет, знал только всевышний...

Мы ехали долго, куда-то в направлении городской окраины. Это был трудовой микрорайон, сплошь нашпигованный различными заводами и фабриками. Мне еще не доводилось

здесь бывать, хотя город я, что называется, исколесил вдоль и поперек.

Раньше тут кипела жизнь, но теперь предприятия большей частью пребывали в летаргическом сне, а некоторые и вовсе развалились, глядели на мир пустыми глазницами огромных окон с битыми стеклами.

Разруха и нищета выползала на дорогу из всех закоулков, как шаромыжники за подаянием, и я стиснул зубы до скрежета – мать твою так! за что боролись!? куда мы идем? Если это тот самый распрекрасный капитализм, о котором не так давно мечтали мои сверстники в тесных компашках, разглядывая и примеряя яркие импортные шмотки, то почему он у нас такойдохлый?

Наконец «майбах» въехал на территорию какого-то завода и, немного попетляв среди полуразрушенных зданий и сооружений, остановился возле длинного производственного корпуса. Вокруг царил полный бардак; сколько я не оглядывался, так и не заметил ни одной железяки. Их подобрали, подмели под метелку, сборщики металлолома, большей частью бомжи и прочие деклассированные элементы.

Они не смогли до конца раскурочить лишь мостовой кран в здании цеха, куда меня привел Дасти. Там нас встретил мой «добрый знакомый» – назойливый нищий, который теперь был сама приветливость. Он так изгибал спину перед своим, как я понял, начальником, что казался вообще без костей.

– Гав, гав, гав! – пролаял что-то монсеньор на иностран-

ном языке (немецком?).

– Гув-гув, гув-гув... уи-уи... – с подобострастным подвыванием ответил ему нищий.

– Гр-р... Гав!

Нищий кивнул и повел нас к единственной двери во всем здании. Это была даже не дверь, а небольшие ворота с калиткой, через которую мы попали в квадратное помещение размерами примерно десять на десять метров.

Я обалдел. Это было что-то. Мне даже показалось, что я перенесся лет, эдак, на четыреста-пятьсот назад в замок западноевропейского феодала.

Во-первых, в бывшем производственном помещении стоял огромный камин (!) из темно-красного кирпича. Конечно, его сварганили недавно – это было видно по свежей кирпичной кладке. Камин исправно функционировал; в данный момент в качестве кухонной печи – возле него на корточках сидел уродливый убийца Альфреда и с сосредоточенным видом вращал рукоятку вертела, на который был насажен свиной окорок.

Жир стекал на ярко пылающие уголья, и аромат печеного мяса ударил мне в голову, словно какой-то хмельной напиток. Я вдруг понял, что от переживаний стал голоден, будто волк на исходе зимы.

Сглотнув слюну, я выругал себя за временную слабость и перевел взгляд на «астролога-лозоходца».

Этот ученый муж сидел в классической позе средневеко-

вого ученого-гуманиста Эразма Роттердамского и о чем-то сосредоточенно размышлял. Только теперь, вместо коричневого лапсердака с бронзовыми пуговицами, на нем был надет вполне добротный парчовый балахон темно-синего цвета, а волосы прикрывала нелепая с точки зрения современного человека шапочка с маленькими ушами, которую носили в средние века нидерландские бюргеры.

В помещении было темновато, и на крохотном столике перед «лозоходцем» горела толстая свеча, изливая желтый неяркий свет на лежащий перед ним старинный фолиант.

Кстати, и урод, который грохнул Альфреда, тоже приоделся. Его мощные широкие плечи облегал красивый кафтан с золотым шитьем, а на ногах красовались щегольские сапожки красной кожи с отворотами.

Только нищий по-прежнему щеголял в своих лохмотьях, но на правой руке у него появился массивный золотой перстень с черным камнем.

Кто эти ряженые? Или они вовсе не ряженые? Но это невозможно! Предположить, что четверка убийц попала в двадцать первый век прямиком из средневековья, может только человек не в своем уме. Машину времени еще не изобрели. (По идее. Точно утверждать ничего нельзя).

У меня на какой-то миг ум зашел за разум, и я потрянул головой, чтобы взболтать мозги, смущенные разными мыслями, совершенно лишними в данный момент. Помогло. В глазах посветлело, и я продолжил осмотр гостиной.

Пол в помещении был сплошь устлан коврами; вполне, кстати, современными, и совсем не дешевыми. Что касается стен и потолка этой весьма уютной гостиной (назовем это помещение именно так), то они были обтянуты бордовой тканью, похожей на атлас, с геометрическим рисунком.

Из мебели в гостиной было несколько старинных кресел (наверное, купленных в антикварном магазине), низенький столик, сплошь уставленный графинами с вином, кубками и прочими принадлежностями для трапезы, а также бюро, за которым и сидел «лозоходец», вынашивая какие-то гениальные замыслы.

– Где Елизавета? – спросил я грубо (чтобы подбодрить себя) и безо всяких предисловий, вдоволь насмотревшись на интерьер гостиной.

Правда, эти смотрины продолжались не более пяти-шести минут, пока монсеньор не переоделся. Он появился передо мной в костюме ландскнехта с буфами и красивым поясом из чеканного золота с камнями, на котором висел кинжал в сафьяновых ножнах. Ну просто цирк какой-то...

– Айн момент... – Босс этой старорежимной гоп-компании щелкнул пальцами, и нищий бросился выполнять его безмолвный приказ.

Он скрылся за неприметной дверью в глубине помещения, и на некоторое время в гостиной воцарилась тревожная тишина. «Лозоходец» очнулся от глубоко мыслительного процесса и посмотрел на меня с каким-то странным интересом.

Уж не «голубой» ли он? – мелькнула в моей голове подлая мыслишка.

А что, вполне возможно. Для него я вполне аппетитный юноша – чистенький, в меру упитанный, симпатичный и даже тщательно выбритый.

Тьфу, тьфу, брысь, изыди, нечистая! Что за дурацкие мысли в такой напряженный и ответственный момент!?

Бет появилась из темного дверного проема воистину как «луч света в темном царстве» (это так сказал кто-то из классиков – уж не знаю, по какому поводу). Моя подружка выступала неестественно прямо, с высоко поднятой головой – ну прямо тебе царица Савская. Она была какая-то чужая и потусторонняя, так я определил ее состояние.

Присмотревшись, я понял, что с ней происходит – Лизавета находилась под влиянием гипноза. Пустые, бесстрастные глаза, деревянная походка... Бет была как заводная игрушка – в какую сторону ее направишь, туда она и движется.

– Монету! – потребовал принаряженный Дасти.

– Девушку ко мне, – сказал я жестко. – И уберите гипнотическое воздействие.

Тут в наш диалог вмешался урод, убийца Альфреда. Наверное, чтобы доказать свое ретивое и выслужиться перед начальством, он злобно оскалился, подхватился на ровные ноги и бросился ко мне с намерением наказать меня за дерзость. И впрямь, как смеет какой-то никчемный человечешко перечить самому монсеньеру!?

Предостерегающий окрик босса запоздал – урод уже приблизился ко мне вплотную. Похоже, действие моего оберега в этом помещении еще больше усилилось, потому что убийцу Альфреда словно током ударило. Он резко отшатнулся назад, да так, что едва не грохнулся на пол.

В его взгляде, обращенном на меня, вновь появилось то же самое выражение, которое я наблюдал, когда он пытался войти ко мне в квартиру – смесь дикого изумления, страха и боли.

Бросив на своего неразумного подручного унижающий взгляд, монсеньор сделал несколько пассивных шагов, и во взгляде Лизаветы появилась осмысленность. Бет встрепенулась, с недоумением осмотрелась (при этом игнорируя присутствующих; наверное, ей казалось, что она попала в музей восковых фигур). Наконец ее взгляд остановился на мне.

– Ник! – вскричала она с невероятной страстью, и бросилась ко мне с таким напором, что едва не сбила с ног попавшегося ей на пути уродливого висельника, убийцу Альфреда.

Он все еще стоял, как громом оглушенный, бессмысленно хлопая длинными рыжими ресницами и беззвучно шевеля неестественно толстыми губами.

– Ник... – Лизавета упала мне на грудь и зарыдала. – Ты пришел... Я знала, что ты не оставишь меня. Знала! Ник, любимый... Мой рыцарь...

Нет, ну что за народ эти женщины! У моей подружки не

было ни единого сомнения в том, что я, словно один из благородных рыцарей короля Артура, прискакал сюда на белом коне, рискуя собственной жизнью, только для того, чтобы наказать супостатов-похитителей и выручить ее из беды.

Возможно, так оно где-то и было. Но только отчасти. Главной своей задачей я считал раз и навсегда покончить с этой кровавой историей. И не потому, что я такой благородный джентльмен.

Просто, как человек логичный, я понимал, что рано или поздно эта компашка доберется и до меня. А всю оставшуюся жизнь оглядываться и дрожать от малейшего шороха – такой участи и врагу не пожелаешь. Даже сверхраритетный рудничный талер не может служить утешением на фоне таких проблем.

– Тихо, тихо... – Я гладил ее по спине, а сам смотрел на монсеньора.

– Монету! – снова проревел он, как тигр.

– Бет, погоди чуток...

Я отстранил зареванную Лизавету, полез во внутренний карман своего летнего пиджака, и достал оттуда коробочку с талером. Признаюсь, в этот момент мне самому хотелось заплакать: своими руками отдать какому-то дяде за здорово живешь такую редкость! Ведь во всем мире существует всего три – ТРИ! – таких талера.

Вся моя сущность восставала против этого поступка, но здравый смысл все-таки взял верх, и я положил коробочку

на столик рядом с чеканным серебряным кувшином явно турецкой работы.

– Нет, не так, – сказал Дасти. – Отдайте мне аргентеус в руки.

Ага! Я так и знал, что он это скажет.

– Какие проблемы... – ответил я развязно. – Только давайте договоримся: я отдаю вам талер, и мы с девушкой уходим. И все, я вас не видел, не знаю, и знать не хочу. Только чтобы без зэхэров!

– Что есть зэхэры? – удивленно спросил монсеньор.

– Это значит, что вы не должны чинить нам никаких препятствий. И больше не преследовать.

– Согласен.

– Поклянитесь, – сказал я с дрожью в голосе.

И сразу же сообразил, что сморозил глупость. На чем он будет клясться, на Библии или на каком-нибудь колдовском манускрипте, где рассказывается, как извести род человеческий?

Но Дасти воспринял мои слова совершенно серьезно. Он поднял вверх правую руку – тут я впервые увидел, что у него на пальце массивный перстень темного металла с огромным рубином – и сказал несколько слов, как мне показалось, на латыни.

– А теперь выполните свое предназначение, – сказал он торжественно.

Я все еще колебался: вдруг он обманул меня и сказал, на-

пример, что-то типа «Все равно хана тебе, козел»? Монсеньор мигом понял мои сомнения и добавил:

– Вас я не смогу удержать даже при сильном желании.

Ага! Вот теперь у меня отлегло от сердца. Спасибо, дедуля, за оберег! Неужели ты знал, что я когда-нибудь попаду в такой переплет? Эх, спросить бы...

Я достал монету из коробочки и торжественно вручил ее монсеньору. Едва она оказалась в его руках, как вся остальная братия окружила своего босса и начала рассматривать талер с таким видом, будто я передал им, по меньшей мере, ключ от ворот рая.

Дождаться конца смотрин я не стал. Схватив Лизавету за руку и цыкнув на нее, чтобы она закрыла рот, я начал потихоньку отступать к входной двери. Но там меня ждал облом – дверь была замкнута, хотя я не видел в ней замочной скважины. Что за чертовщина?

– Вы уйдете только после нас, – раздался позади бас монсеньора.

– Мы так не договаривались! – воскликнул я возмущенно.

– Именно так мы и договаривались. Вам никто не причинит никакого вреда, но вы сможете выбраться отсюда только после того, как нас здесь не будет.

Все верно, он говорил разумные вещи. Вдруг я не сдержу слово и стукну ментам, что в заброшенном цехе свили гнездышко колдуны и убийцы?

– И долго вы здесь будете кантоваться? – спросил я уже

со смиренным видом.

Куда денешься, здесь Дасти хозяин-барин... Господи, помоги мне отсюда выбраться живым здоровым!

– Что есть кантоваться?

А, черт! Я забыл, что он немчура.

– Это значит, присутствовать, – снова сделал я перевод с образного народного языка на сухой литературный.

– Нет, недолго. Мы уйдем прямо сейчас...

Дасти кивнул нищему, и тот выдвинул из угла какое-то сооружение, прикрытое бархатной накидкой. Когда он снял ее, я увидел платформу на колесиках, похожую на миниатюрный парусник; она была длиной около трех метров и шириной примерно метра полтора. Вместо мачты посреди «парусника» возвышался массивный треножник, увенчанный хорошо отполированной полусферой из какого-то серебристого металла. Под треножником виднелись диковинной формы штуковины, возможно, механизмы – сразу не понять.

В плоской части сферы, обращенной кверху, я заметил три круглых гнезда. Два из них уже были заполнены. Присмотревшись, я невольно ахнул – там лежали точно такие талеры, как тот, что я передал этому гребаному монсеньору!

На нас с Бет совсем перестали обращать внимание. Вся гоп-компания была сильно возбуждена и занималась сборами: «лозоходец» увязывал какие-то баночки-скляночки и фолиант в узел, убийца Альфреда притащил к платформе ворох старинного холодного оружия (они что, ограбили Ору-

жейную палату? – подумал я с удивлением), а нищий с вороватым видом снял с вертела недопеченный окорок, обернул его куском ткани и спрятал сверток в своих безобразных лохмотьях.

Что касается самого монсеньора, то он поднялся на платформу и начал там что-то налаживать и подкручивать. Примерно так, как это делает водитель, когда впервые выводит машину из гаража после зимы: подключает аккумулятор, проверяет уровень масла, закачивает бензин в карбюратор... ну и так далее.

Но вот очень быстрые сборы были окончены и все четверо забрались на платформу. В торжественной тишине Дасти что-то там провякал и вложил мой талер (в этот момент меня просто жаба начала давить от жадности – потерять такую монету!!!) в третье гнездо.

И тут началось! Я предполагал нечто подобное, потому мог мыслить более-менее здраво, но у Лизаветы, наверное, крыша поехала. Она совсем офигела и потеряла способность не только думать, но и говорить (что, кстати, было в данный момент очень ценно) – лишь рот периодически разевала, словно выброшенная на берег рыбина.

Платформа осветилась неземным – голубым – светом. Затем вокруг четверых башибузуков, тесно сгрудившихся возле мачты-треножника, начала постепенно образовываться большая сфера – будто некто невидимый начал сплетать ее из разноцветных световых нитей. Она росла, увеличивалась

в диаметре, и вскоре платформа оказалась внутри ярко светящегося шара. Это было просто невероятно... и завораживающе.

Пока происходила вся эта фантазмагория, монсеньер не умолкал. Он говорил нараспев, речитативом, и голос его все усиливался и усиливался. В конечном итоге он уже грохотал, гремел, как непрерывные грозовые раскаты. Такие децибелы мне не доводилось слышать даже на аэродроме.

Спустя какое-то время – мне показалось, что пролетела целая вечность – изрядно потолстевшая сфера засияла еще ярче; из нее вырвался толстый голубой луч, ударил в потолок... и тут я увидел и вовсе невероятное!

Потолок исчез. Над нашими головами сияло звездное небо. Но самое главное – ни одно созвездие мне не было знакомо! А я, смею утверждать, знал в школе астрономию на «отлично». Это был мой любимый предмет.

Мне хотелось себя ущипнуть. Происходящее перед моими глазами действие напоминало фантастический сон. Этого не может быть, потому что не может быть никогда! На моих глазах рушились законы физики (которую я, кстати, терпеть не мог).

Я увидел, что платформа вместе со светящейся сферой начала медленно подниматься. Выше, выше... Я совсем обалдел. Зрелище явно предназначалось не для слабонервных. Значит, история про графа-чернокнижника совсем не сказка?

Нет, нет, все это бред! Я сплю, и мне снится сон... снится сон...

Ни одно мое пробуждение не было столь шумным и неожиданным. Позади раздался грохот взрыва, входная дверь упала, и в помещение ворвалась орава крепких парней в бронежилетах и камуфляже. Все они были вооружены автоматами. А вместе с ними вбежал и майор Ляхов.

– На землю!!! Всем лежать!!! Руки за голову!...

Ну, началось... Привычная «молитва» спецназа, когда он в работе.

Я мгновенно упал на ковер и потащил за собой бедную Лизавету, которая вообще перестала что-либо соображать. Чтобы она не вздумала трепыхаться, я накрыл ее своим телом и, как оказалось, поступил правильно – ботинок омовца проехался не по ее ребрам, а по моим.

Тем временем совсем сбрендивший от удивительного зрелища Ляхов, целясь пистолетом в платформу, которая продолжала подниматься, кричал:

– Сдавайтесь, мать вашу!... Вы окружены! Сопротивление бесполезно! Стоять!!!

Я понял, что сейчас он нажмет на спусковой крючок. Идиот, тупица!

– Не стреляйте! – заорал я в отчаянии. – Иначе всем нам хана!

Увы, я опоздал. Коротко, как швейная машинка, прострочил автомат, и сфера начала быстро терять яркость. Похоже,

у кого-то из омовцев не выдержали нервы.

Я не стал дожидаться, пока платформа опуститься вниз. Тем более, что из бисерно-разноцветной сфера стала тревожно-оранжевой и начала пульсировать и вспухать, как ядерный гриб.

– Ходу, Бет, ходу! – приказал я своей испуганной подружке (под весом моего тела она пришла в себя).

Мы даже не стали подниматься на ровные ноги, а побежали (именно побежали, а не поползли) к выходу на карачках. На нас никто не обращал внимания. Все омовцы смотрели, как замороженные, на вибрирующую в метре над полом сферу, внутри которой корчились в муках четыре человека.

Выскочив из гостиной монсеньора и поднявшись на ровные ноги, я сказал Лизавете:

– Беги отсюда, подруга, что есть сил! Никаких возражений! Я тебя догоню...

Она побежала. Сначала неуверенно, будто у нее ноги затекли, а затем полетела как на крыльях. Инстинкт самосохранения в действии...

Я просунул голову в дверной проем и заорал:

– Уходите отсюда, идиоты!!! Сейчас все взорвется на хрен!

Бросив последний взгляд на сферу, от которой уже несло сильным жаром, я изо всех ног припустил вслед Лизавете. Позади послышался топот грубых ботинок омовцев. Молодцы, послушались...

Это было последнее, что я успел подумать. Взрыв был не очень сильный – словно лопнул большой надувной шар. Но ударная волна превзошла все мои ожидания. Она вырвалась из здания цеха и сначала сильно пнула меня под зад, а затем подхватила, закружила, и я, пролетев в воздухе метров пять, шлепнулся, как лягушка, на кучу разного хлама.

А затем наступила тишина. Мертвая тишина...

Я сидел с забинтованной головой вместе с Бет на травке неподалеку от цеха, возле которого суетились работники «Скорой помощи» и оперативники уголовного розыска. Приехал сюда и городской прокурор – рыхлый неприятный на вид мужчина, на упитанном лице которого явственно читались досада и раздражение.

Наверное, его оторвали от какого-то важного дела; например, от шикарного обеда в престижном ресторане, которым блюстителя закона какой-нибудь местный воротила.

Рядом с нами сидел и Ляхов с покаянным лицом и рукой на перевязи. Он до сих пор не пришел в себя от изумления и тупо качался туда-сюда, словно буддист во время молитвы.

– Ну, что там?... – спросил я, кивком головы указав на здание. – Все живы?

– Да. Правда, многие контужены и трех парней легко ранило... От бытовки, где мы вас нашли, даже воспоминаний не осталось, все в труху. Стены превратились в пепел, словно были деревянными. Вам от лица службы спасибо. Вы наш

спаситель. С меня причитается.

– Да ладно, чего там... Ведь вы пришли к нам на помощь. – Теперь уже мне казалось, что весьма своевременно; кто знает, что было бы, выйди чудо-корабль монсеньера со товарищи на режим; не исключено, что от нас с Лизаветой остался бы только пар. – Как вы здесь оказались?

– Мне сообщила наружка... Парни засекли, когда тот длинный в плаще сажал вас в машину. И проследили. Мы вычислили и его, и уroda, на которого вы указали как на убийцу Пилацкого, еще вчера вечером, но им удалось уйти. Их уже взяли, даже в наручники заковали... а они ушли. Как такое возможно, ума не приложу.

– Что тут непонятного? Гипноз. Большие мастера...

– Да. Большие. Скажите мне, что это было?

– Вы о чем?

– Ну, этот шар огненный... и вообще...

– Кабы я знал... Мистика. Или фантастика. Возможно, это был какой-то летательный аппарат – уж не знаю, инопланетного или земного происхождения (что скорее всего), а может, и машина времени. Да, да, не удивляйтесь. Немного побобщавшись с этой компашкой средневековых жиганов (уточню для протокола – не по своей воле), я теперь могу поверить во все, что угодно. Но если честно, у меня нет объяснений. Кстати, что с ними?

– Испарились. Остались только клочки обожженной материи. А металл той штуковины, на которой они летали, рас-

плавился. Черт побери! Что я напишу в донесении? Мне никто не поверит. Бред... – Ляхов пригорюнился.

– Омоновцы подтвердят.

– Что они подтвердят? Расскажут, что видели инопланетян, которые летали на огненном шаре? Парни не такие дураки, чтобы выставить себя на посмешище. Они доложат по команде, что накрыли банду террористов, бандиты ожесточенно сопротивлялись, омоновцы мужественно дрались (неплохо бы и медали за такой подвиг отхватить, но еще лучше – получить солидную премию), а затем произошел взрыв боеприпасов. И все дела. Главное, удалось избежать жертв среди личного состава. Таким будет их объяснение. А мне нужно держаться поближе к истине. К сожалению. Так что не удивляйтесь, если вас начнут допрашивать сотрудники ФСБ. Эта история по их части.

– Я уже ничему не удивляюсь... – буркнул я отстраненно. – А к допросам настолько привык, что не могу без них спокойно уснуть.

Ляхов сумрачно взглянул на меня, поднял с кряхтением – похоже, ему здорово досталось, хотя он и бодрился – и ушел к своим товарищам, проводившим следственные мероприятия.

– Ник, а, Ник! – Бет ткнула меня локтем в бок. – Ну, что ты скажешь?

– Ты о чем? – воззрился я на нее с удивлением.

– Как это – о чем? Или ты забыл?

– Извини, мне взрывом всю память отшибло. Что я должен был помнить?

– Я дала тебе сутки на размышление, а уже прошло... ох, как много времени. Так когда мы пойдем в ЗАГС?

Блин! Ничего себе заявочка... Кому что, а курице просо. На наших глазах происходят, можно сказать, события планетарной значимости, а она опять за свое. Зачем я спасал ее!? Чтобы повесить себе хомут на шею? Вот олух царя небесного...

– Бет, дорогая, извини меня – потом... Мне очень плохо. Голова болит... – Я со стоном лег на спину и закрыл глаза.

Это чтобы они не выдали меня, потому что в данный момент я лихорадочно обдумывал, каким образом мне можно сорваться с крючка. Ну как объяснить этой симпатичной, но настырной особе, что семейная жизнь и мое хобби – две совершенно несовместимые вещи!? Плюс ко всему прочему моя неизбывная лень...

Нет, нет, ни в коем случае! Даже если общество заклеяет меня позором за мое негуманное отношение к женщине, я все равно сейчас не надену на себя семейный хомут. Может быть, позже... когда-нибудь...

А в здании цеха я еще пошарю. Обязательно пошарю. Вдруг талер чернокнижника не расплавился вместе с летательным аппаратом, а закатился куда-нибудь в угол. С этим сребреником все может быть. От этой мысли мне вдруг стало на душе легко, тепло и приятно, и я невольно улыбнулся.

Жизнь продолжается, господа! И просто здорово, когда у человека есть цель в жизни.